

Сергей Демьяхин

Игрушки создателя

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Юрьевич Демьяхин

Игрушки создателя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70246642

SelfPub; 2024

Аннотация

После гибели родной планеты, сотни лет остатки человечества ютятся в мире, которого нет в реальности. Но вдруг появляется шанс вернуться, только кто даст гарантию, что возвращение будет благом для людей? Главный герой попадает в круговорот событий, которые приведут его к таким открытиям и осмыслению всей его жизни, что и пером не описать. Жизнь внутри другого человека, с совершенно иной планеты под названием Земля заставит принимать решения, не совместимые с его нравственным кодексом. Было бы очень страшно, если бы не настолько весело и безумно.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	17
Глава 2	50
Глава 3	83
Глава 4	114
Глава 5	144
Глава 6	170
Глава 7	202
Глава 8	235
Глава 9	263
Глава 10	293
Глава 11	322
Глава 12	352

Сергей Демьяхин

Игрушки создателя

Пролог

День, когда наша планета разлетелась на куски, стал для последних из выживших началом новой жизни. Если это вообще можно назвать жизнью. Казалось, природа сама приговорила себя к тотальному катаклизму, лишь бы не испытывать более невыносимые муки, связанные с ползающими по её телу назойливыми насекомыми, совершенно обезумевшими от безнаказанности и жажды наживы. Наука и технологии достигли поистине чудовищных высот, недра практически опустели и космические челноки, рыскающие словно голодные звери по всей звёздной системе, не могли уже даже в минимально необходимой степени обеспечить потребности зажавшегося человечества.

Мы вычерпали свой мир до дна. Пришествие конца ощущалось во всём – сезон ураганов сменялся невыносимой засухой и зноем, землетрясения обрушали планетарную инфраструктуру, наводнения затапливали целые города. Флора и фауна стремительно вымирали, наш общий дом превращался в пустыню. Технеция, третья от светила планета, за миллиарды лет спокойно перенёсшая все возможные ка-

таклизмы, разрушалась высокоинтеллектуальной органической заразой.

Объединённое правительство постепенно самоустранилось от всех проблем, люди были брошены на произвол судьбы и, лишённые привычного диктата и контроля со стороны власть предержащих, выживали как могли. Хаос, неразбериха и безысходная жестокость воцарились в нашем совсем недавно упорядоченном мире.

Учёные всей планеты, физики, климатологи, астрономы, да кто угодно, невзирая на чины и звания, были вовлечены в поиск решения первостепеннейшей задачи, вставшей перед человечеством. И самое главное, никто из этих светил науки так и не смог внятно объяснить причины происходящего. Ядро планеты постепенно расширялось под воздействием неизвестных излучений, теряло стабильность и грозило смертью всему живому.

И вот когда казалось уже всё потеряно, все возможные варианты спасения исчерпаны, случилось то, что иначе как чудом назвать было нельзя никак. Учитель, конечно, был гением. Сплотив вокруг себя своих лучших учеников, он долгие годы работал над созданием Переноса. И именно ему, а соответственно и нам, его ученикам, удался прорыв.

Был создан мир вне этого мира, назвать можно как угодно – параллельный, потусторонний, иллюзорный, но не в названии суть. Своё начало он получил вне действующей реальности и, стало быть, и сам не был реальным. Как и все мы,

чьё сознание с помощью процедуры Переноса внедрилось в цифровые аватары, идентичные нашим реальным телам. Да и новый мир полностью копировал старый, умирающий, но, несмотря на колоссальное сходство с ним, всё же являлся симуляцией. Яркость красок, невероятные возможности в развитии персонажей, путешествия, научные исследования, открытие ранее неизведанного, он всё же не мог дать настоящих ощущений. Ни вкуса, ни боли, ни запаха, ни радости от физической близости. Мы стали картонными людьми, набором цифр в океане пикселей.

Про отсутствие чувств все узнали уже после, но тогда, когда в прессе был опубликован первый доклад об этом, скорее всего, единственном выходе из складывающегося положения, началось такое! Люди на всех континентах с замиранием сердца ждали очередного интервью Учителя, ловили каждое его слово, сначала едва веря, но потом...

В общем, наш наставник в течении короткого промежутка времени стал новым богом для людей. Ему буквально молились, новая вера захлестнуло всё человечество. Как же оно было жестоко обмануто. Уж мне ли не знать?

Кстати, забыл представиться – Блок Кади Пирст. Я хорошо помню тот самый день, когда Учитель собрал всех нас в своей главной лаборатории и объявил, что проект наконец-то завершён и уже разосланы уведомления о старте процедуры тем миллионам граждан, которым посчастливилось получить шанс на спасение. Я не знал, по какому принципу

происходил отбор, возможно, по степени полезности или положению в обществе, но сама мысль о том, что оставшиеся миллиарды несчастных обречены сгореть вместе с агонизирующей планетой, была невыносима. Не для того ли, чтобы спасти всех, мы приложили столько сил?

– Неужели нет ни одного шанса помочь остальным людям? – спросил я тогда и Учитель, взглянув на меня своим знаменитым ироничным взглядом, ожидаемо ответил:

– Милый мой Кади, я прекрасно понимаю всё беспокойство твоей тонкой натуры, что я где-то даже уважаю, но, извини, осознать не могу. Я учёный, а не спаситель всего человечества, несмотря на весь тот непонятный восторг и повсеместное обожание, поэтому отвечу один раз и больше к этому вопросу мы возвращаться не будем. Кстати, это должно быть усвоено всеми присутствующими, – он убедился что все внимают его речам, (а разве было когда-то по другому?) и продолжил:

– Можно сколько угодно сожалеть об остающихся на верную смерть людях, неважно кем они являются в сложной иерархии гражданского устройства, будь то обычный средне-статистический человек, либо член правительства или банкир, но запомните раз и навсегда – мы не можем спасти всех и вы должны принять этот непреложный факт, как единственно возможную истину.

Во-первых, подпространственный карман, что мы открыли, заполнен нашими усилиями сейчас только на один про-

цент от своих возможностей и все в новый мир просто не поместятся.

Во-вторых, со временем мы, конечно, решили бы эту проблему, расширив сферу проживания, но вот беда – времени-то у нас как раз и нет. От слова совсем.

И в-третьих – зачем нам весь этот бесполезный балласт в виде никчёмных паразитов, неудачников и откровенных негодяев, которые сейчас взяли в руки оружие и пытаются силой решить свои проблемы?

Вы хотите знать, чем я руководствовался при выборе кандидатов? Всё очень просто – новому обществу нужны молодые, энергичные, полезные члены. Именно полезные. Не здесь и сейчас, а там, в нашем новом доме. Учёные, политики, военные и полиция, высококвалифицированные рабочие разных специальностей, в общем все те, кого можно будет сразу поставить в строй, грамотно распределить между ними обязанности и ускоренно строить новый мир. Тот самый, в котором нам с вами уготована особая роль, призываю вас ответственно отнестись к нашей безусловно важнейшей миссии. Тот самый мир, где нет смерти и огромные возможности для постоянного развития. Мир, в котором нет места паразитам. Мы с вами будем управлять этим новым человечеством и я, как основатель этой зарождающейся вселенной, создам свод непреложных правил, обязательных для всех. И даже те счастливики, кто будет выбран для новой жизни не смогут избежать сурового наказания за их нарушения. Я бу-

ду строг со всеми, но справедлив и горе тем, кто усомнится в моём миролюбии!

Вообще-то он умел зажигать. Я видел восторженные лица своих собратьев и невольно сам заражался идеями Учителя. Да, всех не спасти, конечно же я и раньше понимал это, но ведь те, чьё сознание выживет – разве хотя бы они не достойны более справедливого общества?

– Попахивает авторитаризмом.

Куда я опять полез?

О нет, я никогда не любил быть в центре всеобщего внимания, моя страсть – наука, но это внутреннее чувство несправедливости – с ним то как быть? Несмотря на жёсткое регламентирование нашей прежней жизни, у цивилизации людей Технеции не было единого правителя, это уж точно дикий анахронизм.

То был первый звоночек. Учитель тогда только начинал превращаться в Автора, поэтому ограничился лишь смешком и едким замечанием в мой адрес:

– Ты скоро совсем забудешь, что такое запах, мой мальчик.

В тот день я решил для себя, что несмотря на невозможность перенести всех желающих, обязательно попытаюсь сделать хотя бы слепки сознания тех, кого знаю. Немногочисленных друзей и подруг, просто знакомых людей и сохранить их внутри собственного мозга в закрытой базе данных. Ну а что со всем этим делать, будет видно потом.

Немногим повезло в итоге моего сумбурного метания по старым адресатам. Не то, чтобы я не хотел, а просто времени действительно не хватало. Чёртова занятость! Те несколько часов, что я смог выкроить для этой последней моей миссии в реальности, помогли подарить надежду только пятерым, с которыми я смог наспех связаться.

Да, это был мой дар.

Около восьмисот лет назад была проведена тотальная чипизация мозга. Сначала взрослой части населения, а после изобретения жидкой нейроматрицы, её стали вводить каждому новорожденному. Субстанция обволакивала кору головного мозга тончайшим слоем, кристаллизовалась и превращалась в нейросеть, которая тут же связывалась с глобальным банком данных и Системой связи.

Изначально эта матрица выполняла идентификационную функцию, то есть полностью заменяла любые личные документы, но затем, с развитием технологий, стали появляться и другие удобства. Связь с любым человеком в любой точке мира. Интерфейс пользователя, выводимый прямо в глаза, доступ к разрешённой части банка данных, да чего там только не появилось за эти века. Однако все понимали, что у этого великолепия существует и тёмная сторона. Тотальный контроль. Любые наши действия, слова, поступки тут же фиксировались службой правопорядка и автоматически проверялись на соответствие нормам правил гражданского самосознания.

И вот за тридцать пять лет до Переноса родился ребёнок, которому не потребовалась инъекция. С первым же вздохом его головной мозг вдруг, неожиданно для всех, самостоятельно подключился к мировой сети. Эволюция сделала новый скачок, правда, пока этот случай был единственным за всю историю. И этим ребёнком был я.

Никто из никогда не попал бы в ученики к Учителю, не имея какого либо скрытого таланта. У каждого было что-то своё, у кого в большей, у кого в меньшей степени, но телепатии не было больше ни у кого. За всю историю Технеции подобных случаев зафиксировано не было ни разу. Такая вот аномалия. И именно благодаря этому, изучив мою способность, Учителю удалось сконструировать механизм телепортации сознания. Долгие годы я был его подопытной крысой, но он всегда был так убедителен, умело играя на пресловутых струнах моей души.

– Ты же знаешь для чего мы это делаем, Кади. Цена слишком высока, люди всего мира горят единственной надеждой. Они надеются на меня, а я, в свою очередь, очень на тебя рассчитываю. Осознай эту простую истину – и ты сможешь спасти их всех.

– Я знаю, Учитель. Я знаю.

– Одного знания мало, тут ещё надо как следует проникнуться и уяснить своей головой, что мы учёные и должны двигать науку вперёд. Ну а уж с её помощью продвигать всё остальное. По мере наших скромных возможностей.

Спасти их всех. В самом начале разработки процедуры речь шла о всеобщем спасении. Когда это было? Многие месяцы мы работали не покладая рук, не досыпая, глотая пищу прямо у себя в лабораториях и к чему мы пришли в конечном итоге? К тому, что теперь говорить приходилось лишь о малой части. Остальным просто не повезло.

Это от Учителя я узнал, что меня подбросили к приятному дому в возрасте двух недель от роду. Кто мои мать и отец и где и с кем я рос эти первые дни своей жизни, выяснить так никогда и не удалось, хотя я и старался изо всех сил, ведь Системе должно было быть известно всё о своих подопечных. Но почему-то не в этом случае, словно и я и те люди, что родили меня, взялись из ниоткуда. Почему Система не зафиксировала их, ну или хотя бы мать в момент моего рождения? Ведь контакт с моим сознанием состоялся, но на запрос о родителях ребёнка ответ так и не был получен.

Пятнадцать лет, которые я провёл в приятном доме, представляли собой сплошные комиссии по изучению моего мозга, нейроматрица для чистоты эксперимента введена так и не была. Эти дотошные эскулапы исследовали моё сознание вдоль и поперёк, практически ежедневно доводя до слёз, так что детства у меня, считай, и не было вовсе. Впрочем, так же как и юности, потому что потом за мной пришёл Учитель. И всё продолжилось с удвоенной силой, уж чего – а энергии ему было не занимать.

Перенос длился три с половиной недели. Сервисные цен-

тры по всему миру едва успевали отправлять претендентов, осаждаемые тысячами озверевших от ужаса людей, не удостоенных чести сохранить если не жизнь, то хотя бы сознание. Армия и полиция уже не церемонились и пускали в ход оружие при минимальной угрозе. Стычки происходили постоянно, многие толстосумы, имеющие деньги и власть, вооружали целые отряды, чтобы с боем пробиться к заветной процедуре и, соответственно, бессмертию. Их ждало жестокое разочарование, Учитель подстраховался на этот случай – аватаров имелось ограниченное количество и каждый мог принять сознание только своего владельца. Реальное тело при этом утилизировалось. Сколько смертей было при насильственных захватах центров Переноса, не поддавалось счислению. Но попытки эти не прекращались, каждый думал, а вдруг сейчас именно ему повезёт.

Не повезло никому.

Мы-то, понятное дело, перенеслись в первую очередь и, с каждым поступлением очередной волны новичков, приносивших нам вести с родины, теперь уже навсегда бывшей, мрачнели всё больше день ото дня. Середина четвёртой недели ознаменовалась резким обрывом Переноса. Это был конец. Нашего общего дома не стало. Из всех, кого отобрал Учитель для строительства нового мира, успели к новому месту жительства менее половины.

За первые сто лет первоначальная всеобщая эйфория постепенно сошла на нет. Мы тупо существовали, не старели,

не спали, не ели, всё это стало ненужным и сильно удручало. Нет, пищи-то было в изобилии, но к чему есть, если не чувствуешь ни вкуса, ни запаха, да и в самом насыщении нет никакой необходимости? Жизнь стала пресной, эмоции истончались и атрофировались, образы, заложенные в сознании, которые бередили нервы поначалу, стирались из памяти, а симпатии и любовь попросту исчезли как понятие. Попробуйте, к примеру, влюбиться в женщину, не имея возможности ощутить тепла её тела, не чувствуя вообще ничего. Долго ли продлиться такая любовь? А память постепенно утратила воспоминания о прошлом, о доме, о семьях, о знакомых, друзьях и подругах.

Чем дальше, тем сильнее ощущалось, что люди, по крайней мере те, с которыми мне приходилось общаться, мало-помалу перестали вообще испытывать хоть какие-то живые чувства. Но, подозреваю, что и остальные граждане были подвержены такому же недугу. Самое точное определение – автомат. Механическое существование, будто кто то невидимый присосался к остаткам нашего сообщества и постепенно, словно смакуя, выжирал душу.

Единственное что ещё согревало – меня, по крайней мере, так это ничем не ограниченное развитие интеллекта. Игнорируя, в отличие от абсолютного большинства, прокачку силы и ловкости, в науку я попросту окунулся с головой. И раз за разом заставлял себя стиснуть зубы и продолжать с, неведомо откуда взявшимся остервенением, проводить экс-

перименты и исследования. Брался за всё подряд – физика, химия, медицина и десятки других дисциплин – за эти столетия наверное не было области, где бы я не протоптал пару тропинок.

В то же время я постепенно перестал обращать внимание на то, чем занимается Учитель с другими одиннадцатью своими учениками. Хотя он уже почти стал Автором миров а мои бывшие коллеги – его приближёнными советниками.

Почему бывшие? Я сам стал считать их таковыми. Что-то сломалось во мне тогда, когда я окончательно осознал всё безумие произошедшего и постепенно отдалился от коллектива. Наверное, я с самого начала был белой вороной в их команде, хотя оцифровкой сознания владел немногим хуже лишь самого Автора, но так тот вообще был непревзойдённым учёным.

Кстати, как и обещал, он практически с первых дней новой эры ввёл жёсткую диктатуру, настругал законов и все новые члены Автократии (ага, так прямо и назвали) с пугающим энтузиазмом принялись их выполнять. Тогда то я и начал понимать, по какому принципу проходил этот самый пресловутый отбор для Переноса. Лояльность к Автору в любых его ипостасях и проявлениях. В общем, как я уже говорил, Учитель, учёный с мировым именем стал Автором, единоличным правителем Автократии. А я по прежнему пытался, помимо прочего, найти средство для возврата человеческих чувств, но не выходило ничего, видимо сознание

отдельно от настоящего живого тела не более, чем вычислительная машина.

Потом прошло ещё несколько веков. Наш мир быстро расширялся во все стороны, это было заложено изначально в алгоритмы его развития. Автор выдавал нам задания по проектировке новых, всё более отдалённых территорий, но вот беда, их нечем было заполнять, десять миллионов перенесённых на многие миллиарды километров свободных площадей для проживания и работы – это было катастрофически мало. Да и вообще – для чего нужно было это заполнение, нам хватило бы и гораздо меньшего объёма. А потом мы узнали нечто такое... В общем, с этого и начинается моя история.

Глава 1

День этот ничем не отличался от предыдущих. Я стоически приучал себя к ночному лежанию в кровати, один из бесчисленных экспериментов – вдруг засну. Ну вы уже догадались, сна как не было, так и нет. Единственным и основным моим достижением за всё время, проведённое в виртуале, стало умение управления механизмами и телекинез, что, в принципе, были явлениями одной природы. Казалось бы, чего тут сложного в цифровой то реальности? Ан нет, в том-то и дело, что создать любой дизайн, транспорт, или, скажем, воплотить жуткого монстра, оказалось легче лёгкого, это было изначально прописано в алгоритмах нового мира, а вот вся физика осталась такой же как и в реальности. Изнутри мы не имели доступа к изменению правил администрирования, но я же чертовски упёртый сукин сын, столько мозговых штурмов не выдержала бы ни одна система, будь она хоть трижды продвинутая.

Честно говоря, я и сам не смог бы объяснить, как это вышло, подобной цели не было и в помине, видимо сказалось моё врождённое владение телепатией, что позволило цифровому мозгу развить некие практически читерские способности. Случилось это, как всегда, неожиданно, интеллект как раз достиг отметки в пятьсот пунктов и вот, в очередной раз пытаюсь проникнуть в чьёнибудь сознание, а это оказа-

лось здесь почему-то невозможным, я с огромным удивлением для себя сдвинул предмет, находящийся в поле зрения в данный момент.

Это произвело эффект взрыва, хорошо ещё что я удержался от открытого проявления чувств и смог скрыть свой новый талант от всех любопытных, с огромным трудом конечно же. Хотя внутри всё и бурлило от восторга, хотелось прыгать и орать, но с того дня эта магия принадлежала только мне. Неужели ктонибудь смог отказаться от такого подарка судьбы? Естественно, я изо всех сил принялся развивать это умение. Ну, когда был уверен, что меня никто не видит, поскольку в противном случае Автор обязательно снова включил бы меня в орбиту своих интересов. Оно мне надо?

Апартаменты, в которых я проживал, представляли собой просторное помещение, лишённое каких либо изысков и мебели, кроме уже вышеупомянутой кровати, кресла и стола, заваленного настоящими бумажными книгами. Что, кстати, служило поводом для постоянных насмешек со стороны немногочисленных советников Автора, коим я, согласно статусу, до сих пор являлся и сам. Есть же всевозможные гаджеты, да ещё интерфейс, с помощью которого можно было забить в память невероятное количество информации и просто по щелчку воспользоваться любым из файлов моментально.

Но мне было плевать, их всё устраивало, меня – нет. С тупым упорством я продолжал цепляться за свою старую, че-

ловеческую жизнь. В нашем бывшем мире настоящие, напечатанные на бумаге, книги, уже давно были таким раритетом, что представляли собой музейную ценность, а я почему то всегда относился именно к ним с почтительным благоговением. И то, что моё поведение вызывало стопроцентное осуждение, даже в какой то мере помогало избегать многих поручений Автора, ведь всегда находился тот, кто выполнит его и быстрее и усерднее.

Да и советником я был, честно говоря, так себе, о чём не жалел совершенно. Общественная нагрузка меня не интересовала и я чисто механически выполнял задания по расчётам цифровых алгоритмов, моделей, вообще непонятных задач, выдаваемых Автором, особо не вникая в их истинное предназначение. Ну и не забывал выкраивать дни для собственных, чаще всего, безрезультативных изысканий – рутина и тоска смертная. Мы все застыли во времени и люди занимались тем, что раскачивали свои персонажи, благо игровой момент был заложен изначально, а сия деятельность (вы не поверите) регламентировалась обязательным для всех законом о саморазвитии граждан.

Игроки устраивали что-то вроде турниров, отправлялись исследовать вновь сотворённые территории. Специально были созданы многочисленные локации, пару раз я и сам участвовал в подобных авантюрах, но, видимо, виртуальность интересовала меня только с научной точки зрения, а эти войны понарошку радости не доставляли совсем.

На моё счастье никто особо и не лез ко мне со своими нра-
воучениями, я всё равно гнул свою линию. И как же не хватало реальных ощущений! К чему все эти походы за сокровищами, битвы с монстрами, если ты не умираешь, не устаёшь, аватар невозможно даже поцарапать, а деньги и драгоценности были абсолютно бесполезны? А еда? Ооо... Как же я скучал по ней. Просто об обычном пищевом брикете, который всегда входил раньше в рацион самых бедных слоёв населения. Вроде малость, но такая недоступная.

В общем, сегодня я что то чересчур залежался, предаваясь лени и фантазиям. Стук в дверь не сразу вывел меня из этого благодного состояния, да и кому это я мог понадобиться в столь ранний час, местное солнце только едва зазолотило оконные стёкла.

– Эй, Пирст, Автор зовёт! – я узнал голос Садри, номер один в иерархии советников. Что это он сам припёрся? И корона не упала даже.

– Зачем ?

Дверь распахнулась и Садри, высоченный атлет в полном боевом облачении, ни дать, ни взять рыцарь, буквально ворвался в комнату. Видимо, только что с турнира, этот фанатик боёв не подозревал даже, что рано утром кое кто может ещё "спать". Очень невежливо с его стороны.

– Не зачем, а бегом. Я тут мимо проходил, решил оповестить тебя лично, так что цени. Все уже в курсе, кроме тебя, конечно. Впрочем как и всегда.

– Уже ценю.

На самом деле, вопрос был мной задан чисто машинально, сам факт того что Автор собирал Совет в день своих еженедельных медитаций, говорил о многом. Был у него такой маленький бзик – раз в неделю он запирался в своих покоях (не иначе императорских) и медитировал. На самом деле никто не знал, чем он там занимался, но в эти дни посещение его башни находилось под строжайшим запретом. Кстати, об этом гласил чуть ли не один из самых первых законов, которых он напрудил за все эти годы превеликое множество.

– Как спалось? – я поискал в его голосе ехидство, но так и не нашёл. Ну чисто безэмоциональный отыгрыш персонажа. Надо задать вопрос – задаёт. Не надо – молчит.

– Как всегда, отлично, снился ты в голубом подгузнике. Боролся с жутким монстром, но кто кого и в каком виде победил, досмотреть не успел.

– Смешно, – равнодушно ответил Садри. – У меня 815 уровень, силы немеряно, так что результат очевиден. Тебе, кстати, тоже неплохо было бы подкачаться, а то выглядишь как...

– Обычный человек. Да, тварь была уровнем за тысячу, кажется это был самец, судя по особому рисунку на рогах. Так выходит он был ещё и жестоко обманут. Не тобой ли? Тогда ты прав, результат очевиден.

– О, поглядите на этого клоуна, – здоровяк сверкнул глазами, нет, правда, реально сверкнул. Наверное тоже развил

какую то свою способность. Интересно, какую? – Все ушли вперёд, отбросив это животное, человеческое начало и один лишь Кади, наш милый мальчик, до сих пор упрямится и тянет нас назад. Кади, ты портишь статистику.

Ну всё, сел на своего любимого конька. Этому дай только языком поработать. Может за это Автор и сделал его первым? Но так ведь и я не самый распоследний молчун. Правда всё больше не в общую струю, тут возразить нечего.

– Не понимаю, что Автор нашёл в тебе. Будь я на его месте...

И вот тут, глядя в моментально исказившееся лицо гиганта, отчего-то вдруг ужавшегося в размерах, я понял, что как минимум одна эмоция ему всё же подвластна. Страх. Не боявшийся никого и ничего, по его словам, Садри до смерти боялся Автора.

– Ну? – с вызовом спросил я. – Что бы ты сделал на его месте?

– Прошу меня извинить, – он посмотрел поверх моей головы и я даже невольно оглянулся. Никого. – Это просто игра слов, фигура речи, а не то, что могут подумать. А я не подумал, вернее, подумал, но не сразу и не о том.

– Эй, чемпион! – я попытался привлечь его внимание, пощёлкав пальцами перед носом, но не тут то было.

Садри как влетел стремглав, так и вылетел, видимо, напроць забыв о моём существовании.

– Я докажу, это провокация! – донеслось напоследок из

глубин коридора и стихло вместе с нервным топотом его шагов.

Что происходит? Может я что-то упустил по причине своего равнодушия к политике? Хотя ясно было уже давно, что Автор не терпит в свой адрес ни комментариев, ни возражений, ни тем более, даже малейших, замечаний и критики. С веками абсолютной власти мой бывший Учитель развивал в себе только одну характеристику – он стал настоящим деспотом. Разумеется никто в здравом уме даже и не помышлял противостоять ему. Но то открыто. А вот за порогом его дворца иногда находились недовольные. А потом их находила уже полиция. Автократия – это вам не тут. И не там. И потом и не тут и не там этих недовольных больше никто не видел. Я-то знаю, присутствовал на Советах, эти, так называемые, происшествия, с лёгкой руки Автора, вылились во всеобъемлющий закон о гражданском самосознании и лояльности. Но Садри-то что так всполошился? Ведь он сам один из соавторов закона.

Всё, пора бежать, потом обдумаю эти мысли как следует на досуге. Автор ждать не любит. Интересно, он вообще чтонибудь любит, кроме своих законов и управления? Ведь по сути, мы все понятия не имели, о чём он размышляет на самом деле, что им двигает, чем занимается на этих своих дурацких медитациях? Где мы находимся? Какова природа этой аномалии, что дала на вторую жизнь? И опять же, в каких емкостях можно держать такую бездну информации, ча-

стью которой мы, собственно, и являемся? Вопросы, одни сплошные вопросы и никаких ответов.

Выйдя из апартаментов, я чуть не столкнулся с Моуди, художавым советником, единственным из нас за чем то носящим очки, ненамного выше меня ростом и, видимо поэтому реже других задававшим мне глупые вопросы. Как спалось? Чем пахнет мой ботинок? Каковы на вкус твои книги? А может ещё потому, что в Авторской иерархии занимал место прямо передо мной – одиннадцатое. Почти дно.

Кстати, конкуренция в совете была жесточайшая, нумерация постоянно менялась, в зависимости от заслуг, но Моуди так ни разу и не поднялся выше своего номера, ну а мне на карьере было просто плевать.

– А, Кади, пошли быстрее, – вместо приветствия бросил он мне прямо на ходу, – Автор ждать не любит, а я вот задержался слегка, надо было работу одну закончить. Думаю он простит меня за это, как думаешь?

– Простит, – я ускорил шаг, – Обязательно, ты же ведь для него старался. Вон, нарукавники даже не успел снять. Хотя ты их и не снимаешь никогда.

– Все мы для него стараемся. Хм, кроме тебя, конечно. Как тебе это удаётся, ума не приложу.

– Что именно?

– Да всё! Тут из кожи вон лезешь, лишь бы угодить, лишь бы он заметил, насколько я предан. Да и остальные ребята тоже жилы рвут, хотя и каждый по своему, конечно. А ты?

Не делаешь почти ничего, занимаешься своими... изысканиями, совсем оторвался от коллектива, а выделяет он всё равно тебя.

– Ну так и ты попробуй.

– Что?

– Не делать нихрена. Глядишь, и тебя заметит.

– Да ты что? – Моуди запнулся на ходу, и чуть не грохнулся во весь рост, настолько эта картина поразила его воображение, а я, в свою очередь, вновь подумал о необъяснимом влиянии Автора на своих приближённых.

И как то неуютно мне стало, что же я упускаю из вида? Совсем одичал, перестал общаться с людьми, а ведь когда-то, практически вечность назад, мы все были друзьями. И любили Учителя не за красивые глаза и умище, а в-первую очередь за человечность и отеческое отношение ко всем нам без разбора. И у каждого была своя нелёгкая история, да, все мы скорее рано, чем поздно лишились родителей и Учитель, подбирая нас одного за другим, приобщал к обучению и, в конце концов, самых избранных ввёл в свою личную свиту.

Конечно, не просто так. Каждый был ценен своими уникальными способностями. Тот же Моуди вот, к примеру умел феноменально оперировать числами, вычислительная машина отдыхает. Наверное поэтому и отыгрывал бухгалтера.

– Ты чего такое говоришь-то? – Моуди вновь обрёл дар речи и один в один с Садри уставился куда-то поверх моей

головы. – Разве можно так? Это же Автор, ты что, не понимаешь? Забыл, сколько он для нас сделал? Мало того, он всем нам жизнь спас!

– А это жизнь, Моуди? Скажи честно, ты действительно счастлив?

– Нет, ты точно ненормальный! Не зря про тебя говорят...

– Что?

– Да то! Что ты плохо кончишь, что ходишь уже по грани и ещё чуть-чуть и всё! Закон о лояльности! Чуешь, чем пахнет?

– Нет, дружище, не чую. И ты тоже. Да вообще никто. Но я рад, что пробудил в тебе хоть какие-то эмоции.

– Эмоции! Кому нужны эти твои эмоции? Мы давно уже не люди, мы гораздо выше них. Гораздо. Но ты со своим закорючатым сознанием никак этого не можешь принять. Поэтому вечно двенадцатый.

– Куда уж мне выше-то? Мы уже почти пришли. Кстати, не знаешь причину вызова? Сегодня ведь тот самый день.

Моуди заметно успокоился, подобрался и, не глядя на меня, буркнул:

– Узнаешь от него.

И почему это я всех раздражаю? А вот очень интересно, я один такой, или остались всё же ещё нормальные люди? Раньше-то я много общался с так называемыми гражданами, да что греха таить, пробовал и с гражданками, быстро убедившись в абсолютной бессмысленности такого обще-

ния. Но последние лет двести не вылезал со своего этажа, разве что только на осточертевшие Советы. Как же это всё надоело.

Дальше мы следовали молча. Дворцовые коридоры были роскошны и пустынно, впрочем, как и во все времена – обслуга нам не требовалась. Все те люди, что в реальности обеспечивают работоспособность подобного сооружения, здесь просто утратили свою необходимость и пользу. Ни тебе уборщиков, ни кухарок, ни дворников. Даже мусору взяться было неоткуда, интерьеры помещений, коридоров и прочих зланных мест поддерживались самой системой в первозданном виде. Этот мир был стерилен и мёртв.

Единственный небольшой гарнизон дворцовой полиции охранял периметр на нижних этажах, хотя от кого, оставалось загадкой. Ма занимали средние этажи, а вот Автор расположился на самом верху единственной башни, возвышающейся словно памятник утраченному давно мужскому достоинству. "Клал я на вас всех с прибором", – словно говорил он столичному городу, раскинувшему свои строения вокруг дворца. Очень символично.

На эту самую башню мы как раз и забрались. Ну ладно, сейчас то всё и прояснится, чего гадать?

Моуди зашёл первым, я следом, оглядел круглый, известный до последнего штриха, зал и большую эмблему, знакомую ещё с детства, символ самого, тогда ещё Учителя, нарисованную прямо на стене – два больших круга, почти сопри-

косающиеся друг с другом и один маленький – посередине, соединяющий их в центре. Уж не знаю, что означала эта простейшая геометрия, но мне она всегда напоминала задницу. Видимо, это был такой толстый намёк от наставника на то, к чему все мы придём в конце концов. В середине зала стоял круг поменьше (помешался он на них, что ли?) – стол большого Совета, да, уже все в сборе, ждали только нас. Но мы всё равно успели, зря боялся мой трудолюбивый друг – Автор ещё не вышел из своих покоев.

– Явились, наконец! – сидящий рядом с Садри советник, казалось, с облегчением выдохнул. Ну понятно, он у нас боец гражданской войны тьма его знает каких веков, гимнастёрка, галифе, сапоги. – Где пропадали? Автор выйдет уже с минуты на минуту. Представляете что было бы, если вас двоих вдруг не оказалось на месте?

– У меня уважительная причина, Бари, я делал для него срочную работу! – выпалил Моуди.

– Кому нужны твои извинения, Мо? – это подал уже голос третий по рангу советник, Стои.

Я всегда недоумевал, что за простыня на нём намотана? Не особо силён в истории, но это какая-то древность. Вообще создавалось впечатление, что каждый из присутствующих прибыл на совет из разных эпох, вон Гарти так и вовсе в шкуре неандертальца. Или питекантропа, хотя вряд ли он помнит, что такое холод. Персонажей своих отыгрывают, в шортах и футболке я и правда выглядел среди них белой во-

роной.

– Ты всерьёз думал предъявить столь смехотворные извинения в своё оправдание?

На Моуди стало неловко смотреть, под неодобрительными взглядами этих якобы союзников он понуро топтался на месте, моргал печальными глазами из-за блестящих стёкол, чуть не заламывал руки от раскаивания и ведь делал это вполне искренне. Недовольный гул продолжался ещё некоторое время, где каждый поспешил вставить свою немалую долю порицания и в конце концов мне всё это надоело.

– Спешу заметить, господа, – я слегка повысил голос в надежде быть услышанным и, что самое удивительное, услышан таки был, шум немедленно затих, поэтому вторая часть фразы прозвучала слишком громко, – но мы, вашу мать, не опоздали! А Моуди, между прочим, работал, пока вы тут об стулья задами тёрлись.

Нет, они что, издеваются? Все, как один, уставились поверх моей головы и повскакивали со своих мест.

– Да куда вы всё время пялитесь? – уже почти выкрикнул я и резко обернулся.

– А ты не меняешься, мой мальчик, – Автор стоял прямо позади меня на ступенях, ведущих в его покои. – Не взирая на авторитеты всё так же готов отстаивать свою точку зрения. И по прежнему ратуешь за несправедливо обделённых. В другие времена я, возможно, даже похвалил бы тебя, но не сегодня. Нет.

Он многозначительно обвёл взглядом притихших советников и, по царски, не спеша сошёл вниз. Я бы сказал даже, снизошёл, настолько торжественно он выглядел в эту минуту. Императорский мундир дополнял сие великолепие. И, как всегда это случалось, остальные почувствовали себя настолько незначительными, что стало неудобно делить с ним одно пространство, а если бы мы умели дышать, то и загрязнять его воздух своими выделениями. Но меня уже понесло, на сей раз или его магия отчего-то не сработала, или я сам встал не с той ноги. Так бывает, когда будят не вовремя.

– А что же такого случилось, многоуважаемый Автор? – вот кто дёргал меня за язык? – Может объясните срочность созыва Совета? Да ещё в такой день, мы ж закон нарушаем. А то тут собрались люди занятые, Моуди так вообще работу бросить пришлось, а Садри с последним монстром не доигрался. Там как раз самое интересное начиналось.

– Я успел! – выпалил обезумевший от ужаса Мо. – Успел я! Не слушайте его, Великий! Ой... – и он тут же заткнулся, осознав, что только что осмелился дать Автору указание. – Ну вот что за гад ты, Кади? Все беды от тебя!

Садри было тоже раскрыл рот, явно намереваясь возразить мне, но, видимо, решил, что лимит на возражения исчерпан и достаточно одного обделавшегося советника, не считая меня. Уж что что, а пятая точка у него была очень чувствительная, об этом знали все.

– Дети мои! – пристально глядя мне в глаза, произнёс Ав-

тор после недолгой паузы. – Сейчас вы успокоитесь и сядете на свои места. А потом, как в старые добрые времена, я задам каждому из вас по одному вопросу. И с удовольствием послушаю ваши ответы. Ну!

Он повёл протянутой рукой, изображая полукруг и все присутствующие, мгновенно напрягшись ещё больше, попадали на свои места. Давненько не было опросов. Очень давненько. Я уже и забыл те годы, когда Учитель их проводил. Это был своего рода экзамен на определённую, выбранную им тему и какие выводы он делал после наших ответов, одному небу известно. Как раз это то напрягало больше всего – мы никогда не могли понять ни его мотивов, ни последствий от его выводов. Ну что ж поделать, гении они такие. Непонятные.

– Итак, – Автор уселся на свой трон. – Приступим. А вопрос будет один для всех. Начнём по порядку. Садри.

– Да, Автор! – тот вскочил, чуть не уронив стул.

– Что ты видишь, глядя на мою эмблему на стене? Вопрос простой, но, хе-хе, ответ посложнее. Никогда не спрашивал, но, как я уже дал понять – время пришло. Ну так что, мой бравый рыцарь?

О, Садри очень боялся попасть впросак, это явственно читалось на его героической физиономии. Тяжело расставаться с первым местом, завоёванное с таким трудом.

– Ну, щиты? Рыцарские щиты?

– По твоему, я создал этот логотип во имя защитного сна-

ряжения?

– Нет! – тут же открестился Садри.

– Ответ принят. Садись, сынок.

Интересно, каким номером он грохнулся на свой стул?

– Бари. Давай чётко, по военному.

– Связка лимонок! – вскочил тот, поправив гимнастёрку.

– Стои. Можно сидя.

Советник в белой простыне только начал отрывать свой зад и, не осмелившись встать, плюхнулся назад.

– Ну, две тарелки и ещё поменьше тарелка. Три тарелки.

– Мири, – форма пилота.

– Пропеллер.

– Илки, – куртка, патронташ, сапоги.

– Мишень.

– Лоди, – не пойми что.

– Затрудняюсь сказать, Автор, что-то непонятное и загадочное, как вы сам.

– Бри, – матрос.

– Девятый вал.

– Гарти, – шкура.

– Пещера. Ещё пещера. Нора.

– Солани, – купец.

– Монеты.

– Тери, – клерк.

– Финансовые пузыри.

– Моуди, – бухгалтер.

– Это, мой господин, схемы доходов и расходов за месяц. Или год. Или...

– Кади,

– Жопа.

И снова этот ужас в глазах бывших друзей. Все разом уставились на меня, как на умалишённого. И что я такого сказал? Всего лишь выразил своё мнение. А, понятно, не мог Учитель думать о заднице, создавая свой знаменитый символ.

– Ну что ж, ответы услышаны, – вопреки всеобщему тревожному ожиданию, голос Автора прозвучал неожиданно спокойно. – Как и предполагалось мной до этого, лишь один из вас доказал, что мыслит образно, а не схематически. Короче говоря, дети мои, пришла пора раскрыть вам некие ранее не озвученные мной обстоятельства. Ведь этот символ был создан не просто так, это результат того самого открытия, благодаря которому мы с вами и ещё миллионы наших граждан получили шанс на вторую жизнь.

Я долгие годы работал над одним архиважным проектом, впрочем, вы все, в той или иной степени, косвенно были к нему причастны. Да да, те расчёты, которые каждый из вас вёл по моему поручению всё это время – все они легли в копилку нашего общего дела. Работа никогда не заканчивалась. И тогда, в эпоху Переноса, я дал вам только половину знания. Вы были ещё не готовы. Хотя, честно говоря, я до сих пор всё ещё не уверен на сто процентов, что вы дозрели до этих сведений и сейчас.

Как все слушали! Глаза на лбу, рты раскрыты, уши ловят каждое слово, ну ни дать, ни взять, узрели реинкарнацию бога Учителя последних лет Технеции. Что же поведает нам этот бодрый старик? И он поведал!

– Посмотрите внимательно на эту схему, – Автор ткнул пальцем в стену и изображение немедленно ожило. – Перед вами две параллельных вселенных, ибо ничто не может не иметь своей противоположности и наша с вами вселенная не исключение. И не делайте изумлённые глаза, я вам твердил это тысячу раз. Даже взять пример человека – парные конечности, парные органы...

– Но Автор, прошу меня извинить, – Садри не выдержал, всё ещё переживая свой конфуз с ответом, – но у человека есть и не парные органы. К примеру, хотя бы...

– А вот этим органом, мой умный и нетерпеливый мальчик, человек рано или поздно находит свою пару. И очень даже имеет её.

– Простите, Автор! Вы, как всегда, правы!

– В общем, не отвлекаясь на частности, объясняю. Сейчас мы находимся в междумирье, как раз на стыке, говоря точнее – в нуль-пространстве. Мы здесь и нигде, застряли в абсолютной пустоте, где нет ни грамма реальной материи, а всё сущее ограничено вот этим маленьким кружком. И кружок этот на данный момент заполнен нашим иллюзорным миром практически полностью. Когда мы поглотим его окончательно, пойдёт обратный отсчёт и мы вернёмся к изначальной

точке. Что будет потом, даже я не возьмусь предсказать, ибо следующего шанса может вовсе и не предоставится.

Раздался обеспокоенный гул голосов, мол, а что же теперь делать-то? Автор всегда точно знал – что, остальные просто выполняли его указания, но никто из нас был не в состоянии мыслить настолько глобально. Нет, просто невозможно, чтобы он что-нибудь не придумал.

– А вот теперь то, что я собирался вам сказать. Исходя из произведённых расчётов у нашей планеты в параллельной вселенной есть планета-двойник под названием Земля, полностью идентичная Технеции. Если свернуть эту схему в трубочку...

Он вдруг осёкся и с некоторой долей тревоги бросил на меня взгляд. Я лишь чудом заставил себя промолчать. Чудом.

– То получается, что искривление пространства даёт нам транспортный транзит-тоннель, соединяющий местоположение нашей бывшей планеты, теперь уже полностью исчезнувшей, собственно, нуль-пространства, и планеты-двойника.

– Но что это значит, о Великий? – несколько голосов раздалось одновременно, за исключением скромного Моуди и меня.

Я уже всё понял. Планета, идентичная нашему старому миру. Значит флора, фауна и люди. Всё живое и прекрасное. Как мои мечты и ностальгические стенания о безвозвратно потерянном прошлом. Мы можем вернуться? Но как? Со-

знание не может существовать отдельно от физического тела, а ведь наши родные тела давным давно сгорели в планетарном катаклизме. Что же ещё придумал этот старый маразматик? Столько веков картонного существования – стоило ли оно того, чтобы найти такой выход из положения? Может быть надо было закончить свою жизнь там, вместе с остальным человечеством и не питать бессмысленными иллюзиями свои надежды?

– Это даёт многое. Я не знаю, на какой стадии развития находилось параллельное, возможно, враждебное к нам население планеты-двойника, здесь мы вступаем на зыбкую почву предположений, но, с высокой долей вероятности, катастрофа может напрямую быть связана с их действиями по отношению к нам. Опять же, повторюсь, возможно, их уровень технологий настолько превосходил наш уровень, что открытие тоннеля было сделано ими гораздо раньше и их правители предприняли некоторые шаги для устранения конкурента.

– И чем же мы им так помешали-то? – не выдержал я наконец. – Что за бред? Другая вселенная! Может, они вообще ни сном, ни духом о нашем существовании? Об этом вы не подумали? А может мы сами разрушили свой общий дом, а? Может сами виноваты? Какого хера вы тут морочите нам голову, Автор? Вы чего это удумали?

Меня уже схватили, спеленав по рукам и ногам. Вся эта пёстрая гвардия прихлебателей, на веру принимающая лю-

бые слова непогрешимого Автора, не задумываясь набросилась на меня лишь по негромкому щелчку его пальцев.

– Мы захватим эту планету, Кади, мы перенесём сознание миллионов подготовленных бойцов в тела иномирцев и когда создадим благоприятные условия, нуль-пространство пропустит сквозь себя эту планету и установит её на место нашей погибшей Технеции. Видишь ли, здесь не удерживаются материальные тела, но зато хорошо, в мгновение ока транзитируются из одной точки в другую. Нужно только правильно свернуть трубочку.

– И засунуть тебе её в жопу! – я наконец выкрикнул давно рвущиеся слова, но что толку? – Один мир вы угробили уже, так вам ещё подавай! Куда вы меня тащите, пидарасы?

Ну да, так мне и ответили, эти безвольные трусы только рады были услужить своему хозяину. Он степенно поднимался вверх по ступеням по направлению к своим покоям, а я первый раз в жизни пожалел, что не прокачивал силу, против одного даже Гарти я не имел никаких шансов, что уж говорить про остальных. Меня, упирающегося и беспрестанно орущего, волокли следом за Автором и я вдруг отчётливо понял, что это путь в один конец. Сказать что мне стало страшно, это не сказать ничего. Что ждёт меня за этими дверьми? В его самой секретной лаборатории, где ещё не было посторонних.

– Не сопротивляйся, придурок, – парни тычками и пинками загнали меня в угол покоев Автора и тогда я увидел её.

– А вот и главное моё детище.

Старик приблизился к диковинной машине, представляющую собой что то вроде гибрида нейросканирующего ложа и барокамеры. С одного бока располагалась обычная стойка с клавиатурой, монитором и большой красной кнопкой на столе. А старик всё таки выпендрёжник, мол, смотрите, что у меня есть – как нажму и всем кранты. Управление машиной, видимо, производилось с этой стойки, а кнопка – типа изящный завершающий штрих.

С другой стороны находилось нечто смутно знакомое, явно связанное с медициной. Манипулятор с иглами. Для чего здесь это медицинское оборудование? Учитывая отсутствие у нас болезней.

– Но ты не переживай, мальчик мой, ты далеко не первый, кто опробует на себе это достижение моего гения. Закон о лояльности для того и был написан и применён, чтобы моя красавица не простаивала без дела. Чего встали, болваны? Укладывайте его на ложе!

Я попытался взбрыкнуть ещё раз, но где там? Лес рук и всё – я уже надёжно зафиксирован, скован по рукам и ногам, а на голову с жужжанием опускается нейрошлем.

– Уважая твои прежние заслуги, а я всё ещё люблю тебя, мой мальчик, расскажу что сейчас будет происходить во всех подробностях. Вас это тоже касается!

Впрочем, его окрик не имел ни малейшего значения, оставшиеся в неполном составе советники, или лучше ска-

зять – слуги его, буквально превратились в застывшие изваяния, впитывая всё происходящее, словно губка.

– Этот параллельный мир, что бы ты не напридумывал себе, никак не может быть дружественным нам. Там такие же люди как и мы, этим всё сказано. Без войны и захвата новых территорий нам не выжить. Даже на заре зарождения человечества, когда популяция первобытных людей была невелика и можно было двум разным племенам спокойно уживаться по соседству, земли-то вон сколько, иди и ищи себе лучшее место и то случались стычки, которые заканчивались кровью. Что же говорить о нашем времени? Думаю, ты сам понимаешь, о чём я. Кстати, об этом я уже говорил в тот самый первый раз, повторю и сейчас – нам не нужны паразиты. Мы войдём в новые земли с чёрного хода, вычистим всех лишних и будем править новым миром. И тех миллионов моих верноподданных, которым я предоставлю лучшие тела, хватит для процветания нашей расы. По-моему, шикарный план.

– Да, да, Автор, – раздался зачарованный гул. Слуги прониклись и уже вовсю примеряли на себя одежду повелителей миллионов.

– Это же геноцид, – я лихорадочно искал выход из сложившейся ситуации. Думай, думай, где твой хваленый интеллект? – Как же невинные люди? Старики, дети, инвалиды, женщины, мужчины?

– Знаешь, Кади, – он вплотную приблизился, разглядывая

моё лицо так, будто увидел в первый раз. Или, наоборот, видя в последний, – вас всех я собирал буквально по помойкам, оборванных, голодных, ожесточённых и больных. Относился к вам, как к собственным детям. Забрал с собой сюда, согласись, далеко не каждый удостоился такой чести.

Это ведь не только вы двенадцать – спасённых мной детей были тысячи, но как только стоило им не попасть в число избранных учеников... Ну, ты знаешь, закон о лояльности писался в основном для них. Тех, кто меня предали. И теперь вот ты.

Так почему, если я, не задумываясь, караю, пусть и предателей, но всё же своих по расе, мне должно быть какое то дело до проблем аборигенов? Или ты думаешь, что все эти, так называемые, люди, без греха? Нет таких.

– И вы? – я с вызовом посмотрел на него, терять мне, видимо, было уже нечего.

Он смехнулся и, со вздохом, отстранился от меня.

– Вижу, мой мальчик, ты так ничего и не понял. Я настолько велик, что любой грех с лихвой компенсируется моими добродетелями. В то время как, самый малый, твой будет уродливым наростом свисать с твоего тела. Ну всё!

Автор энергично похлопал в ладоши, привлекая всеобщее внимание.

– Приступим. Итак, положение дел следующее. По программе внедрения, в экспериментальной её части, я тренировался на мышках. За последние сто с небольшим лет, около

пяти тысяч доказавших свою нелояльность наших бывших сограждан стали, так сказать, не то чтобы добровольными испытуемыми, но по-причине предоставления им выбора – либо отправиться на Землю, либо подвергнуться нулевому варианту, девяносто девять процентов всё же выбрали реальную земную жизнь. Тут уж кому как повезло, поскольку перехватить управление здоровым мозгом до сих пор пока не удаётся.

Сто тридцать лет назад пятая часть, то есть где-то примерно тысяча человек практически не выжила, так как вытеснить сознание у здорового человека оказалось невозможным для кандидата с невысоким уровнем интеллекта. Их просто тут-же отбрасывало в небытие и мне пришлось придумать, как привязывать наших людей к себе, дабы иметь возможность вытянуть назад в случае неудачи.

Да, к сожалению я не сразу разобрался в этой проблеме – но тут уже ничего не поделаешь. Первая партия не оправдала наших надежд, связь с ней прекратилась сразу после переноса. Выжившие несколько человек практически стали местными аборигенами, без возможности связаться с нами и получать сообщения.

За следующие тридцать лет я немного доработал технологию и, из оставшихся, где-то половина была успешно подселена в мозги людей с проблемами психиатрического характера, то-есть и так по сути безумных. Беда только в том, что не зная всех тонкостей местной медицины, мы не учли, что

их психически больные пациенты практически пожизненно прописаны за лечебными учреждениями без права выхода, поэтому большая часть наших внедрённых, та, которая не смогла сбежать, начала получать низкоквалифицированную, а поэтому весьма надёжную медицинскую помощь. По моим сведениям, все они стали абсолютно счастливы и радостно перешли от старости и болезней. Забудем о них.

– И что, вы в одиночку таскали на убой всех этих людей? – издевательски спросил я. – Как я посмотрю, ваша свита вообще не в курсе этих экспериментов. Вон какие удивлённые лица! Что, друзья, правда интересная история?

– Напомню про один процент из этой сотни, – Автор оглядел кучку своих прихлебателей с целью незамедлительно выявить хоть малейшее сомнение, но, судя по всему, не выявил. Чёртовы сволочи! – Это те, кто согласился работать исключительно на меня, выполнять самую грязную работу. Вы интеллект, а они мясо, которым за их лояльность было обещано... В общем, неважно что.

Конечно они были согласны на что угодно. Нулевой вариант! Побочный эффект, проявившийся на самых первых испытаниях Переноса. Я сам принимал непосредственное участие в исправлении этой аномалии, но скурпулёзный Учитель выделил это отклонение от нормы в отдельную процедуру. Страшная вещь. Если говорить грубо, то после переноса в аватар у человека включались только зрение и слух, остальные же функции не работали. Живая статуя.

Представьте теперь, что нулевым вариантом пригрозили провинившемуся – века неподвижного созерцания и, возможно, тишины. Ни сна, ни движения – только одна и та же картинка перед глазами. Причём этот процесс был необратимым, раз подвергнутый нулевому варианту человек уже никогда не смог бы вернуть утраченные функции.

Это потом, после небольших корректировок, удалось сначала запустить движение, а затем и всё остальное, исключая, естественно, чувства. Столько добровольно испытуемых были, в результате этих экспериментов, из милосердия отправлены в небытие. Но Учитель вывел таки формулу для принудительной активации нулевого варианта. "В целях науки", – так он сказал тогда. Только, видимо, цели с тех пор существенно изменились.

В моей закрытой базе данных был один маленький файл с этой формулой. Скопировал на всякий случай. В целях науки, разумеется.

– Итак, идём дальше, – продолжал тот вещать тем временем. – Далее я ещё немного доработал технологию переноса и оставшиеся две тысячи, те у кого интеллект был прокачан хотя бы до сотого уровня, внедрённые в тела граждан с низкой социальной ответственностью и с минимальным интеллектом, пока проявляют себя лучше всех, адаптируются к нормальной жизни, перенимают правила местной игры.

Хотя, надо сказать, игровой момент в данном случае не работает. При внедрении сознания наших граждан в голо-

вы местных жителей, интерфейс и коммуникативная способность полностью пропадает. Мозги аборигенов не оснащены кристаллической нейроматрицей, поэтому единственное средство коммуникации – встроенный в сознание каждого из вас переводчик. Это адаптивная технология, позволяющая сходу распознавать любую речь и преобразовывать её в доступную для понимания информацию. Так же это работает и наоборот. Естественно, на первых порах могут быть небольшие сбои в переводе специфических фраз и терминов, но это быстро стабилизируется, как только будет набран необходимый словарный запас.

Ещё из возможностей, доступных нашим людям, можно отметить лишь осуществление контроля за развитием собственных характеристик, правда, в довольно усечённом виде. То есть состояние здоровья и интеллект, также удаётся прокачивать уровни развития персонажа, но, увы, характеристики коллег по нашему общему делу по прежнему остаются недоступными для идентификации. Что поделать, но хотя бы немного успокаивает тот факт, что земные жители лишены даже этого.

– Тогда где же их хвалёное превосходство в технологиях? – снова взорвался я. – Что-то не стыкуется, а, Автор? Вы только что тут распинались про большую долю вероятности, а на самом деле? Ставить эксперименты на живых людях! Скольких ты уморил во время коррекции нулевого варианта? Сотни! Сотни людей погибли. И всё из-за чего? Ты то-

ропился пополнить свою грёбаную копилку знаний. Всё для науки? А может для тебя лично? Да ты из ума выжил, старая, больная обезьяна!

Меня трясло от самой мысли, что всё происходящее – правда. Может всё таки удался мой эксперимент со сном и я просто сплю? Такого ведь не может быть на самом деле – точно, сплю.

– Какой же ты всё-таки зануда, мой мальчик, – Автор позволил себе наконец выпустить часть раздражения наружу. – Конечно же я торопился, Технеции оставалось совсем немного коптить космические окрестности. Что же касается превосходства – так для того я и отправляю вас в разведку, чтобы убедиться в их неспособности нам противостоять. Заодно вырабатываю безопасную процедуру переноса сознания для лояльных граждан.

К сожалению, Блок Кади Пирст, ты перестал быть лояльным очень давно и я закрывал глаза на все эти твои чудачества исключительно из-за особого дара, ты был очень полезен, а также из-за весьма продвинутого интеллекта. Чего там скрывать, лучшего после меня. Я выращивал тебя специально для этой миссии, завершающей стадии эксперимента. Ты просто обязан выжить в новом мире, попробуй только меня разочаровать. Подходящий кандидат уже созрел и уже ждёт не дождётся твоего прибытия.

Дальше будет следующее. Сейчас я введу тебе специальный маркер, с помощью которого буду отслеживать все твои

телодвижения. Это специальный поводок, ну так, на случай, если ты вдруг осмелишься скрыться с глаз моих. Так же через него будешь получать задания и инструкции. За невыполнение моих приказов последует наказание, а какое – ну это по обстановке. Так что пришёл твой звёздный час и возможность хоть как-то реабилитироваться в моих глазах. Ну и помочь своей расе. Помни о моей доброте.

Автор торжественно подошёл к стойке управления и принялся деловито стучать по клавиатуре. Я же замер. Схема, сложившаяся у меня в мозгу, была сырая, проблемная и, скорее всего, не гуманная вовсе. Времени, похоже, совсем не оставалось на то, чтобы придумать что то понадёжнее. Перебирая варианты, я зацепился за одно имя.

Близко этого парня я не знал, а вот с его матерью был знаком очень хорошо. Глие всегда была добра ко мне, ещё в те приютские годы, когда вечерами утешала зарёванного, затравленного научными светилами мальчугана, тайком от всех принося маленький брикетик еды. Я чуть ли не к первой обратился к ней с предложением сохранить ей сознание, но она почему то наотрез отказалась, прося только за единственного сына.

"Локи хороший мальчик, Кади, просто немного взбалмошный и непоседливый, но так без отца рос, воспитать правильно было некому. За себя не прошу, мне давно к мужу пора, спаси хотя бы его и, если можно, ещё мою соседку Милие Мастр. Она очень старая и несчастна по жизни, но это

единственный человек, который был всегда добр ко мне. Она немного странная, но хорошая, спаси её тоже".

"Хорошо, Глие, как скажешь. Но надеюсь что ты всё таки передумаешь. Иди сюда, Локи..."

В общем, прости меня, Гай Локи Семур, потом я постараюсь вытащить нас обоих.

"Вызов интерфейса".

Перед глазами появилась привычная картинка.

"Подменю банка данных, скрытые файлы. Локи. Расконсервация сознания сущности. Сопряжение. Цель – создание буферной зоны. Статус – скрытый, временный".

Ну всё, вроде успел. Автор повернулся ко мне, кликнул последний раз по клавише и вновь заговорил:

– А теперь внимание всем. С этого момента вы, мои верные ученики становитесь полноценными участниками нашего главного эксперимента.

"Да подельники вы", – подумал я.

"Кади?" – услышал я в мозгу голос. "Что происходит? У нас получилось? Я почему-то ничего не вижу и не чувствую".

"Всё в порядке, Локи, это нормально. Просто расслабься и доверься мне". – поспешил я успокоить невидимого собеседника, хотя на душе кошки скребли.

Раздалось еле слышное жужжание приводов медицинского оборудования.

– Сейчас мы промаркируем сознание нашего дорогого господина Пирста, – продолжать вещать Автор и я решил ни-

когда больше не называть его так. Только по имени и только с ненавистью. Ты ещё пожалеешь, Гилтри. Рано или поздно я найду способ отомстить и приложу все силы, чтобы сорвать твои безумные планы.

– А затем я введу окончательные координаты, нажму вот эту красивую красную кнопку и в сознание некоего индивидуума, вам необязательно знать его родословную и имя, подселиться паразит Кади. А вот дальнейшее будет зависеть от него самого. Ну а мы с вами будем пристально наблюдать за его действиями и делать выводы.

– Я вам, тварям, всё припомню! – проорал я напоследок, поскольку игла уже вплотную приблизилась к моей голове. – А тебе, старый любитель маленьких мальчиков, не прощу никогда.

Лишь Моуди в этот момент выглядел немного смущённым, чуть-чуть, остальные же с нескрываемым интересом наблюдали за моими судорожными попытками освободиться. Да уж, учёные – они такие...

"Кади! Кади! – услышал я панический голос внутри. – Чё это? А? Мне в голову будто шило впихнули! Аа, нет, так то не больно, только стрёмно чё-то".

"Это нормально, Локи, успокойся".

"Ага. Ну ладно, раз так. Так у нас получилось, или нет?"

"Всё ещё получится, Локи. Всё ещё получится".

После того, как игла покинула мой череп, Автор снова застучал по клавиатуре. Когда он занёс руку на кнопку, уже

явно готовясь нажать на неё, я наконец позволил себе растянуть губы в улыбке. Пришла пора заканчивать этот балаган.

– Гилтри! – позвал я его громко и он резко обернулся. Зачем я это сделал? Тоже захотел повыпендриваться? Возможно. Но пусть знает теперь, что я тоже не так прост, как ему хотелось бы думать. Может и зря всё это, но невозможно отказать от удовольствия посмотреть в обескураженную физиономию врага. А то, что он враг мне теперь – в этом не было уже никаких сомнений. Риск был? О да. Но времени не было, чтобы осознать его.

– Что за...

Старик всё-таки что-то заподозрил, чутьё у него было звериное. Моя наглая, рот до ушей, физиономия, подсказала ему о том, что в происходящее закралась неведомая ему грешность. Он задумчиво уставился на меня, дёрнулся было к экрану с явным желанием проверить результаты проделанной процедуры, но было уже поздно. Манипулятор с иглой-инъектором уже тихо заполз на своё место и в дело вступила моя магия.

Телекинез. Красная кнопка с клацаньем вдавилась в небольшое углубление и я провалился в темноту.

Глава 2

– А я тебе говорю, Николаич, видать шишка это какая. Вон, смотри, рожа холёная, у наших таких нету. На всё село две шишки – председатель, да участковый, ну что, похожи они на него? Точно из города. Охотник-рыболов, мать его! Так охоться и рыбачь, ан нет, грибочков захотелось. А какие нынче грибы? Поганки одни. Я вот на той неделе пошёл в лес и что?

– Что?

– Да что. Не дошёл. Харитоновы свинью резали, увидели меня – о, фельдшер идёт, да мимо. Заходи мол, смерть констатируешь, чтоб всё по закону было, типа. А сам то Харитонов старший решил своего младшенького, Серёньку, к взрослому делу приучать. Дал свинокол, пинка и запустил парнишку к свинье в загон. Режь, говорит, мужиком становиться пора.

– Да что ты, Иван Кузьмич? Серёжу? Ему же всего тринадцать. И вообще он парнишка впечатлительный, животных любит.

– Вот вот, Николаич, и я про то же. Стоит малый, ревьёт в голос. И отцу перечить боится и свинью жалко, она ж, можно сказать, на его глазах выросла.

– Ну и чем же дело закончилось?

– Да чем? Прибежала Харитониха, зарёванного сына осво-

бодила, а мне потом старшему Харитонову пришлось на голову примочки ставить. Это ему ещё повезло, что жена сковородкой череп не проломила, гематомой отделался, черепушка-то у него крепкая.

– Ну а свинью-то зарезали?

– Да где там! Тут семейная драма, пришлось стресс снимать. Считай, до утра и снимали. Короче, вернулся я без грибов.

– Ну хорошо, что хорошо кончается. Что с нашим пациентом?

– Да сказать-то особо нечего – вчера вечером и привезли, синего уже, то ли дружбаны его, то ли люди прохожие. Сдали с рук на руки, рассказали, что знали и укатали.

– Нет, друзья бы не бросили.

– Да какие нынче друзья? Сплошная мудотень, а не друзья.

– Что это у тебя, Иван Кузьмич, всё в чёрном цвете? И грибочков, если знать какие, набрать можно, да и друзья ещё встречаются. Ты вот лучше скажи, документиков при нём не было?

– Не было ничего.

– Не мог же человек просто взяться из ниоткуда? На чём-то он ведь приехал, где-то остановился, надо бы участкового вызвать. Ты, Иван Кузьмич, не сочти за труд, позвони Степану Георгиевичу, попроси прийти.

– Да звонил уже, нету его на месте, может, по участку по-

ехал.

– Тогда просто держи на контроле этот вопрос. Да, кстати, промываньице делали?

– А то как же. Попытались. Только смысл в том какой? Отходить он уже начал.

– Да, но сейчас-то и цвет лица вполне себе и дыхание ровное, пульс в норме, давление как у космонавта. Может, Иван Кузьмич, ему переночевать негде было, может это родственничек твой?

– Стал бы я тогда участковому звонить? Нету у меня родственников, тем более таких. Чуешь перегар? У нас такого не гонят...

Сворачивание файла Локи. До лучших времён и прости, если вдруг эти времена наступят не скоро. Но иначе никак нельзя было избежать маркировки. Тогда тотальный контроль старого пса Гилтри сделал бы из меня послушную марионетку и пиши пропало. Наговорил напоследок я всякого, за одно это он превратил бы в ад мою новую жизнь. Хоть сразу на себя руки накладывай.

Или уже не на себя? Кто я теперь? Чтобы осознаться в новом теле требуется некоторое время и усилия. Не думаю, что этот процесс чем то в корне отличается от обычной процедуры переноса, однако стоит учитывать разницу в том, что там сознание записывалось на пустой носитель, здесь же придётся прибегнуть к сворачиванию старой личности, потом сделать с неё слепок и, опять же, законсервировать в отдельном

файле. Я не изверг, насовсем лишать ни в чём не повинного человека жизни не собираюсь. Рано или поздно придётся её ему обратно возвращать.

Итак, я уже на месте. Вот оно, сознание, только почему-то выключено. А, ну понятно, интоксикация, ого, печень серьёзно повреждена. Срочно направить резерв на интенсивную регенерацию. Кстати, внутреннее и внешнее строение лишь слегка отличается от нашего, видимо, параллельные эволюции имели схожие условия. Мозг чуть поменьше, хотя и ненамного. Так, а это что? Вот это поворот! Снимаю блокировку и вот – я могу снова читать чужие мысли. Видимо на определённом этапе эволюции здешний мозг решил, что и своих-то мыслей девать некуда, не хватало ещё и посторонних. Хотя судить несколько преждевременно по отдельному индивиду. Да и странно это, на самом деле. Мозг нашей расы я изучил досконально, благо времени было предостаточно, но у нас вообще отсутствовала возможность телепатии на клеточном уровне. Исключая меня, конечно. Хотя мой случай – скорее аномалия, чем правило, ведь с момента моего рождения подобного зафиксировано больше не было никогда.

Здесь же первый встречный с врождённой, но кем-то, или чем-то заблокированной способностью. Жаль, я не смогу проверить у остальных, не переселяться же мне каждый раз в новое тело, с этим бы для начала разобраться. Возможно позднее найдётся способ. Надо будет при случае поэкспери-

ментировать с приёмом-передачей, вдруг что и получится.

С другой стороны, любой человек нашей расы мог осознанно, одним только мозговым усилием, контролировать процессы, происходящие в организме, а также производить их коррекцию. Ну уж тут ничего не поделать, эволюции у нас всё-таки были разные.

Ладно, в первую очередь надо заняться здоровьем, а то не ровён час ноги протянешь, не успев насладиться красотами здешней природы. Печень уже получила свою долю рекомендаций, сердце на удивление здоровое, ну хоть что-то радует. Почки, кишечник, желудок, ого, что это с ним? Надо очухиваться, а то ...

Так, раз сознание спит, будить его не будем, по крайней мере бодаться не придётся. А себе оставим только базовые функции. Ну всё, создаю новый файл, имя, ну пусть будет ... хм, Гилтри. Так точно не забуду. Спи пока и дальше, человек. Когданибудь я снова разбужу тебя. Когданибудь, да, а пока я только обещания всем раздаю.

Дальше коммуникация, слух, речь и да, началось моё любимое – обоняние, осязание, вкус. Поскорее бы уже. Распознавание речи работает следующим образом – я произношу некую фразу на своём языке, внутренний переводчик выдаёт уже готовый перевод для моего собеседника, ответ которого так же будет параллельно переводиться, так что я одновременно буду учиться разговаривать на языке землян. Обычная практика. А учитывая мои способности к обучению, ду-

маю скоро смогу совсем отказаться от посредника.

Ну всё, вроде разобрался на скорую руку. Включаю коммуникации. Здравствуй, новый мир!

– У нас такого не гонят...

– Ааа! – я заорал благим матом. – Сука, живот! Голова! А это что?

Я открыл глаза и увидел два смутных человеческих силуэта, что-то очень тяжёлое накатило изнутри и, жадно хлебнув воздуха, я резко приподнялся на кровати.

– Бль... гаааа!

Густой фонтан окатил силуэты, зрение слегка навело резкость и моему взору предстали двое донельзя изумлённых индивидуума с выпученными глазами, одетых почему-то в белые длинные, до колен, накидки. Вернее, ещё совсем недавно белые.

– Иван Кузьмич, голубчик! – воскликнул один из них. – Бегите за Алевтиной Павловной! Ведро, тряпку! Скорее! Пока он нам всю палату не уделал.

– Это что же творится-то, а? – тот причитал уже на ходу – А похож на шишку. А на деле-то свинота какая. Фу, вонища! Павловна! Ты где?

– Говорил же, промывание надо было сделать! – крикнул мужчина вдогонку и укоризненно посмотрел на меня. – Ну что ж, молодой человек, с возвращением вас.

Я с благодарностью кивнул, обессиленно откинулся на подушку и счастливо прикрыл веки. Всё тело потрясывало, жи-

вот словно резали ножом, дышать было тяжело, воняло рвотой, раскальвалась голова, а в глазах не доставало резкости. Оо, какой же это кайф! Я в раю.

– Вы же доктор? – спросил я слабым голосом, что резко отличался от моего настоящего. – Это больница? Как я здесь оказался?

– Молодой человек. Я, конечно, врач или доктор, как вам будет угодно, но позвольте мне сначала переодеться, привести себя в порядок. А вы давайте готовьтесь к промыванию, отравленьице у вас. Ещё анализы надо будет сдать и укольчик поставить...

– Всё что угодно, врач, всё что угодно.

Я был счастлив, и, видимо, пожилой доктор каким-то образом почувствовал моё состояние, впрочем истолковав его абсолютно неверно:

– Ну нечего слёзки лить, пациент, всё обойдётся, вон вы какой здоровый на вид. Да уж, килограмм за сто, пожалуй, наберётся. Отдыхайте пока.

Он удалился, а я оглядел больничную палату. С усилием проморгался, разгоняя туман в глазах. Интерфейса пока не наблюдалось, но это и неудивительно, не всё сразу. Мозг человека так быстро и не мог адаптироваться к новым условиям, требовалось время и тонкая подстройка сопряжения.

В палате кроме меня никого, видимо, это общество было очень здоровым. Четыре пошарпанных кровати, мебель напоминала нашу, но слишком убогого качества. Приспособ-

ления для сидения выглядели примитивной подставкой для цветочных горшков, ящики с дверками впереди предназначены были, скорее всего, для складирования вещей пациентов. Пол, стены и потолок явно требовали незамедлительного ремонта.

Окно привлекло моё внимание. Судя по стоянию местного светила, было утро. И невероятно – всё вокруг было ярким, разноцветным. Прямо об оконное стекло постукивало, висящее на, слегка раскачиваемой ветерком ветке, большое красное яблоко. Листья на деревьях и трава зелёные. Небо голубое и никаких намёков на глобальную инфраструктуру, покрывающую мою родную планету до последнего кусочка пространства, где с поверхности никогда не увидишь горизонта. Здесь же виднелись неподалёку совсем невеликие строения, а дальше – чистота и простор. Ни дымящихся труб фабрик и заводов, ни бесконечной паутины монорельсов, ни нагромождения великанских конструкций для дальнего и ближнего космоса. Да что там говорить, я чистое небо-то видел только в виртуале. На сколько лет мы опередили в развитии местную жизнь? На тысячу? Две?

Да, Гилтри, сукин ты сын, и после этого ты имел наглость предполагать превосходство местных технологий над нашими? Ведь наверняка видел всё это глазами своих подопытных. Ты просто ничтожество! Как я жалею о том, что именно я в твоих изуверских исследованиях был ключевой фигурой. Вот честно, у меня тут же мелькнула мысль – а может пре-

кратить всё это? Отправить своё сознание в небытие, сколько веков я уже прожил? Оставить это тело и пусть бы оно и дальше жило своей жизнью. Хотя, если бы я не внедрил к нему в мозг, то, учитывая внутренние повреждения, носитель скорее всего уже был бы мёртв. Я ещё не до конца разобрался в возможностях его организма. Но это была бы его собственная судьба, не моя.

Ну уж нет. После того, как я узнал о планах сумасшедшего учёного, да ещё умудрился в самый последний момент слезть с крючка, главной целью моего существования становилось любой ценой сорвать эти планы. А в идеале – отомстить всем этим недолудям.

Я предатель своей расы? Не знаю. Но мы упустили свой шанс тогда, когда сами начали уничтожать нашу планету. Нас уже нет. Мы вымерли, оставив горстку двуличных сознаний, затерянных в пустоте и помешанных на возрождении. А оно стоит того, чтобы для выживания одного вида уничтожить другой? Да-да, Гилтри бы сейчас сказал, что это закон эволюции, естественный отбор, выживает сильнейший. И что раса, которая не может отстоять в борьбе своё право на существование, обречена на гибель. Вот только он бы забыл добавить, что сам недрогнувшей рукой обрёл на гибель миллиарды своих соотечественников, давая шанс лишь избранной кучке.

Так что я предатель лишь для самого Гилтри и банды его прикормленных приспешников, но на них мне плевать. Я те-

перь сам по себе. Хватит раскисать, мне ещё встраиваться в матрицу нового мира.

Кстати говоря, чувствовать себя я начал намного лучше. Притупилась резь в животе, конечности уже не так трясло, да и голова стала понемногу проясняться. Период адаптации шёл полным ходом и я, наконец, оглядел своё новое тело. Надето на мне было... я не смог понять сразу, что. Брюки, или штаны буро-жёлтого цвета в зелёных пятнах, такая же куртка и непохоже было, что это грязь, хотя собственно грязи на одежде хватало. Где же ты валялся, дружище, в какой сточной канаве? Есть у них тут зеркало?

В углу палаты я заметил устройство для санитарной обработки рук, как я его определил. Над ним, на стене зеркало и висело. Ну что, рискнём подняться на ноги?

Ахая и охая, испытывая боль, я всё же блаженно улыбался, шаркая босыми, лишь в одних носках, ногами по полу, пока в зеркальном отражении не увидел...

– Твою мать, ну и рожа, – произвольно вырвалось у меня.

Было от чего впасть в ступор – на меня пялился бугай ростом метра под два, где-то за тридцать, с лицом таким, что мне вдруг захотелось спрятаться и не отсвечивать до тех пор, пока он не уйдёт. Было что то звериное в этом выражении лица, будто его бывший хозяин промышлял ремеслом, скажем, несколько противоправным. Что? На голове волосы, усы и небольшая бородка. Охренеть! Люди моей расы утратили во-

лосяной покров уже несколько поколений назад. Просто на-
прочь. И мужчины и женщины. Это в какую же эпоху я по-
пал?

Опустив глаза ниже, я узрел чуть располневшее тело впе-
чатляющих размеров, этот человек либо имел мощные гены,
либо прокачивал силу много лет, но потом почему-то бро-
сил. Всё было настолько реально и незнакомо, что я часто
задышал и опёрся вновь приобретёнными руками о края ча-
ши для умывания. Я вновь чувствовал. Наконец-то.

Из состояния ступора меня вывели голоса, которые зазвуча-
ли вдруг из глубины больничного коридора.

– А он мне говорит, значит, промывание далали? – я узнал
Ивана Кузьмича. – Слышишь, Павловна? Человек уже си-
ний, не дышит почти, а я ему промывание. Ну чтоб наверня-
ка захлебнулся. Уж лучше сам отойдёт, чем я убийцей стану.

– Это ты правильно, Кузьмич, не наше это дело, как бог
распорядится, так и будет.

Второй голос был женским, Значит Павловна женщина и,
судя по всему, далеко не молодая. Впрочем, как и осталь-
ной уже увиденный мной персонал. Местные имена пока ни-
как не встраивались в привычную мне классификацию, пе-
реводчик наверное долго перебирал варианты, прежде чем
выбрать приемлемый для моего слуха. Но не преуспел.

– Причём здесь бог-то твой? Грибы это – поганки или му-
хоморы, этих городских не поймёшь ни за что. Бесятся с жи-
ру, деньги просирают, почём зря, всё экзотики им подавай.

Вот и дохнут.

– Ну значит, богу так угодно. Чем больше сдохнет, тем простым людям дышать легче станет.

– Тьфу ты, язва, кто про что, а негр про пальмы, – плюнул в сердцах Иван Кузьмич, и в этот же момент его насто-роженная физиономия с опаской заглянула в палату. Да они тут все волосатые!

– О, живее всех живых, – радостно доложил он, оглянувшись назад, – заходи, Павловна, тебе тут с города работу подкинули сверхурочную. А то все жалуются, что на селе работы нет.

Зашла тётка с ёмкостью для воды и длинной палкой, на конце которой были примотаны куски ткани. Сверху на ней была такая же белая накидка, что и у остальных. На голове ..., ну какой-то головной убор, прятавший под собой смотанные в клубок белые волосы. Нет, мне срочно надо загружать местную базу данных, иначе я проколюсь на незнании элементарных вещей. Интересно, есть у них гденибудь поблизости вход в базу? Да и есть ли он вообще? Что ж, тогда по старинке, либо читать книги, либо мысли.

Павловна укоризненно зыркнула в мою сторону и, насколько я смог определить, принялась за влажную уборку помещения. Я с удивлением отметил тот факт, что эти двое не боялись меня совершенно, хотя на мой предвзятый взгляд, вид мой был довольно устрашающим. Наши расы хоть и принадлежали к одному виду, внешне отличались всё-таки до-

вольно ощутило. На моей родной планете, как я уже говорил, все поголовно были безволосыми, череп чуть вытянутее, нижняя челюсть не такая массивная. Рост и вес явно меньше, хотя как я могу судить об этом при отсутствии достаточных данных? И тут мой взгляд зацепился за ведро.

– Пить, – просипел я. – Воды.

– Ты давай-ка, гость столичный, укладывайся пока, не мешай барышне, – Иван Кузьмич подошёл и начал легонько подталкивать меня обратно к кровати. – Чего в зеркало пялиться, ага, вот так, ложись, ложись. – А воды тебе сейчас много надо. В процедурную пойдём, там и напьёшься. Хотя ладно, присядь пока. Сейчас сделаем.

Он подошёл к умывальнику, чем то поскрипел там, зашумела вода и как же жадно я пил эту тепловатую, но такую вкусную воду из прозрачной посуды. Обалдеть! Они моют руки питьевой водой?

– Напился?

– Нет.

– Ну и славно. Давай-ка стакан сюда. Хватит нам на сегодня приключений, а запасных халатов у меня больше нету. Сейчас вот Павловна вытрет тут всё и пойдём в процедурку. Ложись-ка опять.

Странное дело, но послушался я его с огромным удовольствием. И внутреннего протеста не возникло и желания вступить в конфронтацию. По сути дела, я же ведь старше его на несколько веков, но как же приятно было ощутить это

необъяснимое человеческое тепло. Может попробовать считать его мысли? Нет, рановато, организм сейчас не в лучшем состоянии, на восстановление всех функций до более менее приемлемого уровня потребуется немало внутренних резервов. А телепатия очень затратная штука, как попало ею пользоваться не получится. Да и надо уже начинать осваивать живое общение с местным населением без помощи читерства, вдруг чего заподозрят?

Павловна с недовольным лицом тёрла полы, сквозь зубы бормоча что то вроде – "Понаехали тут, нехристи", а Иван Кузьмич, усевшись на подставку для цветочных горшков, закинул ногу на ногу, скрестил пальцы рук на коленях и с добродушной улыбкой посмотрел на меня.

– Ты кто будешь то, товарищ дорогой? Документов при тебе не было, телефона тоже. Зовут-то тебя как?

– Я... – что ему ответить? Ну не говорить же, что я инопланетянин, захвативший человеческое тело, прибывший на Землю с тайной миссией для дальнейшего вторжения и порабощения их планеты.

– Ты, ты. Имя то своё помнишь? Фамилию, там. А то, знаешь, случаи ведь разные бывают. В прошлом году случилась история. Тоже городской один, типа предприниматель, приехал с бригадой в лес и давай сосны пилить. Техники навёз, людей нанял. Забыл только документы оформить на вырубку. А нахрена? Вон его сколько леса-то.

– Зачем пилить деревья?

– Ну ты даёшь! Это ж деньги живые, распилил, продал, распилил, продал. Ну, в его случае, считай, украл. Экономика, мать-её.

– Вы что, используете деревья как материал? – искренне удивился я и тут же поспешил прикусить язык. Всё, сейчас меня точно расшифруют. Может это и не больница вовсе, а допросный дом, стилизованный под безобидное, на первый взгляд, медучреждение?

– Ну не знаю как там у вас в городе, давненько не был. А у нас всё натуральное, природное, так-сказать.

Фу, вроде пронесло. Держи-ка ты рот на замке, Кади.

– Ну так вот, пилят они день, второй и тут, ближе к вечеру, выходит на делянку медведь. Там, за рекой, заповедник начинается, зверья всякого видимо невидимо, но сюда к нам они обычно не суются, разве что зайцы да лисы, да ещё, бывает, кабаны на окраину деревни забредут. А тут – медведь.

Что уж случилось такого в его лохматой башке – одному богу известно, но он вдруг попёр буром на этого самого предпринимателя. Видать главного в нём опознал. Здесь у нас так – кто самый жирный, тот и старшой. Короче, людишки-то его, не будь дураки, покидали причиндалы свои, да и попрятались в тягач. А этот придурок, только зверюгу страшную увидал, как заорёт: "Всю жизнь мечтал! Тореадор, смелее в бой!" – и с бензопилой наперевес полетел навстречу. А тот вдруг развернулся и бежать. Короче, успел медведь.

– Что успел?

– Сосну недопилили чуток. Мишаня убежать успел, а при-
дурок с бензопилой – нет. Самой маковкой и накрыло его.
Только квакнул напоследок. В итоге ушибы, перелом голе-
ни, сотрясение и одно отпиленное ухо. И это ему ещё повез-
ло, мог бы совсем без головы остаться. Хотя он всё равно ей
пользоваться не умеет.

Короче, привезли его мужики всего в кровянице, харя пе-
рекошена, глаза в разные стороны. И только твердит как за-
ведённый: " Он обосрался, всё-таки обосрался." А осталь-
ного вроде не помнит ничего. Сосна память отшибла. По-
том-то оказалось, что врал, конечно. Всё он, гад, помнил.
Штраф ему огромный впаяли за незаконный спил деревьев
и за браконьерство. Рядом медвежье дерьмо нашли, поэтому
признали того пострадавшей стороной. А с мужиков-то что
взять? Они люди подневольные, пахали два дня и забесплат-
но всё. Говорили потом, что лучше бы сами его в лесу при-
копали, если бы знали заранее.

– Ой, а ты прям будто сам всё видел! – Павловна, до того
энергично орудуя своим инструментом, вдруг выпрямилась
и позволила себе немного усомниться в правдивости слово-
охотливого фельдшера. – Тебя ж там не было.

– Так мужики рассказали, я ж всё фиксирую, книжку на-
писать хочу. Про жизнь нашу, про земляков, да хоть про те-
бя, Павловна. Вот, смотри.

И он действительно достал из-за пазухи небольшую тет-
радку. О, бумага! Да они богачи, если могут себе позволить

так использовать природные ресурсы. В моём погибшем мире каждое из оставшихся деревьев строго охранялось и, если какому-нибудь безумцу вдруг сподобилось бы спилить его, штрафом он не отделался бы. За это полагалась смертная казнь.

– Тут всё честь по чести – кто, где, когда. Мужики-то местные были, да хотя бы Петюня, ты же знаешь, он за любую шабашку берётся.

– Оо, нашёл кого слушать, – усмехнулась уборщица и вновь принялась орудовать палкой. – Ты ему и налил небось, для смазки. Петюню-то я с молодых соплей знаю, уже тогда горазд выдумывать был. Мамка его наплакалась. И ведь зараза какая, глазом не моргнёт – соврёт. Натворит делов и в кусты. А как вырос, так совсем уже от рук отбился. За шабашку он берётся! Только когда не бухает, прости-господи.

Павловна вдруг снова распрямилась и правой рукой совершила некое движение, словно насекомых отгоняла. Снова загадка.

– Ну так он же не один там был, так что давай-ка ты заканчивай уже, мне больного лечить надо. Хотя он вроде как на поправку идёт. Вон и щёки порозовели. Больничные стены – они и сами по себе лекарство.

– Как у вас интересно всё тут, – вполне искренне заметил я. – А я как тут оказался?

– А это будет новая история, молодой человек. Как ты говоришь тебя зовут?

– Блок Кади Пирст.

Зачем я это сказал? Вдруг догадаются, что я не тот, за кого себя выдаю? Но слова вырвались машинально, совсем заболтал меня этот дед.

– Как, как? – Кузьмич округлил глаза и скосил их в сторону уборщицы. – Ты это тоже слышала, Павловна?

– Ну-у, имя такое, богоугодное. А остальное вылечить можно.

Что же им перевёл этот чёртов толмач?

– А повтори-ка ещё раз.

Ну чего уж теперь упираться.

– Блок Кади Пирст, – произнёс я как можно медленнее, в надежде что в этот раз удивления на их лицах будет поменьше.

– Я запишу, – фельдшер выудил из кармана приспособление для письма. – Так, значит. Блохастый Кадило Пиктодристович.

А что, звучит вроде нормально, только почему эти два немолодых и, судя по возрасту, серьёзных человека, вдруг принялись смеяться?

– Ох, и нелегко тебе жилось, наверное, парень, – простонал Кузьмич, хлопая ладонью себе по колену и тяжело дыша. – Как и отцу твоему – Пиктодристу. Ну точно говорю, новая история будет.

– Да что не так-то? – недоумённо спросил я.

– Всё так, как надо, молодой человек, – отдышавшись,

произнёс тот. – Ты уж не обижайся на нас, стариков, тут в деревне с развлечениями негусто, вот и прорвало. Имя-отчество у тебя для наших мест уж больно необычное.

Я снова напрягся. Неужели прокол? Что же делать? Ноги сами потихоньку начали сползать с кровати, мне вдруг захотелось банально сбежать отсюда как можно скорее.

– Это у вас там в городе новые нравы, а тут всё по старинке. Так что называйся как хочешь, кто ж тебе запретит? Видать родители твои те ещё затейники. Да и дед с бабкой.

Голова у меня пошла кругом. Я вообще не понимал этих людей. Да и как тут понять, если этот Кузьмич сначала говорит одно, а потом тут же ставит всё с ног на голову. Из этой тупиковой ситуации нужно срочно как-то выпутываться.

– Всё, я закончила, – Павловна схватила ведро и бодро засемила к выходу. – А ты, туристик, не шали тут. Делать мне больше нечего, как ходить подтирать за каждым. Вас вон сколько, а я одна. И весь порядок на мне держится.

Суровая женщина уже покинула палату, но ещё некоторое время её недовольный голос доносил до нас обрывки некой информации, главным постулатом которой было – вредители и тунейдцы.

– Ну так и нам пора. – фельдшер проворно поднялся, запихивая свою тетрадку обратно за пазуху. – Пойдём, Блохастый. Сам-то допрыгаешь? Да куда босиком-то? Вон кроссовки твои стоят. Павловна отмыла, а то грязи то было на них.

Что тут за нравы? Разговаривают с незнакомым человеком, как с родным. У нас так было неприемлемо, люди вообще старались лишней раз рот не открывать, смолчишь и никто не услышит. Контроль тотальный, наказание быстрое. Любимым занятием службы правопорядка было выявление случаев о недоносительстве. Всё очень просто – например кто-то увидел правонарушение и не доложил о нём куда следует. Просто отвёл взгляд и поспешил исчезнуть – не моё дело. Но информация то уже зафиксирована, твоё зрение – оно ведь не совсем твоё, система наблюдает твоими глазами, а по закону о гражданском самосознании ты был обязан тут же оформить донос. И всё – вот ты уже и сам преступник. Поэтому доносили все и на всех. На всякий случай, так было спокойнее жить. Мне же удавалось обмануть Систему, отправляя в банк данных только то, что сам посчитаю нужным. До сих пор не понимаю, как они допустили такое – практически неконтролируемый гражданин.

Я, наверное, всегда был белой вороной, не как все. На вопрос почему я такой у меня ответа не было, равно как и у Учителя, а уж он то, поверьте, приложил все усилия чтобы разобраться в причинах моей аномалии. Ведь разгадка сулила такие перспективы, что и вообразить трудно. Но нет, его заключительный вердикт был следующим – вопрос не поддаётся расшифровке, одноразовый эволюционный сбой или, что маловероятно, вмешательство неизвестной современной науке силы. Правда непонятно – нахрена?

Короче говоря, ерепениться я не стал, кто знает, вдруг у них так и принято общаться друг с другом? Так что пока выделяться не будем, правила игры надо принимать такие уж какие есть. Пока что мало информации. Где же мне добыть её? Послушно сунув ноги в кроссовки, я наконец решился:

– А что, Кузьич, есть ли в вашем заведении какиенибудь книги? Бумажные. Ну, или цифровые, мне без разницы, – спросил я, вставая с кровати и про себя отметил, что движения даются мне уже гораздо легче, чем вначале.

Наспех протестировав ещё раз весь организм, я пришёл к выводу, что и в этом плане местные имели фору перед нами – регенеративные возможности были поразительными.

– А тебе зачем? – удивился фельдшер. – Читать любишь, что ли? Так это в библиотеку надо. У нас, правда, в деревне нету её. Да и читать то меньше стали. Молодёжь так и не читает вовсе. Книги, я имею в виду. Всё в телефонах своих сидят, да не с книгами – игрушки одни на уме и эти, как их... Соседка у меня ведёт, всё про грядки свои рассказывает, да на камеру снимает. А кому нужны её грядки? Видал бы ты их. Тьфу, смотреть не на что, а всё туда же – блогер она теперь.

– Блогер?

– Ну ты-то должен знать. Это те, кто думают, что умнее остальных прочих, всё жизни учат.

– Конечно знаю, – спохватился я. – Есть у меня знакомый блогер. Тоже думает, что умнее всех и тоже учит. Учитель,

мать его.

– Во-во! – согласно поддакнул Кузьмич. – Только вот недели две назад по всей деревне вдруг связь пропала. Была и нету. Ха, мне-то что, я могу и с больницы позвонить куда надо, а вот люди маяться стали, особенно ребяташки.

– Какая связь? – не понял я.

– Обыкновенная. Нет сети и всё тут. Ни позвонить, ни прогрядки рассказать. Так и носится народ то к нам, то к участковому, то в правление. Это сегодня что-то тихо, может рано ещё, а так тут, бывает, очередь к телефону собирается. Ладно, пошли уже, чего стоять-то? Имеется у меня одна книжка, внучка забыла, только вряд ли она тебе понравится. Учебник какой-то.

– А я всё люблю читать. – я радостно последовал за ним. Ну хоть что-то.

– Да? – фельдшер мне вроде не поверил. – А по тебе не скажешь.

– Почему это?

– По-кочану.

Даже не стал спрашивать что это означало, просто заткнулся.

После наших дворцовых коридоров разница показалась просто бездонной пропастью, не успели мы выйти из палаты, сказать пару слов, как уже пришли к месту назначения. По пути я всё же успел отметить в памяти некоторые подробности здешнего интерьера. Несколько сидений вдоль стены,

очень большие зелёные растения в деревянных (опять!) емкостях. Кроме моей – ещё три палаты. Двери были открыты настежь и что-то я не увидел там пациентов. Очень здоровое общество, как же меня угораздило сюда попасть? Они вообще здесь болеют? Судя по скорости регенерации моего нового организма, эволюция сама постаралась позаботиться о подопечных, не доверяя местной медицине.

Так, вот ещё три двери и появилась первая возможность ознакомиться с местной письменностью. Давай, переводчик, не подведи на это раз, а то с таким помощником лучше глухонемым прикинуться.

"Ординаторская" и "Заведующий отделением" были закрыты, а вот из "Процедурной", открытой нараспашку, доносился жизнерадостный смех и голоса. Ну да, как я и думал, всё те же действующие лица. Почему они так часто смеются? Какое же на редкость здоровое и счастливое общество. Говорят что хотят, веселятся без особой причины – в моей прошлой жизни такого поведения я отродясь не помню. Всё было подчинено рациональности и контролю. Вероятно поэтому мы и достигли таких высот. Мда, и к чему же всё это привело?

Короче, мне срочно нужно выяснить, кто я теперь такой на самом деле, какое место занимаю в земной иерархии, надеюсь, не последнее. А прежде всего – самое элементарное. В какой части планеты я оказался, дата, речь, раса... Да море знаний! Мне нужен доступ к местному банку данных. Но

самый минимум придётся узнавать на ходу и прямо сейчас.

Мы зашли в процедурную. Врач Андрей Николаевич, похотывал, сидя на стуле и слушал Павловну. Локоть левой руки его опирался на небольшой столик, на котором стояли в хаотическом беспорядке неизвестные предметы явно медицинского назначения, правой же он беспрестанно тёр своё лицо. Надо будет запомнить и этот жест, вдруг он значит что-то важное.

– А я и говорю – и от блох и дристания, прости-господи, лекарства есть, всё вылечить можно.

– Ох-хо-хо, кстати вот наш герой. Ну что, молодой человек, лечиться будем или поживёте пока? Я смотрю, вы на поправку пошли, да. И без промываньица. Впрочем... – он машинально разгладил халат рукой, (кажется так назвал Кузьмич это одеяние), промывать то вроде уже и нечего.

Зачем вообще тут нужны врачи, если медицина идёт во вред? Что значит – или жить или лечиться? Я оторопело замер на пороге, разглядывая эту весёлую троицу. Интересно, сколько у них тут ещё бесполезных профессий? Или, скорее всего, я просто банально никак не могу въехать в основы их мироустройства. Может они тоже свои роли отыгрывают? Надо срочно начинать соответствовать.

– Я почти здоров, – сказал я, стараясь копировать их стиль поведения. – Ха-ха, мне бы посетить санитарный узел, чтобы опорожнить мочевой пузырь и обосраться. А то токсины заполонили весь этот организм и мне срочно надо провести

процедуру очищения. Ха-ха! И от воды бы я тоже не отказался, Кузьмич сказал здесь водой поить будут, прости-господи.

И я энергично растёр правой рукой лицо, а потом повторил тот странный жест, которым Павловна отгоняла насекомых со своей груди.

– Это всё гены, – веско произнесла та при гробовой тишине, воцарившейся в этот момент. – Кого попало таким-то имечком не назовут.

– Кхе-кхе, да, голубчик, – прокашлявшись, произнёс Андрей Николаевич, потеряв при этом шею, – если вам надо в уборную, то сейчас направо и за углом третья дверь. А санитарный узел у нас в ведении Алевтины Павловны, она там, видите ли, свои вёдра и швабры хранит. Там опорожняться не надо. Ни к чему это. Может у вас в городе это и в порядке вещей, но надо всё же оставаться людьми.

Опять этот мифический город, там что, какие-то другие люди живут? В чём отличие? У них здесь разные виды что ли? Я совсем запутался.

– Может быть я просто так выразился... непонятно, прошу меня извинить.

И я потёр шею.

– Да чего тут непонятного. – включился в обсуждение Кузьмич. – Николаич, ты чего? Человек практически с того света вернулся, мозги набекрень, тут кто угодно заговариваться начнёт. Это чудо просто, что выжил. И лекарств ни-

каких не потребовалось, стало быть, и нам фиксировать ничего не надо, без полиса-то нельзя никак. А так до города своего сам доберётся, документы, полис найдёт и опля – к своему участковому врачу. Так ведь, Кадило?

– Да-да! – поспешил я согласиться. – Мне бы только в уборную и чтонибудь поесть.

– Ну да, а ещё переночевать негде, – съязвила вредная бабка. – Знаем мы таких.

– Да, уж тебе ли не знать, – обрадовался фельшер. – Помнишь, как туристы к тебе забрели?

– Вся деревня помнит, – подтвердил Андрей Николаевич. – Степан Георгиевич, участковый, как раз после этого заикаться начал. Это хорошо ещё, что до зарплаты неделя оставалась, а так только пенсия пропала.

– Ага, решила коммерцией заняться, Павловна? ИП "Пущу за столтник, пенсия за иконой".

– Так кто ж знал, что они такие нехристи окажутся? – вспылила хозяйка санузла. – Вежливые такие были, я и накормила их и спать постелила, а утром ни их, ни иконы, ни остатков пенсии. Хорошо, Георгич их словил, хоть икону вернули.

– Попробуй тут не слови. Я на другом конце деревни твой рёв слышал, Стёпка, бедолага, наверное проклял тот день, когда в милицию, тьфу ты..., в полицию служить пошёл. Вон, Николаич правду говорит, заикаться стал с того дня, дом твой стороной объезжает.

– Да я же потом извинялась за слова свои, прости-господи, мм... нехорошие. Багодарила, пирожки носила в участок, только как не приду, его на месте нет.

– Конечно не было его на месте. Я бы после такого от тебя тоже прятался.

– Я прошу прощения, – снова подал я голос. – Мне бы в уборную. И воды можно ещё?

– Так вон вода. Пей сколько влезет.

Андрей Николаевич ткнул пальцем в сторону небольшого стеклянного сосуда, стоящего на подоконнике.

В меня влезло всё. Допив воду, я удовлетворённо и с наслаждением вдохнул и выдохнул воздух. Как же всё таки хорошо быть настоящим человеком в настоящем мире. Тем более, что мир настолько прекрасен. Вернув сосуд на место, я довольно улыбнулся и вновь наткнулся на их застывшие взгляды.

– Стаканчик же есть, – чуть севшим голосом проговорил Кузьмич.

Точно, он же меня поил из некой стеклянной посуды малого объёма. Вот чёрт, опять неувязка. В прошлой жизни, когда чистая пресная вода для питья стала выдаваться ограниченными порциями, мы получали её в одноразовых пластиковых бутылках, которые после использования нужно было сразу отправлять на переработку. Всё было строго учтено, впрочем как и другие поставки. Здесь же, судя по всему, контроль не вёлся совсем. Пей, сколько влезет! Они,

похоже, совсем не осознают, насколько богаты. Неужели и у нас когда-то было так? Всё то мы просрали!

– Просто сильно пить хотел, – сказал я как можно невиннее. – Ойё!

Внутри меня что то громко заурчало и я вдруг постарался застыть и не шевелиться, только глаза начали округляться всё сильнее, а руки непроизвольно обхватили живот.

– Бегом, родной! – отмер фельдшер и, сорвавшись с места, подхватил меня под локоть. – Только не здесь! Совсем человека заболтали. Давай, давай. А я тебе сейчас книжечку дам, раз обещал. Только ты её уж используй по назначению, мне её ещё внучке возвращать.

Мы буквально понесли по коридору. Около ординаторской Кузьмич прислонил меня к стенке и, стремглав, нырнул внутрь. Я даже не успел ничего понять, когда он оттуда вынырнул уже не с пустыми руками.

– Вот держи, – я машинально взял книгу и мы продолжили движение, окончившееся возле двери с надписью: "Туалет".

– Фу, успели! – обрадованно выдохнул Кузьмич. – Заходи, только смотри, там бачок неисправный, надо за проволоку дёргать, чтобы смыть. Ну, не дурак, разберёшься. Хотя...

Я уже не мог терпеть и не стал дальше слушать, что хотел сказать словоохотливый дедок. Просто закрыл дверь и уселся на унитаз. Дурное дело – нехитрое. Зато сколько ощущений!

Итак – книга. Первый в новом мире мой учебник. Давай,

переводчик, не подведи. Так, "Мировая история с древнейших времён до наших дней", издательство Новейшее время, год 2037. Ну, учебник вроде новый, значит с годом более-менее определились. Погнали.

Следующие десять минут я провёл за скоростным чтением книги и впитывал, впитывал новые знания, как губка воду. Учебник, очевидно, был не для глубокого изучения материала, но уж что нашлось, тому и рады.

Судя по хронологии, у нас происходили весьма схожие процессы, не с такими уж и большими отличиями. Да и с географией совпадения были процентов на семьдесят, всё же не зря Гилтри обозначил Землю как планету-двойник. Единственное, что отличало наше развитие – разница в датах, на момент кончины моей планеты она составляла ровно тысячу лет. Плюс-минус.

Первобытные расы сменились рабовладением, феодализмом и закончилось всё, как и положено, куплей-продажей. Эксплуатация человека человеком никуда не делась. Войны, переделы мира, сверхдержавы – всё как и у нас, только пока так и не дошло до глобального объединения всех стран под единое начало, хотя общие предпосылки уже прослеживались. Развитие технологий на Технеции, к слову, началось гораздо раньше, чем на Земле. Наши пирамиды строились с помощью подъёмных кранов.

Пять лет назад новый президент государства, в котором я оказался, окрылённый возвращением многих, ранее за-

завивших о своей независимости, территорий, а также при соединением новых, чьё население выразило желание вступить в состав страны, решил провести тотальное переименование большинства населённых пунктов и субъектов. И начал, ни много, ни мало, с названия самого государства. Рустария. Странное название. Недоумённые граждане, конечно же, ждали референдума по этому поводу, но новые веяния, вкупе с новым глобальным мышлением во властной структуре продавили этот проект в одностороннем порядке. Истории страны были тут же приписаны ещё пять тысяч лет, что хоть как-то успокоило население, а потом стихийные протесты и вовсе сошли на нет. Тем более, что кроме названий, судя по всему, больше ничего и не изменилось.

Кстати говоря, на Технеции в своё время происходили схожие процессы. Когда все страны мира начали объединяться в единое сверхгосударство, возникла необходимость в общем для всех языке, понятной символике и приведение названий населённых пунктов к единому стандарту.

Глядя на карту, я отметил следующие моменты. Во-первых, континенты тут и там зеркально отражали друг друга. Что касается движения небесных тел по орбитам, подозреваю, что и вращались они в разные стороны, но фактов пока не было, так, чисто мои собственные домыслы.

Во-вторых, площадь земной суши гораздо больше нашей, видимо таяние ледников и континента Антарктида, (наш Юполис), ещё не началось и прибрежные территории, дав-

но затопленные у нас, были доступны для проживания и использования.

В-третьих, на местной карте всё ещё присутствовал большой кусок суши, который у нас именовался Северной Унией Коламбики, сокращённо СУКи. Почти тысячу лет назад этот оплот всемирного терроризма, возглавляемый на тот момент отъявленным негодяем по имени Бред Жи Бандист, был приговорён к уничтожению объединённым правительством всего мира, собранным специально для борьбы с этим позорным формированием. Акция длилась несколько месяцев, было использовано самое мощное на тот момент оружие, исключая ядерное. Хотя старый Жи был уже готов его применить, но немного не успел, поскольку был ликвидирован вместе со своим Белым дворцом. Зато сдвиг тектонических плит от тысяч ракетных ударов погрузил почти полконтинента в океан. Говорили, что детонация разбудила огромный спящий вулкан, который и довершил начатое людьми.

И с тех пор там пролив имени Джуги. Некоторые учёные склонялись к мысли, что именно это и стало отправной точкой начала гибели нашей планеты. Нельзя будить опасную стихию, только кого это останавливало?

Почему я это знал? Да потому что с того инцидента и началось становление объединённого правления и начало новой эпохи развития гражданского общества, что в конце концов и привело к печальным последствиям. Поговаривали что предки Гилтри были из СУК. Вовремя переметнувшись на

правильную сторону, они в конце концов достигли самой вершины в объединённом правительстве, именно во многом благодаря этому мой бывший учитель и обладал практически неограниченными возможностями.

И в-четвёртых, это напрямую не касалось географии, но могло качественно подправить весь глобус – здесь было ядерное оружие, от которого мы отказались сразу после образования пролива Джуги и это открытие тревожило уже по настоящему.

Мне надо больше информации. Но для начала хватит, по крайней мере я выяснил в какую часть света меня занесло. Я по прежнему в родных местах.

Так, теперь надо было разобраться с тем как... Они что, бумагой даже жопу подтирают? Да, не зря Кузьмич давал ценный совет про использование учебника по назначению. Видать были прецеденты, но ведь это просто кощунство – пихать знания в задницу. Как понять этих людей?

Когда я в третий раз дёрнул за проволоку, смывая воду в унитаз, каждый раз всё таки ожидая предупреждения от местной системы о нерациональном использовании природных ресурсов и, не дождался их, снаружи раздались шаги и стук в дверь.

– Эй, Пиктодристыч! Не отпиктодристился ещё? Давай выходи, к тебе пришли.

Вот те раз. Кто бы это мог быть? На лбу проступила испарина и сердце застучало сильнее. Что делать? Выход только

один. И он за этой дверью. Делать нечего, я шумно вздохнул, пригладил спутанные волосы и вышел вон.

Глава 3

– Да всё в порядке, Андрей Николаевич. Какие к вам могут быть претензии? Не переживайте вы так. Спасибо что выходили его, да приютили. Братик мой просто до природы дорвался, всё работа, работа, знаете как это выматывает? А он со своим характером начальству ну никак отказать не может, вы не смотрите, что он крепкий такой на вид, на самом деле же из него верёвки вьют все, кому не лень. И тут, первый раз за несколько лет, отпуск.

Я ведь с ним поехала, ему без контроля нельзя никак, охота, рыбалка – это для опытных мужиков, а он ружья-то отродясь не держал, ну, может только в армии, да и то вряд ли. А тут друзья подарили, да ещё вместе с разрешением, он и загорелся. Поеду, говорит, застрелю чего-нибудь, а не застрелю, так хоть по бутылкам популяю. Только вот когда приехали в лес, там ещё озеро такое большое рядом, оказалось, что он ружьё-то дома забыл. Это так на него похоже, вы и не представляете какой он рассеянный. Знаете, как он огорчился, мы ведь издалека приехали, не вернёшься уже назад-то.

Рыбалка тоже не задалась, в первый же день порвал все снасти и сломал спиннинг. Ну и пошёл по грибы в итоге. Сказал, хоть что-то у него должно получиться, а меня в райцентр за продуктами послал, да пиво ещё кончилось, что при его-то воздержании и неудивительно совсем.

В общем, я приезжаю, а его нет. А телефон почему-то сеть не ловит. И ведь не очень поздно вернулась, угли в костре ещё тлели и котелок с грибным супом горячий был. Ну ладно, думаю, раз машина с палаткой на месте, может отошёл куда, скоро вернётся, а сама так устала, так устала, что решила просто прилечь и отдохнуть, но не заметила, как уснула. Проснулась уже утром, а его всё нет. Вы даже не представляете, что я пережила, где он, что с ним. Хорошо рядом отдыхала семья с детьми, рассказали, что его повезли в местную больницу какие-то люди, сначала поили его, а потом ему стало плохо. Ну вот я и примчалась.

Я расслышал практически каждое слово пока шёл вслед за Кузьмичём, голос был задорный, громкий и судя по всему эта женщина являлась сестрой моему новому телу.

– Ну, хорошо, что хорошо кончается, Светлана Игоревна, – Андрей Николаевич явно был в приподнятом настроении. – Мы со своей стороны предприняли все необходимые меры, промываньице там, то-сё...

– Ой, спасибо вам, доктор, я вас обязательно отблагодарю.

– Да не стоит благодарности...

– А чё ж не стоит-то, Николаич? – влез в беседу фельдшер. – Вот, держите вашего пропальца, жив-здоров, как видите.

Я зашёл в кабинет и ко мне, буквально подпрыгнув, бросилась молодая девушка.

– Саша, Саша!

Повиснув на моей шее, она тихо прошипела мне в ухо:

– Подыграй мне. Я Света.

– Саша? – раздались удивлённые голоса врача и фельдшера. Павловна куда то пропала.

– Света? – это удивился уже я.

– Я это, я – сестра твоя. У тебя всё в порядке, как чувствуешь себя? – она отлипла от меня и стала внимательно разглядывать с ног до головы, типа, всё ли на месте?

Я тоже не остался в долгу – как никак это была первая молодая особь женского пола, которую я здесь встретил. Очень непривычно, но, чёрт возьми, так притягательно смотрелась эта тёмная грива волос, красивое лицо, стройные ножки в тёмных брючках, высокая грудь под нежно голубой обтягивающей одеждой... Впрочем, куда меня понесло, она же вроде моя сестра. Хотя, к чему тогда слова эти с предупреждением? Опять какие-то секреты.

– Хорошо чувствую, – ответил я ей. – Врачи говорят, что если не лечиться, то проживу ещё.

– Ой, слава богу! – обрадовалась Света. – А говорят, в провинции медицина никакая, людей подорожниками лечат.

– И промываньем, – вставил слово врач. – Это первейшее дело.

– То то я смотрю у вас палаты пустые – всех вылечили, наверное?

– Народ у нас здоровый, почти не болеет, – поддакнул Кузьмич. – Если только грипп какой, или понос. Тогда да –

за таблетками приходят. Только лекарств мало выписывают, но крутимся помаленьку. А с серьёзными болезнями люди в район ездят, или в город. Ну чего, Кадило, почитал книжку, пора и вернуть.

– Какое кадило? – удивилась девушка.

– Это я пошутил так. Назвался своим детским прозвищем. Помнишь?

– А, да. Помню, помню. Тебя ещё дразнили Кадило-мудило. Ха-ха.

– Да? – заинтересованно спросил фельдшер и потянулся рукой к пазухе, снова, наверное запись собрался делать. Ох, чувствую, попал я навечно в его историю. Будет потом так же, похохатывая, рассказывать первому встречному о некоем мудиле, который на самом деле Кадило, а вообще-то Саша.

– Да-да, Иван Кузьмич, – рассмеялась Света, – он, у нас всегда скромником был, ребят сторонился, всё за книжками своими сидел, даже в игры не играл почти, такая вот большая белая ворона. Так ведь, Саша? И сейчас вот умудрился отличиться.

– Так уж вышло, – вздохнул я. – Вот, возьми, Кузьмич. Спасибо за книгу.

– Да было б за что, – отмахнулся тот, не забыв осмотреть учебник придирчивым взглядом. – Листы все на месте?

– Что ж я – нехристь какой?

– Он у нас мальчик воспитанный, – улыбаясь, заметила моя ... сестра. – И послушный. Что ни поручишь, всё сдела-

ет. Правда, Саша?

Она заглянула мне прямо в глаза и я, мимоходом, сам не заметил, как считал её мысли. Процесс пошёл. И то, что я узнал, оптимизма мне отнюдь не прибавило. Скорее наоборот. Света была одна из нас. Стоило сразу догадаться, ведь всё было так очевидно с самого начала.

– Ну всё, – она легонько подтолкнула меня к выходу из кабинета. – Иди, садись в машину, а я тут закончу все деловые формальности и подойду. Смотри только больше не пропадай, а то мне придётся тебя на поводок посадить.

– Да уж, Ка... Санёк, веди себя хорошо, – со смехом поддержали её оба местных эскулапа, чьи мысли насчёт меня даже не надо было читать, всё было написано на их лицах: ну и дебил, а сестра ничё так.

И я пошёл с невнятным намерением всё таки дать дёру, но, с каждым шагом, понимал всё отчётливее, что долго бегать не получится. У меня накопилось уже много вопросов, а Света, судя по всему, имела возможность прояснить по крайней мере некоторые из них. Без этого знания жизнь моя в перспективе рисовалась в цвете далеко не самом радужном, поэтому стоит хотя бы попытаться сыграть в её игру по её, (читай – Автора), правилам. А дальше видно будет.

Выйдя на улицу, я оказался на небольшом крыльце и невольно остановился, жадно охватывая взглядом открывшуюся картину. Вид из окна тоже был прекрасен, но всей полноты ощущений не давал. Лёгкий ветерок, запахи... ну,

разная смесь запахов – от тонкого яблочного аромата до малоаппетитной вони свежего коровьего шлепка. Божественное ассорти. Я аж зажмурился от удовольствия, чуть постоял, продлевая его, и прислушался. Насколько я понял, флора и фауна наших планет были практически идентичными. Яблоню я распознал сходу, сейчас же слух мой наполнился какофонией местного бытия. Гоготали гуси, дурниной орал какой-то психованный петух, ему вторили соседские собаки. А натужное коровье мычание где-то неподалёку, сопровождалось визгливым бабским криком: "Куды прёшь, дурища, давай домой! Домой, я сказала!" Наверное родственница Павловны, рассказал бы ей ктонибудь, что коровы не понимают человеческую речь.

Дороги, как таковой, не было, потрескавшееся серое покрытие, всё в кратерах и колдобинах, не в счёт. Вдоль дороги блестели на солнце заполненные водой ямы, видимо недавно прошёл дождь, превративший любую выемку на поверхности в маленькое озеро, где с удовольствием плескались гуси и утки. Огромные деревья, росшие повсюду, создавали настолько уютное мироощущение, что я на минуту даже забыл для чего я здесь.

Деревенский пейзаж слегка подпортил вид металлического чудовища погребального чёрного окраса, по хозяйски расположившегося прямо напротив входа в больницу. Видимо, это и была машина Светы. Да, техника здесь явно отставала в развитии, хотя и не мудрено, разница ведь примерно в

тысячу лет. Земляне будут круглыми идиотами, если пойдут по тому же пути развития, что и мы. Техника, технологии, космос – это очень ресурсозатратное дерьмо. Всё что копи-лось миллиарды лет кончится скорее рано, чем поздно и всё. Мировой коллапс.

Каждое последующее поколение будет жить чуть-чуть хуже, чем их родители, почти незаметно, но лет через пятьсот нашим потомкам просто начнут закрывать доступ к информации об экологии, географии, истории, списывая всё это на внезапную утрату данных. И люди будут приспосабливаться к отравленному воздуху, пить отравленную воду и думать что так и надо, так было всегда. А потом пройдёт ещё пятьсот лет... Ну вы поняли.

Неожиданно к общей палитре добавился ещё один крайне раздражающий звук. Мимо меня стремглав неслось очередное чудо местной техники, ещё более монструозное, с диким рёвом нещадно отравляющее воздух ядовитым дымом. В кабине этого... агрегата, держась за круглое приспособление, служащее, судя по всему, для навигации, подпрыгивая в такт движения, сидел невеликий человечек с донельзя довольным красным лицом и дымящейся же белой соломиной во рту.

Взглянув мельком на меня он почему-то вдруг радостно потряс сжатым кулаком, я не смог понять что это было – приветствие или угроза, и на секунду потерял управление. Да, дороги здесь оставляли желать лучшего, его транспорт вдруг вильнул и передним колесом нашёл на обочине глубо-

кую яму. Рычание резко заглохло и из кабины слегка зава-
лившегося набок агрегата раздалось:

– Уу, ёптыбль!

А затем я с удивлением наблюдал за медленным, можно
даже сказать драматическим, действием. Сначала показалась
нечёсаная голова, потом судорожно размахивающие руки и
следом всё остальное тело, запакованное в футболку и шта-
ны для физических упражнений. Каждое из этих телодвиже-
ний сопровождалось паническими звуками разной тональ-
ности:

"А! О! Ё!"

Затем секунду побалансировав, человек перестал разма-
хивать руками и с обречённым: "Да пох..." шмякнулся пря-
мо в грязь, которая наполняла яму до краёв.

Я было бросился на подмогу, когда услышал неподалёку
ещё один дикий вопль:

– Аа, попался, гадёныш! Держи его, мужик! Этот муда-
к мой трактор угнал!

По дороге бежал... нет, еле переставляя ноги и, непре-
станно вытирая вспотевшее лицо и лысину, (видимо, неко-
торые местные представители тоже начали терять шевелю-
ру), двигался пузатый дядька, средних лет, в некоем подобии
рабочей одежды.

– На минутку домой заехал! – выпалил он, обессиленно
останавливаясь возле копошащегося в грязной воде угонщи-
ка. – Обед забыл, ох-хо, думал туда и обратно, даже движок

не заглушил, потом не заведёшь. Выхожу, а этот уже за угол сворачивает, падла!

Согнувшись в поясице, он упёрся руками в бёдра и, с клекочущим свистом, тяжело втягивал воздух в лёгкие. Пот с лысины лился градом. Я недоумённо смотрел на происходящее, что же теперь будет? Ведь только что на моих глазах произошло преступление и, судя по всему, готовилось второе.

– Убью! – как-то слишком буднично сказал пузатый, всё ещё тяжело дыша.

– А что это тут у вас происходит? – раздалось сзади.

Я обернулся, так и забыв закрыть рот и увидел быстро сбегającego по ступеням местного любителя горячих сенсаций Кузьмича. Тетрадь с карандашом уже были извлечены и ждали новой работёнки. Из открытого окна тарачился Андрей Николаевич, видимо решая, нужно ли потенциальному клиенту промываньице, или сам выздоровеет?

– О, Петюня! – обрадовался фельдшер. – Сам пришёл. Тут Павловна не верит про мужика с медведем. Подтвердишь?

Гарант браконьерской истории сидел в это время на коленках и, совершенно по обезьяньи, размазывал на себе грязь. Станным образом, соломина, зажатая в его рту, ещё выпускала дымные колечки, а сам Петюня что то нечленораздельно мычал.

– Ты зачем трактор угнал, паскуда? – заорал тут дядька, видимо, окончательно прийдя в себя. – В третий раз! Нет,

сука, я тебя сейчас точно убивать буду.

– Дмитрич, не кипятись. – заступился Кузьмич. – Это ж Петюня. Он же как ребёнок, что с него взять-то?

– Да утопить его прям в этой луже, всё матери облегчение будет, прости-господи!

О, а вот и Павловна.

– Третий раз, сука! Третий!

– Правильно, Алексей Дмитриевич, надо ему!

– Житья не стало!

Место действия постепенно обрастало новыми безымянными персонажами, прибежали две визгливые собаки, сначала облаяли Петюню, потом всех остальных, наконец сами подрались и с тем же истеричным визгом скрылись с глаз долой. И снова ругань, петушиный крик, гогот и печальное мычание коровы. Видимо, она единственная понимала Петюнину речь.

У меня голова пошла кругом. Как такое возможно в принципе? Где органы правопорядка? Где служебный воздухолёт с командой задержания нарушителей? Да здесь ведь каждого можно сразу арестовывать и применять серьёзные ограничительные меры, вплоть до полной блокировки доступа...

ТЬфу ты! О чём это я? Какая служба? Очнись уже, Кади, ты не дома.

– Так, р-разойдись! – послышался вдруг властный голос. – Что п-происходит?

– А, Степан Георгиевич, здорово, дорогой, – Пузатый

Дмитрич повернулся к неожиданно появившемуся человеку в серой форме и, такого же цвета тарелкой на голове, только что слезшему с... ну, выглядело это как трёхколёсный мобильный экипаж. – Да вот трактор застрял, заглох, зараза.

– А Петюня наш помочь хотел, – встрял Кузьмич. – Да ты же знаешь, какой из него помощник?

– Да-да, точно! Вообще никакой, – начали поддакивать все присутствующие, – толкал, толкал, да сам в яму и свалился. Видишь мычит, наверное контузия у него.

– Зн-наю я эту к-контузию, – не поверил участковый. – Его как в д-детстве уронили, т-так и к-контузили. У т-акой-то м-матери и т-такой сын.

Все вокруг заулыбались, видимо знали что-то про такую-то мать и тайные симпатии служителя порядка.

Возмутитель спокойствия в этот момент вдруг подскочил, выплюнул соломинку и неожиданно перешёл на вполне связную речь:

– Да я не при делах, начальник, люди врать не будут, правда же, люди добрые? Помочь хотел. Да. Я завсегда. А чего? Мне только сказать надо, всё помогу, всё сделаю.

– Петюня, – ласково окликнул его Кузьмич.

– А.

– Заткнись.

– Понял.

– А вы кто, г-гражданин? Я к вам об-бращаюсь.

До меня не сразу дошло, что вопрос правоохранителя ад-

ресован мне, мировоззрение, возвращенное годами, трещало по швам и рушилось. Эти люди нарушали все каноны, по которым жило и развивалось моё бывшее общество. Выгораживать преступника перед представителем власти? Хотя перед этим желая ему смерти всем скопом? Немудрено, что я застыл столбом посреди этого бурления страстей.

– А это пациент наш, – ответил вместо меня Кузьмич. – Турист он, грибами вот траванулся, теперь лечится.

– А д-документики им-меются?

– Имеются, имеются, – снова ответил фельдшер. Его уже выписали, сестра забирает.

– А м-молчит то он ч-чего? – удивился Георгич. – Т-тоже к-контуженный? В-выглядит с-странновато.

Не знаю, чем закончилось бы неприемлемое для меня любопытство бдительного хранителя порядка, как вдруг:

– Степан Георгич, родной наш! Пирожки...

– А? – участковый настороженно втянул голову в плечи и бочком начал ретироваться по направлению к своему транспортному средству. – Л-ладно, если всё в п-порядке, я п-поехал. А ты, Алексей Д-дмитрич, звони в п-правление, пусть к-какойнибудь г-грузовик п-пришлют.

– Пирожки приготовила! Никак не застану тебя.

– Я на з-задании, р-разойтись тут всем!

Он буквально запрыгнул на свою колымагу, взбрыкнул ногой, огласив окрестности рёвом двигателя.

– Ты не медли, Степан, Павловна эти пирожки уже полго-

да с собой таскает! – проорал Кузьмич. – И ещё ни разу не меняла, я на них напильником секретные царапины сделал, проверяю иногда.

Тот уже не слушал, дав дёру, драндулет нещадно трясло на неровностях дорожного покрытия и я, глядя ему вслед, боялся, чтобы он не развалился. По крайней мере в опасной близости от меня, что-то уж слишком колючий и чересчур изучающий взгляд был у этого участкового. А новые непонятные приключения мне сейчас были совершенно ни к чему. Но пронесло, Степан Георгиевич благополучно избежал, казалось, неминуемой катастрофы и скрылся за густой зарослью зелёных кустарников.

"Запуск интерфейса". – неожиданно всплыла перед глазами строчка.

"Ожидание..."

"Ожидание..."

"Идентификация..."

"Аватар: человек землянин Протасов Александр Викторович, 35 лет, пол мужской, специальность – решала???"

Симбионт: человек технецианин Блок Кади Пирст, ??? лет, пол мужской, специальность ??? Уровень 3".

"Поиск доступных коммуникаций... недостаточен уровень интеллекта, текущий уровень 666, необходимо 800+, возможно присоединение интеллекта дополнительных сущностей из базы консервации".

"Поиск доступных абонентов... Доступно – 1".

Что значит – решала? Это на местном языке означает – математик? Не удивлюсь, что совсем наоборот, судя по здешним нравам. А почему уровень 3? Если начал с первого, то плюс два уровня за что? Какие это задания я выполнил? Да и нахрена мне вообще нужны эти уровни, если, судя по описанию аватара, у местных он в принципе отсутствовал? Интеллект остался прежний, что и неудивительно – Гилтри рассчитывал именно на это, кстати, его ещё развивать и развивать, если хочу вступить в контакт с местной сетью. Вот только почему требуется так много? Местная сеть настолько несовершенна, что к ней нужно пробиваться со страшной силой?

Хотя... есть вроде лазеечка в виде присоединения законсервированных сущностей. Судя по всему, если соединить свой интеллект с чьим либо из скрытой базы данных, то вполне можно использовать этот вариант как альтернативный. Главное, чтобы обоюдный потенциал превышал 800.

Непонятно со специальностью меня самого. Хотя, если разобраться, всё упиралось в смену аватаров. Моё реальное тело и виртуальное являлись практически клонами, поэтому перенос прошёл без единой коррекции. Здесь же наличие кардинальное отличие и какую специальность выбрать, на основе анализа поступивших данных, по идее, мне должно было предложить само сознание. Или же согласиться с текущей специальностью, но решала... Сначала необходимо выяснить, что это такое? Внутренний переводчик тупо не по-

нимал смысла данного слова, выдав для проформы что то вроде: вычитание, деление, сложение, умножение и... дальше в том же духе. Сомневаюсь, что этот термин подразумевает под собой примитивные арифметические действия.

И последнее – один доступный абонент. Я кажется догадываюсь, кто это. Где там моя сестрёнка?

– Ии раз! Ии раз! – услышал я совсем рядом, когда сморгнув, привычно погасил интерфейс. – Петюня, ты давай из лужи прямо толкай, тебе уж всё равно!

Вся невеликая толпа, включая незадачливого Петюню, расшатывала трактор, пытаясь выпихнуть его из ямы. Значит казнь так и не состоялась, ну хоть это радует, причем пузатый тракторист Дмитрич трудился с ним плечом к плечу, забыв про былые обиды. Женская часть коллектива подбадривала пыхтящих мужиков живительной силы криками, а бедная корова, привязанная к задней части машины за шею верёвкой, с удвоенным мычанием делала вид, что тоже в теме. Даже врач Андрей Николаевич пытался внести свою лепту, легонько подталкивая Кузьмича, у которого от натуги на лбу и шее опасно набухли сосуды.

– Саша, что же ты стоишь, как столб? – услышал я голос и обернулся – Неужели не поможешь людям?

Света будто специально выделила последнее слово, с ироничной улыбкой вглядываясь в моё лицо. До чего ж знакомый прищур.

"Идентификация..."

"Аватар: человек землянин Болотникова Светлана Игоревна, 30 лет, пол женский, специальность – шлюха.

Симбионт: человек технецианка Стон Лайе Инст, ??? лет, пол женский, специальность – шлюха. Уровень 135".

Я постарался не выдать свои чувства при считывании её данных и сразу отвернулся, буркнув уже на ходу:

– Помогу... людям.

– Да, Кади..Сандр..Эээ, помогите пожалуйста, – молящим голосом тут же попросил Андрей Николаевич. – Сил больше никаких нет. Тяжесть то какая.

– Так зачем вручную толкать? Техника же есть специальная.

– Это у вас в городе может и есть, всё что нужно, – на тужно прохрипел Кузьмич. – А здесь каждая телега на счету, всё в работе. Петюня, гад, ты воздух испортил? Хотя кого я спрашиваю, один хрен, соврёшь. Давай, Саша, навались.

И я навалился. Не знаю, какой показатель силы был у господина Протасова, но дело неожиданно пошло на лад и, спустя пару мгновений, застрявшая машина всё же была водворена на относительно ровный участок дороги.

– Держи его! Зорьку не задавите, окаянные! – бесстрашная древняя пастушка ринулась наперерез трактору и принялась шустро отвязывать верёвку. – Пойдём, пойдём, милая. Умница моя, кормилица. Стой, дура! Да куды ты прёшь опять, окаянная? Туды, я сказала.

Я смотрел на суетящихся людей, на их радостные похло-

пывания и рукопожатия, обещания обязательно посидеть вечером за бутылочкой и понемногу начинал проникаться этой простотой, душевностью и, чего греха таить, неким пофигизмом по отношению ко всему на свете. А может, так и надо жить? Я не знаю как вёл себя в повседневности мой Александр, но думаю, что поведение его может "слегка" измениться. А, скорее всего, кардинально.

Итак, что же получается в предварительном итоге? А получается, что из всей нашей братии, которой довелось вселиться в местных незадачливых гаждан, интерфейс есть только у меня. Причём на уровне сознания, скорее всего, каждый из них мог производить корректировку и имел доступ к внутренней базе данных, но вот коммуникативной способностью никто из них не обладал.

Со своих, судя по Светлане, я уже могу считывать информацию, поскольку блокировки телепатии, равно как и самой телепатии, у них не было и в помине, поэтому всё, что не скрыто, поступало ко мне беспрепятственно. А скрыть можно было весьма немногое, основные умения в этом направлении приходили только с интеллектом 500+, но, насколько я был в курсе, таких уникамов существовало только два – я и сам Гилтри.

Что же касалось землян – пока я не стал выяснять возможности подключения к человеческому, не спящему сознанию из страха разоблачения и наличия непонятной блокировки, с которой, рано или поздно, придётся разбираться в

дальнейшем.

И на этом всё. Пока другой информации не было. Необходимо выяснить следующее – возможно ли снять блок дистанционно в принципе, и какой уровень интеллекта для этого требуется, а также – не сработает ли в этом случае соединение двух и более потенциалов из скрытых файлов? И самое главное – какие последствия в результате удачи могут произойти?

Между делом мне тоже трясли руку, похлопывали по плечам и я, поймав многозначительный взгляд Светы, понял, что пора в путь.

– Ну, счастливо оставаться, – пожал я каждому руку ещё по разу. – Может, заеду ещё к вам.

– Конечно заезжай, с тобой интересно, – Кузьмич тряс мою ладонь дольше всех. – А ты молодец, вон как ловко с трактором помог, как говорится, сила есть. Да, сила есть. Ну а для остального и телевизор сгодится.

Что именно он имел в виду, я так и не успел понять, поскольку Света уж больно настойчиво потянула меня к машине.

– Садись уже, – пробурчала она недовольно. – Правду про тебя говорили – ты точно не от мира сего.

– Да? И кто же именно? Уж не Гилтри ли?

Ох, как округлились её глаза. И как она рванула к машине. Пожав плечами, я направился следом.

– С правой стороны садись, передняя дверь. О, какой же

ты дурак! – сев за руль, Света с силой хлопнула своей дверью и завела двигатель.

Хм, а звук то сильно отличается от рёва местной техники, наверное это транспортное средство изготовлено в городе другой людской разновидностью, о которой мне тут все уши прожужжали. Я спокойно уселся рядом с ней, пусть позлится, эмоции заставляют человека терять бдительность, глядишь, ляпнет чего-нибудь сокровенного. С телепатией пока надо действовать осторожно, пусть думают, что и у меня с коммуникацией проблемы. Кое-что я о ней узнал уже, теперь посмотрим, насколько её рассказ совпадёт с действительностью.

– Придурок, вот придурок же, – закусив губу, Света выруливала с больничной территории на дорогу. – Ты что, безбашенный совсем?

– Ага, – широко улыбнулся я и потёр шею. – Это мы уже выяснили. Я типа твой брат, в детстве меня дразнили мудилой, потому что позволял вить из себя верёвки, слушался старших и вообще – очень воспитанный дурак, который всё забывает и ломает. Ничего не пропустил? А, да. Ещё меня зовут Саша.

– Так ты обиделся? – с издёвкой посмотрела на меня она и опять я случайно считал несколько фраз, которые, впрочем, и так читались на её лице.

"Да, это не Санёк, тот давно бы уже меня придушил за такие слова. Вот уж с кем пришлось приложить все силы,

чтобы добиться желаемого результата. А с этим телёнком, думаю, особой возни не будет. Отец будет доволен".

Плохо. Всерьёз она меня не воспринимает, что и неудивительно, впрочем. А с другой стороны – пусть думает, что полностью контролирует ситуацию. Ну а я пока сыграю в придурка, раз уж она того хочет. Дуракам проще всего, никто не ждёт от них качественной подлости, а тем более порой не замечают вовсе, относясь будто к пустому месту.

Отец будет доволен? И кто же это у нас отец? Да ладно! Не может же...

– А на что обижаться-то? – спросил я, пожав плечами. – Я так понимаю – то для посторонних была версия. А что на самом деле? Кто ты? Кто я? И вообще – что тебе от меня нужно?

Задавая свои вопросы я внимательно следил за манипуляциями, совершаемыми девушкой. Судя по всему, кое какие навыки нужно будет приобретать и развивать самостоятельно, делиться знаниями со мной явно торопиться не будут. Поэтому мой мозг старательно фиксировал и запоминал эти, на первый взгляд хаотичные движения, но, спустя некоторое время, общая картинка начала складываться в некую понятную последовательность.

– О, господи, ты на самом деле идиот. Дятел тупой! Думаешь, слез с крючка? Ага, как же! Или на самом деле возомнил себя умнее Автора? Поводок твой никуда не делся, просто связь односторонняя, тебя видят, но повлиять никак

не могут. Но это пока не могут. А вот когда Автор во всём разберётся, тут сюрпризов и жди. Кого ты подставил вместо себя? Во внутренней базе данных нет никакой информации об этом человеке.

– И не будет.

– Что ещё раз доказывает, что ты не так умён, как все думали. Не зная конкретики, можно просто понять общий принцип. А дальше уже дело техники. Поскольку промаркирована некая сущность, связанная с тобой неразрывно, то и способ добраться до тебя через неё обязательно найдётся. Рано или поздно, ты всё равно попадёшься. Так что мой совет – лучше тебе самому пойти к Автору на поклон. Добровольно. Глядишь, и наказание будет не таким суровым, ты ведь всегда был на особом счету.

Света невольно поёжилась и я понял, что о наказаниях она знает не понаслышке.

– Что, досталось тебе? – спросил я.

– А ты как думаешь? – взорвалась она и дёрнулась как от удара током так, что машина вильнула в сторону и чуть не съехала на обочину.

– Эй, ты полегче! – я приложился головой о боковое стекло и мимоходом отметил, что мы чуть не сбили ребёнка, ехавшего на двухколёсной конструкции весьма примитивного типа. – Больно же! Человека чуть не убила!

В зеркало заднего вида я отметил, что мальчик лет... наверное чуть старше десяти, бросив свой транспорт, бежит

следом и швыряется камнями. Вероятно, обиделся.

– Да плевать мне на этих жалких людишек. – процедила сквозь зубы девушка. – Всё равно они все обречены. Останутся только избранные, кто добровольно согласится работать на нашу расу. Ха, я слышала о твоей глупой позиции, мол, нельзя уничтожать других ради выживания. Ты же видел их. Примитивное, тупое болото, ничего дальше своего носа не видящее. Не все такие, конечно. В городе встречаются более-менее достойные особи, но их-то мы и захватим в первую очередь, когда процедура переноса станет максимально безопасной. Тех, кто имеет влияние в этом тухлом мире. А потом уж наведём здесь свой порядок, несогласных же просто уничтожим.

Как же её голос и интонации не совпадали с тем, что я слышал в больнице, словно это были два разных человека. Ну да, там она отыгрывала одну роль, здесь же, передо мной ей скрывать свою истинную сущность не было никакого смысла.

– То-есть вот так просто? – спросил я.

– Вот так просто – это главный закон эволюции. Выживает тот, кто лучше, кто сильнее, умнее и, главное – кто способен сбросить с себя ненужные оковы морали и человеколюбия.

– Это же геноцид.

– Для кого геноцид, а для кого экспансия. Ты же, перекапывая землю, не задумываешься о судьбе земляных червей?

– Но здесь такие же люди, как и мы.

– Ты серьёзно? – глаза у Светы горели фанатичным огнём. – Века в виртуале так ничему и не научили тебя?

– Чему? Что мы уже не люди? Что гораздо выше их? Последний раз слышал этот бред не далее, чем вчера. А Гилтри ваш вообще из ума выжил.

– Не смей его так называть! Кто ты такой, чтобы упоминать его имя? Кем себя возомнил? О, конечно же ты не в курсе, что уже открыта охота, сотни наших рекрутов уже в поиске и, поверь мне, – тебе не поздоровится, когда они тебя найдут. Так или иначе, но тебя посадят на привязь и эксперимент продолжится. Будешь переноситься туда и обратно столько раз, сколько понадобится. И неважно, какое количество земляных червей при этом пострадает.

Но я то уже нашла тебя. Не понимаю, как ты оказался в этой сраной больнице? Кто привёз тебя? Местные, или... Нет, не может быть. Не мог он пойти наперекор отцу, тот ничего об этом не знает, иначе обязательно сказал бы мне. Я едва не провалила всё дело и он опять причинил мне боль, но я не в обиде, я обязательно справлюсь. Справлюсь, сука! Больше не упущу его.

Казалось, что она уже забыла о моём существовании, начав разговаривать сама с собой. Это напоминало безумие, Света явно была не в себе.

– Так он твой отец? – прервал я её.

Вновь дёрнувшись, она остекленевшими глазами взглянула сквозь меня, потом взор её слегка прояснился.

– Да. Отец. Удочерил меня ещё в детстве, скрывал от всех, потом взял с собой. Я очень ему благодарна. Да что там – обязана жизнью.

– И поэтому он ставил над тобой опыты? Как и над всеми остальными несогласными? Что же стало с вами теперь, если вы по первому его слову начинаете травить человека? Одного из вас?

– Нет, ты точно дятел пустоголовый. Не было никаких несогласных, – рассмеялась девушка и некоторое время не могла продолжить, трясась от истеричного смеха. – Ха, да мы все были добровольцами, это вас, приближённых павлинов, держали в неведении. Элита! Отец развлекался с вами, как с клоунами, никчёмные, самовлюблённые бездари! Мы! Мы были его армией, передовым отрядом. Раз в неделю он лично занимался с нами, учил всему, готовил к этой миссии, а вас держал в качестве домашних питомцев. Ему весело было наблюдать за смешными потугами своих, так называемых, советников, продвинуться в рейтинге, подминая под себя других, ведь в его дворце совсем не было развлечений. Разве ему нужны были ваши советы? Жалкие никчёмные паразиты – что вы могли посоветовать Ему, превратившись за века в трусливое, льстивое стадо?

Тут я не выдержал и просто заржал. Смех рвался изнутри и заставлял трястись всё тело.

– Ну Гилтри, ну паскуда! Ха-ха, ой, не могу! А эти-то? Как лизали, как причмокивали! Вот уж точно – стадо. А вы-

то чем лучше? Одних мышей дрессирует, других препарирует. Сколько ваших героев уже сдохло здесь? Сотни? Тысячи? Охоту они открыли, недоумки. Да он вас точно так же использует, только вы слепые. Нихрена не видите.

– Не смей! – снова завопила Света и, резко затормозив, ткнула меня чем-то тупым в шею.

"Внимание, временное отключение сознания, активация защитного протокола. До восстановления коммуникативной функции: 09-59 , 09-58..."

Не знаю, сколько я находился в отключке на самом деле, судя по внутреннему таймеру – минут десять, но когда очнулся, с трудом приоткрывая глаза, то не смог сдержать стоны.

– Что это было, а? Какого...

Я лежал под стволом огромного дерева, своей густой кроной уходящего, казалось, в космос. И повсюду были такие же великаны, между ними ютились деревца поменьше. Кругом было целое море зелени и красок. Это лес? Охренеть! Обязательно порассуждал бы на эту тему, но какого чёрта я связан по рукам и ногам? Причём руки заведены были за спину, отчего лежать, говоря мягко, не доставляло никакого удовольствия. Естественно, я принялся тут же извиваться, как змея.

– Не дёргайся.

Перед глазами возникло лицо Светы и вряд ли её оскал можно было назвать улыбкой.

– Это чем ты меня? – спросил я , пытаюсь всё таки воспротивиться её приказу, елозя по земле. Кое-как мне удалось привалиться спиной к толстому шершавому стволу. – Чё за хрень произошла?

– Электрошокер. Правда, крутая штука? Вырубает напрочь.

Она тут же продемонстрировала миниатюрный прибор, ткнув им чуть ли мне не в нос.

– Нажал на кнопочку и...

Небольшая молния, проскочившая между двумя металлическими штырями заставила меня резко откинуть голову назад так, что я, наверное, разбил себе об ствол дерева затылок.

– Знаю я одного любителя кнопок, – сказал я морщась от боли. – Тот ещё затейник.

– Ты опять? – тут же окрысилась девушка. – Могу повторить. Ждать только неохота, когда ты снова очухаешься.

– Ну и к чему всё это представление? Чего добиваешься-то? У вас что, других занятий больше нет? Вы задолбали меня связывать, что там, что здесь. Я вам игрушка, что ли?

– О, ещё какая! Я, правда, с тобой ещё не поигралась. Тебе ведь интересно, кто бывший владелец этого тела?

Мне и на самом деле было интересно, но как бы не испугнуть её словесное недержание.

– Какая разница, кем он был? Выбор наверняка случайный, вам ведь всё равно. Это же черви земляные – не люди.

– Вот тут ты ошибаешься, умник. Этого персонажа, впрочем как и практически всех остальных, подбирали очень тщательно. Да, сначала были неудачи, но это и естественно, первопроходцы рискуют всегда больше всех. Мы скорбим о своих братьях и сёстрах, но их жертвы не были напрасными, ведь они протоптали тропинку для нас. И мы то уже оторвались по-полной!

– Это как же?

– Каждый по-своему. Я, например, сначала просто жрала всё подряд и трахалась, трахалась. О, сколько тел я поменяла за семьдесят лет, кем только не была. В эту дуру Светлану меня отец вселил только месяц назад, специально чтобы подобраться к Александру. Тот ещё кадр, на кривой козе не подъедешь. Знаешь кем он был?

– Откуда мне знать.

– Само собой. Это только совсем недавно он отошёл от дел, завёл небольшой бизнес. Фермером стал, придурок. Жениться его угораздило, причём по любви. А вот до этого Шурик Протасов, по кличке Шпрот, разруливал различные щекотливые ситуации для одного из самых влиятельных людей в городе. Причём, не всегда с мирным исходом, а связи и влияние он вообще имел чуть ли не по всей стране.

– Да что это за город такой? – не выдержал я. – Он здесь один, что ли на всей планете?

– Нет, конечно, но благодаря поводку мы имеем не только прочную привязку к дворцу, но и ограничение в передвиже-

нии. К сожалению, экспансия продвигается медленно, даже за сто лет мы не смогли пока выйти за пределы одной области. Как только выходишь за некую границу – всё. Поводок выдёргивает сознание из тела и приходится начинать всё с нуля. Отец работает над этой проблемой и, я уверена, справится с ней. Всегда справлялся.

– Значит не всё так радужно, как ты мне тут описывала. И как же вы собираетесь завоёвывать этот мир?

– Так для этого нам и нужен был ты со своей уникальной способностью. Эксперимент подошёл к финальной стадии, чёрт возьми, ещё чуть чуть и мы смогли бы все – весь наш мир, перенестись сюда. Тогда необходимость в поводке просто отпала бы сама собой. Но кто мог подумать, что мальчик Кади, этот вечный затворник и книжный червь, вдруг возьмёт и натянет всем глаз на жопу? Зачем ты это сделал?

– А не люблю, когда меня связывают. Давай-ка, развяжи верёвку и мы продолжим разговор, а то уже все конечности затекли.

Света, или Лайе, вдруг горько усмехнулась, снова потрепала электрошокером, глядя на меня задумчивым взглядом и сказала:

– Обязательно развяжу. Как только ты пообещаешь с нами сотрудничать. Наш разговор сейчас слышат и отец обещает, что не сильно накажет тебя. Всего то и надо, что активировать промаркированную сущность и он вернёт вас во дворец. Там вы сможете ещё раз всё обсудить и договориться.

Кстати, он так и не понял, как тебе удалось сбежать. Почему то программа запустилась сама собой и отец не успел проинформировать об отмене запуска. Может поделишься секретом? Это ты сделал?

– С чего вы так решили? Каким же образом я мог это сделать? Хотя понимаю, ведь не может хвалёное детище повелителя сверхлюдей просто взять и дать сбой. Тупо сломаться.

– Конечно, нет. Однако ему пришлось приостановить эксперимент до выяснения причин этого сбоя.

Ну ничего себе. Моя явная и, что уж там говорить, чересчур ребяческая выходка, осталась незамеченной? Какого ж хрена я тогда так рисковал? Хотя отвлечь внимание старого мудака было необходимо, ведь заметить он малейшее несоответствие своим расчётам, мог бы начать всю процедуру заново. Тогда точно конец. Сидел бы я сейчас на привязи и послушной марионеткой дёргался в руках кукловода. Нужно как можно больше узнать про этот самый поводок, уж больно опасная штукавина, как оказалось.

– Как вообще происходит процедура возвращения? – я не надеялся на ответ, но Лайе вдруг разразилась целой лекцией, видимо, получила благословение от своего родителя на любые уговоры.

– Есть два режима. Хотя, теперь уже три. Первый, как я уже говорила, автоматический – как только поводок натягивается до предельной длины, через пять минут происходит

перенос.

– Для чего эти пять минут?

– Ну, тут всё просто. Этого времени хватает, чтобы получить сигнал-предупреждение и выйти из недоступной зоны. Не успел – и вот ты во дворце. Только лучше успеть – отец наказывает за подобное очень жёстко. Сюда же относится и смерть носителя, только время уменьшается до минуты. Неприятные ощущения, можешь мне поверить. Чувствуешь всё, но сделать ничего не можешь. И каждый раз паника – вдруг не сработает на этот раз. Но пока таких случаев не было, за исключением тотального повреждения мозга. Тогда пиши пропало, это уже окончательная смерть.

– Что, и такое бывало?

– Хм... было несколько раз, в основном успевали применить второй вариант.

– И что за второй?

– Второй принудительный, как нетрудно догадаться. Более затратный и по времени занимает уже минут десять – двенадцать, в зависимости от ситуации. Вручную всегда дольше и сложнее.

– Так а что же за третий режим?

Девушка недовольно нахмурилась и со злостью ответила:

– А третий выявился только вчера, благодаря твоей необдуманной выходке, кстати. Оказалось, что поводок никак не может повлиять на выключенное сознание. Видит его, но вытащить не может.

– Хорошо, последний вопрос. Что будет, если я откажусь?

– Это будет твоей самой большой ошибкой, – она достала из кармана брюк миниатюрный складной ножик, раскрыла его и, присев на корточки, почти без замаха воткнула в землю, будто припечатала. – Без мозга носителя твоё сознание просто уйдёт в небытие. А мы... продолжим эксперимент уже без тебя. Сколько жителей земли пострадает в результате этого – совершенно неважно.

Глава 4

И что теперь делать? Уже который раз мозг включился на полную катушку, лихорадочно перебирая варианты. Согласиться с их предложением? Ага, как же! Мысли Лайе были легко читаемы и миролюбивым совершенно не пахли.

"Давай, давай, придурок, лезь в петлю, а уж я потом с тобой точно поиграюсь от всей души. Интересно, мысли он видит мои? Хотя вряд ли, отец говорил, что в виртуале он не мог пользоваться телепатией. А вдруг сейчас может? Чёрт... Если бы мог, то уже понял бы, что он – моё личное задание, другие только на подстраховке и никакой охоты и в помине нет. Всё равно ему некуда деваться. Поводок в одиночку не разрушить, даже с его интеллектом, там 900+ надо".

– Какие у меня гарантии? – начал я тянуть время, руками пытаюсь порвать, или хотя бы расслабить путы.

– Гарантии? – она рассмеялась. – Моё слово – этого достаточно?

– Твоё слово? А оно чегонибудь стоит? Какими словами ты уговорила Александра? Кстати, ты так и не рассказала мне про него до конца.

– Было бы что рассказывать. Отец почему то упёрся в его кандидатуру, хотя я его и отговаривала, надо было тебя в какого-нибудь хлюпика перенести. Но нет, тебя он хотел внедрить в фигуру, какой у нас ещё не было – чтоб и телосложе-

ние и мозги в полном порядке были. Этаким сверхчеловек на привязи – мечта просто.

– И не побоялся, что я не буду ему подчиняться?

– А у тебя бы не было выбора. Поводок держал бы в полном повиновении. Чуть что, шаг не в ту сторону – наказание достанет где угодно и поверь мне – ты бы не смог противиться. Никто не может. Даже я.

– А ты у нас на особом счету.

– Да. Наверное, – девушка смотрела сквозь меня, фанатично сверкая глазами. Хм, опасный симптом. Интересно, они все такие, в этой мини-армии Гилтри? Если да, то с ними, наверное, полно проблем. – Он много раз выполнял мои просьбы, лишь однажды отказал.

– И что же просила любящая дочка заботливого папашу? Куклу ко дню рождения?

– О-о, просьба была всегда одна и та же. – она аж просила от удовольствия. – Тебе не понять. Когда живёшь среди местного стада и приходится постоянно скрывать своё истинное лицо, улыбаясь каждой сволочи, которой хочется харю расцарапать, возникает только одно желание – насрать им так, чтобы жизнь их после этого стала невыносимой. И уж тут я не стеснялась. Кстати, заодно и своё мастерство оттачивала.

– Какое же, если не секрет?

– Ну, как ты уже понял, заместить человека в полном сознании своим пока невозможно, но я долгие годы разработа-

тывала специальную формулу. К химии у меня талант с детства.

"Само собой, иначе хрен бы тебя удочерил этот любитель малолетних мальчиков".

– Так вот моя настоечка вырубает сознание на несколько часов и не оставляет в организме абсолютно никаких следов, я всегда вожу с собой флакончик в бардачке. Чем закусил – от того и отравился. Правда здорово?

– О да, – не смог я не согласиться. – Санёк вон грибами траванулся.

– Точно. Только не грибами, а водкой.

– О как. А охота, рыбалка и грибной супчик куда делись?

– Так это же сказочка для местных эскулапов. Кстати, они первые её мне и рассказали, а я уж подхватила.

– Мда, талантливый человек талантлив во всём.

– Ага. Так вот отец подсеял меня на время, буквально на несколько часов, к тому, к кому я просила. Или, к кому надо было ему самому. О, какой же это был кайф! Небольшая тошнота и головная боль быстро проходили и человек вдруг начинал вытворять такую дичь, что пару раз меня, то есть их, чуть не убили. Ха-ха, как же я веселилась потом, ведь они реально не знали что творили, память обрубалась на месте потери сознания. Но репутация была испорчена навсегда. Ты только представь себе, например, что самый забитый твой подчинённый вдруг заходит в кабинет, спускает штаны и замогильным голосом просит:

"Отсоси, начальник, очень надо".

– Ха-ха, и это одна из самых безобидных моих шалостей. А сколько семей я разрушила, не сосчитать. То муж жене изменит, то наоборот. Все подробности измены я записывала на видео, у меня даже коллекция есть.

– Так ты и в мужчин вселялась?

– Да в кого угодно, даже в собаку. Я так один раз даже свою якобы сестру покусала, задолбала она своими нравоучениями. Потом зато отстала на какое то время, лечилась. О, это было очень весело.

И с этими мразями мне должно быть по пути? Они же сумасшедшие. Века изоляции от житейских радостей сыграли с ними злую шутку. Дорвавшись до, недоступных доселе, развлечений, они, вместо того, чтобы осторожно, шаг за шагом, изучать новый мир, пустились во все тяжкие. Бомбануло так бомбануло. И это, так называемые, сверхлюди, как они сами себя провозгласили, а поведение скатилось до уровня обезьян.

Взгляд мой вдруг сам собой сфокусировался на ноже, торчащем из земли. Эта веселящаяся монстрила в человеческом обличье, казалось, совсем забыла о нём. Нужно пробовать все варианты.

"Внимание. Доступны специальности:

1. Вершитель правосудия.
2. Защитник угнетённых.
3. Продавец дятлов.

Выбрать одну и представленных профессий".

Что за... Сознание наконец-то разродилось, видимо анализ обстановки завершён и других вариантов система для меня не видит. И как же не вовремя. Времени на принятие адекватного решения совсем нет. Да и если первые два пункта особых вопросов не вызывали, то третий... Какой нахрен продавец дятлов? Это что вообще такое? Или переводчик опять что то неправильно понял?

С защитником угнетённых всё ясно – это привет от меня прошлого. Вершитель, скорее всего, ближе к новому аватару. Дятлы-то здесь причём? Ими ктонибудь торгует? Кому они вообще нахрен нужны?

– А Александр так втрескался в свою Елену, что совсем перестал обращать внимание на других баб. – ничего не замечая вокруг, продолжала Лайе-Света. – Вот скажи, ты бы отказался от такой красоты?

Она приняла соблазнительную позу и я вдруг почувствовал... Твою мать! Этого ещё не хватало. Дыхание сбилось и сердце прибавило частоту ударов.

– Вижу, что не отказался бы, – промурлыкала девушка. – А он долго сопротивлялся, пока я не вселилась в его жену. Ха, честнейшая и милая такая девушка, вдруг отдалась сраному дворнику прямо в их хозяйской гостиной, как тут не загулять? Как не выпить с такой красоткой на брудершафт?

– Ты её тоже напоила своей отравой? И как же тебе это удалось?

– О, это была целая спецоперация! – Лайе даже зажмурилась от удовольствия. – У неё младший брат есть, инвалид. С головой вообще не дружит, слабоумие у него. Ну так я и подселась сначала к нему, подлила своей наливочки ей в кофе, там одной капли достаточно, а потом уж к ней. И разворот получился сногосшибательный. Да ты только представь, каково это – чувствуешь себя всемогущим просто. Поверь, за такие перспективы многие отдали бы всё что имеют.

– Так у нас с тобой... Было что?

– Нет, к сожалению. Я отлучилась-то всего на несколько минут, а вот дальше непонятно. Вернулась, а тебя нет, – повторила она свои слова, сказанные в больнице, только контекст был уже явно другим. – Тебя же рубануло, я точно знаю. Моя настойка никого не щадит. Думала поиграться с тобой, пока отключился, а тебя и след простыл. Неужели, думаю, сам свалил? Но как? Лыка ж не вязал. Еле еле отыскала. Но всё ещё можно наверстать.

Она встала передо мной на колени и упёрлась правой рукой мне в бедро, в левой по прежнему был зажат электрошокер.

– Давай, соглашайся, – её ладонь массировала мне ногу, постепенно поднимаясь всё выше. – И я подарю тебе райское наслаждение. Ты ведь давно ничего подобного не испытывал?

– Лайе, а ты где взяла верёвку, которой я связан?

– В магазине купила, – машинально ответила она и вдруг,

встрепенувшись, подскочила, как ужаленная. На её модных брючках налипли мелкие травинки и грязь.

– Как ты меня назвал? Откуда ты...

Её глаза хищно сузились и она, перехватив шокер правой рукой, направила его на меня. Взгляд заметался с моего лица к тому месту, где в земле ещё несколько мгновений назад точала рукоять ножа.

– Так ты снова читаешь мысли? Чёрт, вот уж незадача. Отец опять будет недоволен, сука! Он будет просто в ярости! Где же этот грёбаный ножик?

"Выбран вершитель правосудия. Выбор специализации:

1. Официальное лицо. Условия – окончание профильного учебного заведения, поступление на работу в государственное профильное учреждение. Приоритет – государственные интересы.

2. Неофициальное вершение правосудия. Условия – ??? Приоритет – собственные нравственные рамки.

3. Коммерческая деятельность. Условия – осуществление неофициального вершения правосудия за вознаграждение. Приоритет – воля заказчика правосудия".

Вариант 2! Плевал я на волю заказчика, вдруг он захочет убить конкурента, как урод Гилтри? А про государственные интересы я вообще ничего не знаю. Доверять можно только себе, по крайней мере, пока. Но эта гадина Лайе меня точно не получит. Однако система сознания на этом не успокоилось:

"Внимание, доступен скрытый файл боевых навыков аватара. Список:

1. Владение приёмами рукопашного боя, в том числе способы моментального обезвреживания противника – профессионально.
2. Владение огнестрельным оружием – профессионально.
3. Владение холодным оружием – профессионально.
4. Владение методами допроса и давления – профессионально. Доступно владение профессиональными терминами и речевыми оборотами.

Ну нихрена себе списочек. Берём всё, решил я.

"Открытие файла аватара "Боевые навыки". Сопряжение. Синхронизация с текущим сознанием. До окончания синхронизации 9-59, 9-58..."

Ладно, это подождёт, а пока...

– Верёвка, говорю, у тебя говно, – сказал я. – Во, гляди.

И я освободил руки из за спины, с зажатым ножом в правом кулаке. Затем, демонстративно не спеша, разрезал путы на ногах, с удовольствием глядя на её, широко открытые в изумлении, глаза и рот. Поднялся на ноги, чувствуя как кровь живее побежала по жилам, убрал ножик в один из многочисленных карманов куртки и произнёс:

– Дай-ка сюда, тебе это больше не понадобится.

Протянув руку, я на лету поймал выскочивший из рук, перепуганной не на шутку, девушки, электрошокер.

– Так значит поиграться со мной хотела? – и откуда этот

звнящий шёпот? Я аж прям сам себя испугался, но виду не подал. – Именем правосудия, приговариваю тебя к нулевому варианту.

Лайе хотела было что-то сказать, но электрошокер, воткнутый в шею, исказил её слова и изо рта, затрясшейся, словно лист на ветру, девушки вырвалось что то типа:

– Гддддббииллиать!

Затем её глаза стеклянно уставились в никуда и она рухнула мне под ноги. Наверное, надо было её подхватить, но эта стервоза так разозлила меня, что я даже с каким то злорадством лицезрел это падение на грязную, влажную почву. Спихватился, правда уже поздно, поняв, что это ведь не Лайе упала, а её несчастная жертва, но корить себя было некогда и я занялся делом.

Вот оно, спящее чёрное сознание приёмной дочки Гилтри.

"Активация протокола "Нулевой вариант".

Что, не ожидал, гадёныш старый? Или ты думал, в твоём окружении одни идиоты? Жри теперь, не подавись.

Если мне и несколько тяжело было морально, всё-таки настолько жестокое наказание мало кто заслуживает, но рассуждать было некогда. К тому же меня согревала мысль о том, что эта сука, Стон Лайе Инст, больше никому и никогда не причинит зла.

"Двигательные функции – удалено.

Речевые функции – удалено" ...

Я продолжал смотреть на список, пока не появилась надпись:

"Процедура завершена".

"До возобновления способностей – 39-59, 39-58..."

Ну вот и всё. В десять минут я уложился. А теперь давай, любящий отец, принимай дочку в свои нежные стариковские объятия. На душе должно, наверное, быть гадко, но я всем нутром ощутил, как где то там, в безвременье, беснуется и трясёт своими императорскими кулачками Гилтри, как, выпучив глаза, орёт диким голосом: "Нееет, сука, неееет!!", и мне это ощущение неожиданно понравилось. Была в нём некая суровая справедливость. Хм, вершитель правосудия свершил свой первый акт. Ну ка, что у нас там в характеристиках? Просто интересно, так то я понимал всю их бессмысленность.

"Аватар: человек землянин Протасов Александр Викторович, 35 лет, пол мужской, специальность вершитель правосудия, уровень 1

Симбионт: человек технецианин Блок Кади Пирст, ??? лет, пол мужской, специальность вершитель правосудия, уровень 4".

Ну вот, уже 4 уровень. Что?! Я несколько раз моргнул, закрывая и вновь открывая интерфейс. Не может быть! Это как это? Аватар был решалой, не имел, да и не мог иметь уровня в принципе, сейчас с такой же специальностью как и у меня, да ещё 1 уровня!

От такой новости у меня чуть колени не подогнулись, я кое как добрёл до, стоящей неподалёку, машины, дверь была распахнута, и тяжело ухнул в кресло. Мысли роились в голове, сознание пыталось сложить все разрозненные факты в логичную картину, но пока недоставало немалого количества составляющих. Аватар получил уровень? Как такое возможно? Гилтри ведь уверял, что у людей отсутствует интерфейс и нет выхода в мировую информационную сеть. Кто же тогда присвоил Александру уровень и сменил специальность? Причём на идентичную моей личной.

Логично было предположить, что это моя собственная система сознания приняла решение и, исходя из того факта, что мне и раньше не нужны были костыли в виде нейроматрицы, то сам собой напрашивался один крайне привлекательный вариант. Конечно, нужно будет ещё много раз перепроверить, но, возможно, мне удастся развивать не только себя, но и начать прокачивать свой аватар. И подтверждением данному предположению служил, хотя бы, сработавший здесь телекинез. Остановлюсь пока на этом, а дальше будет видно.

Отвлёкшись от своих мыслей, я вновь бросил взгляд на неподвижное тело. Интересно, как Лайе удалось протащить меня эти несколько метров? А по виду не скажешь, что столько силы в её хрупком, по сравнению с моим, теле. Я оторопело глядел на неё и с удовлетворением заметил, что черты лица незнакомой мне Светы расслабились, выраже-

ние его приобрело свою первоначальную мягкость, отбрасывая прочь наносное лицемерие извращенки Лайе. Надо перенести её в машину, незачем человеку в грязи валяться. А потом, когда вновь соберусь с силами, попробовать вернуть этой симпатичной девушке родное сознание, если, конечно, эта тварь оставила ей хоть один шанс, чтобы проснуться. Но не сейчас, протокол слишком вымотал меня морально. Хотя физической усталости я вовсе не ощущал, поскольку веса её стройного тела я практически не заметил, когда переносил на руках и укладывал в машину на заднее кресло.

И вот тут произошло неожиданное. Сзади раздались хлопки в ладоши и старческий голос произнёс:

– Bravo, молодой человек! Вот прямо bravo! Мои аплодисменты. Поздравляю вас, а также всех нас с вашим благополучным прибытием.

Было от чего дёрнуться, я даже не ожидал от себя такой прыти. Тело будто само знало в какую сторону отпрыгнуть, я опустился на одно колено, а руки уже держали шокер и, неведомо когда выхваченный из кармана, нож.

Шагах в десяти стоял и восторженно меня разглядывал очень старый, сморщенный, абсолютно лысый мужчина в добротной и, судя по всему, дорогой одежде, смотревшейся, впрочем, в лесной чаще довольно гармонично. Видимо это одеяние было специально предназначено для таких вот лесных прогулок. По обе стороны от него, в небольшом отдалении, расположились двое молодых людей с огнестрель-

ным оружием, я такое видел в Кузьмичёвом учебнике. Ну, может быть и не точно такое, но очень похожее. Эти телосложением и одеждой практически не отличались от меня, охотники, наверное. Ну, или грибники, на худой конец. По крайней мере, глаза их не выражали никаких эмоций, и их ко мне отношение было непонятно. Ни злости, ни любопытства, вообще ничего. Пустота. Чего не скажешь об их, скорее всего, хозяине, который прямо-таки излучал дружелюбие.

Старик примирительно поднял руки:

– Нет повода для беспокойства, уважаемый Александр Викторович. Теперь ведь к вам так надо обращаться? Или может по старинке? Господин Пирст?

– Кто вы? – спросил я, даже и не подумав расслабиться. Расслабился уже один раз, теперь учёный. Хотя, вслух сказанное, моё истинное имя многое сразу расставило по своим местам.

– Это вы меня доставили в больницу?

– Ну конечно, кто же ещё? – широко улыбнулся незнакомец, от чего количество его морщин на лице сразу удвоилось. – Нам нужно было удостовериться кое в чём. А вы догадливый, чувствуется порода, в нашей среде высокий интеллект такая редкость. На мальчиков моих не обращайтесь внимания, они у меня дрессированные. И лучше сразу уберите своё смешное оружие, во-первых – оно вам не поможет, ежели что, а во-вторых я вам отнюдь не враг. Я ваш друг и скоро вы это поймёте сами.

– Да неужели? – позволил я себе усомниться. – Одна, так называемая подруга, только что хотела поковыряться острым ножичком в моих мозгах. Вот этим. А уж какие песни пела – заслушаешься. Только вот фальшивила, за что и поплатилась. Провалила экзамен. Теперь уж не споёт, не спляшет.

Сморщенный вдруг начал смеяться, да так заразительно, что невольно вызвал улыбку у меня самого.

– Ой, право, развеселили вы меня, Александр Викторович, давно я так не смеялся. – сказал он, отдышавшись. – Вы, наверное, подумали, что мы те самые охотники, о которых тут пела... ха-ха, эта старая шлюшка Инст. Так вот, спешу вас успокоить, мы с ними по разные стороны баррикад.

– Чего? – удивился я так, что даже встал на ноги и сунул руки в карманы, оружие, впрочем, из них так и не выпустил. Мало ли что.

– Вам непонятен термин "баррикада", или...

– Что такое баррикада, я не понаслышке знаю, в последние месяцы в нашем мире они были повсеместно. Люди пытались бороться с беспределом, который начался после того, как их решило бросить это сраное объединённое правительство.

– Да, я помню это, – вздохнул старик, – кстати, извините за невежливость, совсем забыл представиться. Гридоебов Иннокентий Афанасьевич, потомственный дворянин, в миру же, ныне, простой пенсионер, года, знаете ли, работать уже не позволяют. Поэтому живу на скромную пенсию и на

проценты от вкладов. Ну и от сдачи в аренду недвижимости. И ещё... честно говоря, я уже и сам не помню всех своих доходов. Но на жизнь хватает, не жалуясь. Так что вас так удивило, молодой человек?

– Вы сказали, если я не ослышался, что находитесь с... коллегами Лайе в разных лагерях. Как это понимать? Она то утверждала, что вы личная армия старика Гилтри.

– Так это и неудивительно, – развёл руками Иннокентий Афанасьевич. – Вот как вы думаете, Александр, можно я так, по-простому?..

– Ради бога.

– Спасибо, это очень вежливо с вашей стороны. Так сколько мне лет, как вы думаете?

Я скептически осмотрел его с ног до головы.

– Ну, даже не знаю. Местные жители выглядят гораздо старше, чем мы, по нашим меркам. Особенно мужская часть. Но навскидку – восемьдесят.

– О, ещё раз спасибо, Александр, – обрадовался дед, будто я ему целую десятку скостил. – На самом же деле мне уже сто шестьдесят.

– Че... – вот тут у меня банально отвисла челюсть. Да и у кого бы не отвисла? – Нихера себе! Простите за грубость, уважаемый, но люди вроде столько не живут, господин Гри... доёбов?

– Е, не ё! – неожиданно слегка вспылил тот, но тотчас успокоился и вновь расплылся в улыбке. – Прошу простить

за эту мою небольшую вспышку, но фамилию я изменить, к сожалению, не могу по ряду причин, а охочих до злонамеренных шуток давненько не находилось. Многие из этих шутников накормили, в разное время, не одно поколение земляных червей.

– Я что-то не то сказал? – догадался я. – Это просто от недостатка опыта общения, но мой словарный запас понемногу пополняется.

– И это вас во многом извиняет, мой друг. Однако, попрошу в дальнейшем не совершать подобную ошибку.

– Обещаю приложить все силы.

– И вообще – вам крайне необходимо загрузить в базу не только официальный язык общения, но и разного рода маргинальные ответвления от него. Уверяю – это крайне познавательно, во-первых, а во-вторых позволит вам избегать в дальнейшем неловких ситуаций.

– Обязательно воспользуюсь вашим глубоким советом. Так что там с вопросом то моим? А то мы что то совсем в сторону ушли.

– Это всё старость.,– вздохнул Иннокентий Афанасьевич. – С годами я стал заговариваться, увы, но они неумолимо берут своё.

– Да бросьте, – не поверил я. – Возраст у нас с вами примерно одинаковый.

– Но вы не берёте в расчёт сто тридцать лет земной жизни, молодой человек. Поверьте, я знаю о чём говорю.

– Допустим. Так в чём же ваше отличие от старой шлюшки Лайе?

Дед уже не улыбался, покрутив головой по сторонам, он тяжело подошёл к поваленному дереву, что удобно предоставило свой мёртвый ствол для сидения, жестом подозвал одного из мордovorотов и, с его помощью, опустился на, тут же предусмотрительно подстеленную, куртку.

– Ноги уже не те, – пожаловался он виновато. – Вот вам и первое отличие – я не могу перенестись в другое тело.

– То есть?

– Да так и есть. Я один из первой тысячи. Из тех самых смельчаков, которые прыгнули, не глядя, в неизвестность. Не имея при этом возможности вернуться обратно. Автор тогда ещё не придумал свой поводок-удавку.

– Стоп, – я слегка опешил. – Но он же сам утверждал, что вы почти все погибли. Не смогли внедриться в аватары, то есть, в людей с полным сознанием.

– Вот именно, что не все. Не все погибли. Осталось восемнадцать наших братьев и сестёр. По счастливой случайности, наши новые тела в этот момент находились в лечебных учреждениях, в коме различной степени тяжести, или просто без сознания. Мой Кеша, например, упал с лошади и лишь едва не успел прийти в себя. Повезло мне.

– Ага, а ему нет.

– Судьба.

– Ну да, ну да. Ладно, с этим всё понятно, но как вы со-

бирались общаться с дворцом? Вы же должны были как то передавать информацию. Иначе, вся эта затея выглядит, как авантюра.

– Так. Всё так и есть. Сначала был направлен межпространственный маяк, он-то и предназначался для коммуникации, но в назначенный час почему-то не заработал.

Я усмехнулся. Гениальный Гилтри просто напросто запудрил им мозги. Какой маяк? Сознание возможно вселить в готовый сосуд, самой природой предназначенный для этого, но материализовать устройство! Полный бред. Но эти-то поверили. А ведь из дворца могли наблюдать за ними, знали все их телодвижения, но вмешаться не имели возможности тогда в принципе. И ведь Гилтри заранее об этом знал. Этих людей бросили, как наживку, посмотреть, что клюнет и, по результатам, дорабатывать технологию переноса. Ха, маяк он направил!

– Вот вы смеётесь, Александр Викторович, – старик заметил мою ухмылку. – А нам тогда совсем не до смеха было, когда к точке сбора добрались лишь считанные единицы. Я то, при встрече с новыми родственниками, худо-бедно отыграл потерю памяти, да и условия мои были не в пример лучшими, чем у остальных. А вот товарищам моим пришлось не сладко совсем. Кто-то оказался из крестьян, кто-то из рабочих, а кто вообще революционер.

Революции, войны, короче, разбросало нас кого куда, а в семнадцатом я сбежал за границу вместе с семьёй и осел, в

конечном итоге, аж за океаном. Там и отсиживался, пока сорок лет назад не появилась возможность вернуться и восстановить фамильную собственность. Не всю, конечно, но всё-таки.

И, что самое обидное, Автор каким то образом узнал о нашем провале, исправил ситуацию и после, опять-таки, неудачной второй волны, запустил, более-менее удачную, третью. Так вот они-то и стали его главными проводниками в этом мире. А нас просто бросили. Мы расходный материал. Выживали, как могли, вернуться тоже не имели никакой возможности. Кое-кого я встретил спустя много лет скитаний, судьбы их незавидные, остались всего трое, со мной включительно. И мы бы с радостью позволили посадить себя на поводок, лишь бы иметь шанс получать раз за разом новое, молодое тело. Но, как я уже говорил, мы – отработанный материал, блин комом.

– Несладко вам пришлось, прямо слёзы наворачиваются.

– Но я всё же жив ещё, – он словно не заметил сарказма в моих словах. – В отличии от других. И, самое главное, собираюсь прожить ещё много лет.

– Каким же образом? Поводка-то нет.

– Видите ли, молодой человек, мой талант – это медицина. Учитель развил мой дар и я вполне мог контролировать свой организм долгие годы, находясь здесь. Причём как в лучшую сторону, так и в худшую.

– Зачем в худшую то?

– Поймёте ещё, когда повестку из военкомата получите.

Иногда выгодно выглядеть тяжелобольным.

– Ясно. Хотя не всё, но вот мой главный вопрос – зачем вам я?

– Оо, я вас ждал с нетерпением, господин Протасов, – старик хотел было даже приподняться, видать чувства нахлынули, но передумал и вновь уселся на место. – Вы всегда были уникальным человеком – единственный в целом мире, живой компьютер. Легенда, давшая миру шанс на выживание.

– Это Гилтри изобрёл Перенос.

– Но прототип то вы. Не скромничайте. Ещё до катаклизма ваши телепатические способности вызывали священный трепет в моём сердце. Да и не только в моём. Кстати, вы так и не разгадали тайну своего происхождения?

– Нет, к сожалению.

– Жаль, жаль. Это многое могло бы облегчить.

– Что именно?

– Многое. – туманно ответил Иннокентий Афанасьевич. –

Зачем эти разговоры о пустом?

– И правда. Так вы и не ответили.

Меня начинал уже напрягать этот вязкий дед. Что там с телепатией? Откат ещё не завершился, считать мысли пока не могу, до возврата способности минут двадцать, не меньше. Чёрт, как же не вовремя он появился, не мог подождать с полчасика, заблудиться в лесу, например? А может наоборот – слишком вовремя, как будто знал заранее, где я окажусь.

Или они следили за мной? Очень на то похоже. Интересно – он вообще понял, что именно я только что сделал с Лайе? Если связи со старой родиной у него нет, то и не смог бы понять... Стоп. Тогда как он узнал о моём прибытии? Что то темнит этот господин Гридоёбов на букву "е". Верить ему, однозначно, – себе дороже.

– Вся беда в том и это не только моя личная трагедия, как я уже говорил, нас осталось всего трое из первой волны добровольцев – наше время на исходе, – продолжил тот свою печальную историю. – Тела больше не могут поддерживать регенерационные процессы, местная наука не в состоянии обеспечить качественную замену органов. И самое главное – мозг.

– А что с ним не так?

– Он деградирует. Ещё немного, и мы начнём впадать в маразм. Долгое время мне удавалось стабилизировать процесс у себя и моих братьев, но... им я уже точно ничем не могу помочь, силы мои на исходе. И вы – моя последняя надежда.

– Так всё-таки, чего ж вы от меня-то хотите?

– Я бы хотел, уважаемый Александр Викторович, чтобы вы перенесли моё сознание в новое тело. Да вот хотя бы в это. Лайе всё равно бросит его, когда очухается, а мне так в самый раз.

Старик пальцем ткнул в сторону машины, из открытой задней двери которой торчали ноги Светы. Я недоумённо

округлил глаза.

– Вы хотите стать женщиной?

– Так значит это всё таки возможно?! – на этот раз он всё же поднялся на ноги и возбуждённо продолжил:

– А что вас удивляет? Неважно в кого, это ведь новая жизнь, новые ощущения. Реинкарнация, так сказать. Оформлю на неё дарственные и дело в шляпе. Я снова на коне, молодой, да хрен с ним – молодая и красивая. Может, наследников ещё нарожаю!

И тут я опять заржал во весь голос. Нездоровая тенденция. В прошлый раз, после этого, меня вырубили электрошокером. Гридоёбовы волкодавы уже позыркивали в мою сторону, по-прежнему, безжизненными, взглядами. Кстати, ведь они же наверняка обычные люди. Как же тогда строятся их взаимоотношения с таким непонятным работодателем? Может, считают его сумасшедшим стариком с экстравагантными выходками? А что – платит и ладно, пусть чудит. Едет у деда крыша, так старый уже – что с него взять-то? Ну, вбил себе в голову мечту о переселении душ, так что с того?

Интересно – я тогда кто для них? Да наверняка такой же сумасшедший гуру, который возомнил из себя обладателя магии переноса сознания и зарабатывает на обмане доверчивых и, главное, богатых пенсионеров. Это могло хоть как то объяснить происходящее, так было бы проще всего. Гораздо серьёзней, если эти двое в курсе истинного положения вещей, и тогда можно делать предположения о наличии на

земле некой закрытой организации. Или секты. Но это так, мысли для раздумий.

– Что же так развеселило вас, Александр Викторович? – Иннокентий Афанасьевич недоумённо застыл на месте и, даже как-то беспомощно, начал оглядываться на своих охранителей. Однако, всё же сделал успокаивающий жест, когда те синхронно дёрнулись к нему со своих постов.

– Ох-хо, господин Гридо...ебов, не всё же вам веселиться, – давясь от смеха, смог я, наконец, сказать. – Я просто представил вас в женской одежде и с детской каталкой, полной наследников.

– Да, действительно смешно. – вполне серьёзно произнёс старик и сузил глаза, видимо, соизволил гневаться. – Но я, как правило, не позволяю кому бы то ни было делать из себя посмешище. Тем более вас я только что предостерег от подобных ошибок. Только что.

– Всё, всё, – я поднял руки в примирительном жесте, что выглядело довольно сомнительно, учитывая до сих пор зажатые в них нож и электрошокер. – Я просто после всех этих событий никак в себя не приду. Посудите сами, ещё вчера я был во дворце и ни сном ни духом не ведал о том, что со мной случится какая-то неведомая хрень. Кстати, а как вы то узнали про моё прибытие. Такой невинный вопрос ваше самолюбие не оскорбит?

– Так и знал, что вы об этом спросите, – Иннокентий Афанасьевич несколько подсудлся и вновь уселся на дерево, а я

напрягся поневоле, не зная чего дальше и ожидать. – На самом деле ничего необычного тут нет. Компания моей семьи опекает местную психиатрическую клинику. Так-то она нам даром не нужна была, если бы не одно "но"...

– Особые пациенты.

– Именно. Они – единственная ниточка, которая связывает нас с той стороной. От них мы и получаем информацию.

– Хорошо. Соглашусь кое с чем. Но ведь им тоже должно быть хрен знает по сколько лет. Почему Гилтри не выдернул их назад в своё время? Как сам персонал объясняет себе их долголетие? Почему они вообще до сих пор живы? А может их и нету вовсе, а? Вам самому не кажется, уважаемый господин потомственный дворянин, что где то ваши слова не вяжутся? Что-то вы темните.

Старик молча смотрел на меня и я начал понимать, что тучи потихоньку сгущаются. До окончания отката пять минут. Как бы продержаться? Время то летит, то стоит и находится в постоянной противофазе с необходимостью. Мне уже стало понятно, что дед не тот, за кого себя выдаёт. Ну, или играет не свою роль. Но кто же остальные двое с пустыми глазами? Как бы это, желательно без крови, выяснить? По крайней мере, моей.

– Вы, кстати, не познакомите меня со своими спутниками, – продолжил я довольно беспечно, словно и не замечая утяжеления обстановки. – А то неудобно. Мы тут разговоры ведём, а до сих пор не познакомились.

– У них нет имён. – процедил тот сквозь зубы. – А вы действительно очень умны, господин Пирст.

– Наверное не так уж и умён, если раз за разом попадаю в переделки. Но тут уж ничего не поделаешь, характер у меня не очень, сам всю жизнь страдаю. Вот хочу быть как все, зубами прямо скриплю от желания, а не выходит. Вот и Гилтри...

– Довольно! – старик, наверное, уже задолбался вскакивать – ноги-то не молодые совсем. Но всё же вскочил. – Что вы паясничаете, как малолетка? При чём здесь Автор? Как бы вы к нему ни относились, но он всё же великий учёный.

– Знакомая песня. И такая же фальшивая. Он вас кинул, а вы тут ему комплименты отвешиваете. Ну так что же мы будем делать дальше, господин с крутой охраной?

Минута до окончания отката, а упомянутая крутая охрана уже начала ненавязчивое сближение и вновь мозги принялись обрабатывать информацию с ускорением. А земной организм хорош, очень хорош, гормоны вырабатывает какие надо и в нужное время. Сейчас вот произошёл выброс адреналина и я слегка усилил концентрацию. Отдыхать будем потом. Если это потом вообще наступит.

– Если и кинул, то, значит, так было надо для дела. Но не в этом суть

– А в чём же?

– Почему именно этот аватар? Лайе, старая скотина, никогда лично не занималась подбором кандидатов. Почему вы

поссорились? Видите ли, за деревьями плохая видимость, в отличии от слышимости. Что такое "нулевой вариант"?

– Да так, просто повыпендривался, – старик либо ни сном, ни духом, либо умело притворяется. – Надоели её нравоучения, вот взял и послал её. Далеко.

– Не потрудишься ли объяснить – за какие такие прегрешения Автор отправил на Землю своего лучшего ученика? Ты же из самых приближённых, не то, что я, к примеру.

– Так вы точно из первой волны? – я не собирался давать ему ни грамма информации.

– Я то ? Из самой что ни на есть. Помнишь, я сказал, что готов на всё ради поводка?

– Ага. Добровольная привязь и собачья конура. Помню. Предел мечтаний.

– Зато вечная жизнь. Ради этого я сделаю что угодно. Ты же можешь помочь мне? Вот тело. Вот я. Перенеси меня в него и мы разойдёмся друзьями. Автор ничего не узнает. Старуха Лайе просто вернётся домой, но уверяю тебя – ненадолго. А мои ребята тебя не тронут, клянусь. Они мне подчинены полностью.

5, 4, 3, 2, 1...

Всё. Я снова в теме.

"Идентификация. Доступных абонентов: 1 + 2? :

Аватар: человек землянин Гридоебов Иннокентий Афанасьевич, 160 лет, пол мужской, специальность прожигатель жизни.

Симбионт: человек технецианин Морс Иеди Краст, ??? лет, пол мужской, специальность медик, уровень 187".

"Идентификация. Аватар: человек землянин Джон Смит, 30 лет, пол мужской, специальность воин.

Симбионт: ??? , ??? лет, пол ??? , специальность ???"

"Идентификация. Аватар: человек землянин Роберт Джонс, 29 лет, пол мужской, специальность кулинар.

Симбионт: ??? , ??? лет, пол ???, специальность ???"

Что за чёрт? Почему система не смогла идентифицировать симбионтов охранников? Значит, всё таки подсадные, но кто? Я попытался считать было мысли этих двух безмолвных болванчиков, но меня будто вышвырнули наружу. Нихрена себе! Да что ж это за создания такие? Может прав всё таки был Гилтри? Местные превосходят нас в технологиях? Или это всё же какая то разновидность, так называемых, городских? Только зачем тогда подсеяться в свой собственный вид, да ещё и шифроваться так, что у меня даже голова пошла кругом.

Единственные панические мысли, возникшие в моём сознании, всё ещё настроенном на приём, принадлежали потомственному прожигателю жизни:

"Почему она не приходит в себя? Он ведь не убил её? Да нет, это вряд ли, не преступник же. Где теперь искать Медарона? Без него я просто умру. Давай, старая сволочь, очухивайся уже. Медарон сказал что Верховный поможет мне, если я прослежу за этой шлюхой. И зачем она ему нужна? Гос-

поди, и какого чёрта я только влез в это дело? Да ещё и сам вызвался. Думал, вдруг получится, это же последний шанс. Чёрт! Идти против Автора! Постоянно. Конечно, он говна кусок, но... А может всё таки Пирст согласится? Надо обещать ему денег, всё что захочет. Обмануть, конечно, но кто ж ему скажет то об этом? Лишь бы сделал то, что мне требуется. А вдруг он не сможет? Что делать тогда? Ведь киберы прострелят ему башку, как всегда, и тогда точно конец. Нет, об этом лучше не думать".

Ну вот почти всё и встало на свои места. Если я, конечно, правильно всё понял. Значит, кроме Лайе был некий Медарон, который, от лица Гилтри, пообещал полудохлому Кеше накинуть поводок на шею за подстраховку своей дочки-шлюхи. Видимо, возможности старика-медика позволяли ему несколько больше в плане мобильности, чем другим волонтёрам, привыкшим при малейшей опасности проситься к папке под крылышко. Страх наказания всё таки меньше, чем страх смерти.

Однако, долгожитель пенсионер, оказался тем ещё пройдохой, с чего-то решив сыграть соло. Наверное, догадался, что сойдясь со мной поближе, ему удастся и билет в вечность получить, и не сесть на привязь. Поэтому Лайе попросту кинули. Ох, какой у него сейчас момент истины, как бы раньше времени не помер.

Вот только не давали мне покоя эти бесконечные знаки вопросов в симбионтах. Что-то с ними совсем непросто. Что

ещё за киберы? Мда, вопросов становилось всё больше.

– Ну так что ты решил, Пирст? – Старик явно забыл о вежливости, но я его не осуждал за это, меня он почему то просто бесил. – Не дашь мне умереть? Я в долгу не останусь – любая сумма денег, честно, мне ничего не жалко, лишь бы прожить хотя бы ещё одну жизнь. Неужели я прошу так много? Что тебе эта девка? Лайе наверняка повредила её базу данных, она теперь пуста как барабан. Так лучше я поживу в ней, чем она просто умрёт, а?

Вот же гад, ведь врёт и не краснеет. Только что же мне со всем этим опять делать? Откажусь и его волкодавы порвут меня на куски. Соглашусь – думаю, что ждёт та же участь, только с отсрочкой приговора. Как всегда, надо выбирать третий вариант.

– У меня есть встречное предложение, Иннокентий Афанасьевич.

– Какое?

– Вы поможете мне, а я помогу вам. И деньги ваши не понадобятся, нужна будет услуга совсем другого характера.

– Ну... как же так-то? Я ведь человек не настолько влиятельный, чтобы...

– Мне нужна информация, – перебил я его, – дайте её мне и можете рассчитывать на мою помощь.

– А, это завсегда пожалуйста. Так я весь внимание.

"Ты только сделай всё правильно, а наболтать можно чего угодно. Всё равно в расход пустят".

– Какой у вас уровень интеллекта?

Глава 5

Мне уже давным давно стало неинтересно выяснять, есть ли в мире люди, которые всегда говорят правду? Хотя бы несколько абсолютно честных человек. И я не думал – я точно знал, что таких уникамов нет. Если, конечно, у них с головой полный порядок. Читая мысли всех, с кем мне довелось общаться в свои первые тридцать пять лет жизни, я и открыл для себя эту простую истину. Врали все – знакомые, друзья, совсем посторонние лица, не было ни одного случая, чтобы ктонибудь из них не соврал, глядя при этом на тебя честнейшими глазами. И неважно, как относился к тебе этот лукавый собеседник, будь то дружелюбие, равнодушие или неприязнь, в конце-концов, но его мысли всегда различались с тем, что он озвучивал.

Даже мать Локи, добрейшая Глие Семур, та самая женщина, которая сделала для маленького подопытного кролика, Кади, больше всех, вместе взятых, и то постоянно скрывала от меня правду. Я ведь знал о её тяжёлом положении, сына она воспитывала одна и еле сводила концы с концами. Но и она говорила мне, что у неё всё в порядке, люди помогают. Думаю, не хотела меня ещё больше расстраивать, вытирая мне слёзы и потихоньку пряча под подушку еду. А ведь могла отнести её домой сыну. Да, такие люди были редкостью в моём бывшем мире. Надеюсь, на Земле это как-то иначе.

Хотя, Петюня что-то вдруг вспомнился.

Но всегда была одна категория людей, для которых враньё становилось со временем сродни дыханию. То есть, неотъемлемой частью организма, на физическом уровне. И речь не о безобидной милой неправде, от которой ни холодно, ни горячо, а именно о расчётливом злоупотреблении доверием в угоду своим шкурным интересам. К этим отношение моё было однозначным – с ними нельзя быть хорошим. Или полный игнор, или же игра по их собственным правилам.

Старик Афанасьевич просто вонял этой патологией, под щebet здешних невидимых птиц распевая свою серенаду. Только вот я не прекрасная возлюбленная на балконе, а вполне себе состоявшийся вершитель правосудия. Этот старый чёрт решил убить несговорчивого оппонента, мол, если не получится, то и концы в воду. Мёртвые ничего не расскажут.

Этот новоявленный бывший советник, бывший учёный и вообще отличный парень почувал запах свободы, расчувствовался, да и пустился во все тяжкие. Вот и стал жертвой местных, агрессивно настроенных аборигенов.

Только вот на сей счёт мнения – моё и его, были прямо противоположными. Что мы имеем на данный момент? Во-первых – передо мной трое явных пришельцев, причём только один из них был идентифицирован моей системой. Двое остальных вообще не пойми кто. Попытка сканирования наткнулась на непроницаемую глухую стену, технициане такой

защиты не имели в принципе, поэтому ... О, голова сейчас просто разрывалась от мыслей, тут думай, не думай, но исходных данных пока что было маловато для однозначных выводов.

Во-вторых, гибнуть в расцвете лет моего нового, совсем ещё молодого организма, не улыбалось совершенно. Хрен тебе, пенсионер сморщенный! Нет, ну что за люди? Готовы уморить кого угодно, лишь бы себе лишние годы выторговать. Только вот я-то его насквозь видел. Этот старый пенёк уже привык подобным образом решать все свои проблемы и теперь надеялся на то, что с моей помощью продолжит свой беспредел уже в новом обличье.

И, в-третьих, выполнять его просьбу я не собирался ни при каких обстоятельствах. Моя мораль вопила о правосудии, поскольку этот прожигатель жизни явно уже подзадержался на этой планете. Если только удастся мой план, в котором самым слабым звеном являлось, что естественно, наличие двух непонятных доселе факторов. Да, не ожидал я, что по-прибытии, начну не с разгадок тайн местного бытия, а тут же примусь выяснять отношения с явлениями, однозначно, неземной природы.

– Зачем вам мой уровень интеллекта? – удивлённо спросил Иннокентий Афанасьевич.

– Это для вашей же пользы, – я старался не показывать виду, что волнуюсь, поэтому вкладывал в фразы побольше пафоса опытного реинкарнатора. – Видите-ли, уважаемый гос-

подин Гридоебов, процедура переноса невероятно сложна сама по себе и потребует весьма приличного количества духовных и умственных ресурсов. Я могу вам объяснить всю суть этого процесса, тем более, что и ваше некоторое участие тоже потребуется. В одиночку я, боюсь, не справлюсь.

– О, я понимаю, понимаю. – закивал тот головой, старательно заглывая наживку.

"Что-то сомневаюсь я в твоих умственных способностях, – подумал я. – Привыкший вертеть судьбами других, вряд ли ожидает, что когда нибудь волны от всех брошенных им камней снесут, к чертям, его самого".

– Да, я надеюсь на ваше понимание. И не переживайте, я всё сделаю, как надо. Эта девушка мне и правда никто, так что нет никаких оснований вам отказывать.

– Так я об этом и говорю, Александр Викторович!

"О, я уже снова уважаемый человек."

Старик быстро, насколько позволял возраст, приблизился и, схватив мою руку потными от возбуждения ладошками, принялся её трясти.

– Я знал, что мы с вами договоримся. Мы же технециане, соратники, одной, стало быть, судьбой скованные. Как быстро вы сможете приступить? Видите ли, дарственные документы у меня уже готовы, осталось только вписать данные претендента. Ну, в данном случае, претендентки. Все бумаги у меня с собой, так что я готов хоть сейчас.

– Не так быстро, Иннокентий Афанасьевич. Нужна неко-

торая подготовка. Кстати, а как же те двое ваших товарищей по несчастью? Разве им тоже не надо помочь?

– Да пёс с ними, всех желающих не осчастливишь. Вы же сами говорите, что процедура эта очень затратная. Тут уж не до жиру, мне бы самому хватило.

– Хм, разумно, что уж тут сказать.

– Ещё бы не разумно. Только вы ведь не обманете несчастного старика, Александр Викторович?

В его глазах плескалось целое море эмоций – страх, надежда, сомнения. И обман отблесками сверкал в каждой из них.

– Как же я это сделаю, по вашему? – деланно удивился я. – С вашим то прикрытием. Вон как зыркают стоят, оружие опять же у них серьёзное, куда мне тягаться-то с ними?

– На самом деле эти люди совсем недавно со мной. – шёпотом произнёс Иннокентий Афанасьевич, приблизив губы к моему уху. – Я и сам их побаиваюсь. Слегка.

– Вот как? И что же это за люди?

– Ко мне их Автор приставил. Где то около месяца назад. С тех пор следуют за мной по пятам неотлучно.

– Ну ничего себе. А говорили, что дрессированные.

– Это на самом деле правда, только не я их дрессировал.

– Хм, а как же вы, не имея связи, узнали что Гилтри прислал их?

Старик поморщился при упоминании этого имени, но в бутылку лезть не стал.

– Так они сами и сказали. Мол, мы от Автора. Ваше описание доставили, велели следить и выполнять все их указания. Их трое сначала было, но один тут же исчез. Наобещал с три короба и с тех пор ни слуху, ни духу.

И вновь этот старый козёл, врёт и не краснеет. Вот совсем ничего не вяжется опять. Если бы этих двоих прислал Гилтри, то я бы с лёгкостью узнал об этом. Далее – не так давно Афанасьевич сам их назвал какими-то киберами. Возможно, это просто прозвище, мол, ведут себя, как бесчувственные роботы. Но что тогда с непонятной идентификацией? Кто этот третий, Медарон, кажется? Странное имя, не наше.

Опять же, как быть с моей доставкой в больницу? Ведь они, практически, чуть не сорвали планы Лайе, но эти киберы не только не воспрепятствовали жизнелюбивому пенсионеру в похищении объекта из под носа нашей красавицы, но и сами приняли деятельное участие. А если их прислал Гилтри, разве не наоборот они должны были поступить?

Я мельком взглянул на обоих мордovorотов – ну чисто изваяния, смотревшие на нас, практически не мигая. Может гипнозом баловались, или это у них игры такие? Что у них в башке – непонятно.

– Ладно, Иннокентий Афанасьевич, мне, в принципе всё равно, кто эти люди, вижу, вы чего-то не договариваете, мне плевать в общем-то. Не хотите рассказывать – не надо.

– А всей правды никто не знает, господин Протасов. – задумчиво глядя на меня, произнёс тот. – Я, в том числе. В

этой игре всё настолько туманно и расплывчато. Знаю только, что именно вы заинтересовали неких людей.

– Почему это? И что за игра такая?

– Их шестеро сойдётся под конец.

Но лишь один зайдёт на царский трон.

Получит тот всевластия венец,

Кто истинною искрой наделён.

Глаза старика остекленели и он, кажется, принялся входить в маразм семимильными шагами прямо сейчас.

– Эй, уважаемый! – я помахал рукой перед его лицом. – Очнитесь.

Я попытался считать его мысли, но, к моему удивлению, сейчас в этой лысой черепушке было абсолютно тихо. Такое ощущение, что дед в данный момент просто озвучивал чьи то чужие слова.

Не знаю, чем бы закончилось это представление, как внимание вдруг привлёк смутно знакомый адский звук. Он стремительно надвигался на нашу небольшую лужайку и, спустя несколько мгновений, из-за густого частокола ближайших деревьев вынырнул знакомый трактор.

Петюня где-то успел сменить одежду, но цвет лица, судя по всему, был неизменен во все времена. Как и дымящая соломина в, искривлённом радостной ухмылкой, рту. Монстр местного машиностроения, прыгая на ландшафтных неровностях, чуть не сбив двух мирно беседующих инопланетян, был внезапно остановлен стволом поваленного дере-

ва. Я успел подумать только, что вместе с погибшей курткой, заботливо постеленной для Иннокентия Афанасьевича, прямо сейчас окончательно мог бы утратить все шансы на долгую жизнь и сам потомственный дворянин. Так быстро вскочить он точно не успел бы.

Что ж за день сегодня такой? Я невольно оглянулся – а вдруг и владелец трактора неподалёку ковыляет, грозя убийствами? А за ним с тетрадкой и карандашом наперевес, местный любопытный хроникёр Кузьмич.

Но нет, так далеко они вряд ли бы добрались своим ходом. Если только не поймали где-нибудь по дороге бдительного заику-участкового Степана Георгиевича и не организовали погоню.

Тем временем агрегат заглох и лесную тишину недолго портило только заунывное подвывание Петюни. С, разбитым в кровь носом, он тяжело вывалился из кабины и сплюнул соломинку в траву.

– Петюня! – заорал я. – Четвёртый раз! Да как так-то?

– А я мож всю жизнь мечтал трактористом стать, – тот размазал кровь по лицу и уселся на землю. – С детства самого. А трактора у меня нету, мамка не покупает. Изо всей техники велик один, да и тот старый. А нахрен мне велик? Вот трактор – это сила, сразу видно, что мущина солидный едет. А на великах одни салабоны катаются. У вас то вон – машина какая есть. А у меня?

– Так тебя теперь в деревне точно прибуют ведь.

– А я туда не вернусь больше, я вон в город ехал. Мне жизнь устраивать надо. Дорогу срезать хотел, да заблудился вот. Теперь уж точно не доеду. А мамка сказала – домой больше не вертайся, не нужен я ей. Жизнь моя говно.

Продолжая размазывать кровь и сопли, Петюня принялся рыдать. И я, и Иннокентий Афанасьевич, плюс два амбала охранника непонятной расы, в полном составе пытались проникнуться нелёгким житием местного возмутителя спокойствия. Но получалось не очень. По всем меркам, этот образчик земной жизни не вызывал ничего, даже приблизительно похожее на жалость. И сам толком не живёт и другим не даёт. Одни проблемы от этого организма. Где то внутри я начал даже понимать его односельчан, ведь и в моём понимании – жизнь его, этот драгоценный дар, расходуется зря. Думаю, планы можно немного подкорректировать. Сначала-то на Светлану рассчитывал, но так даже лучше.

– Господин Гридоебов, на два слова, – я кивнул деду, отзывая в сторону.

– Да-да, – встрепенулся тот.

– Давайте отойдём, разговор небольшой есть.

– Конечно, конечно.

Когда мы, под бдительными взглядами охранников, завернули за трактор и встали в некотором отдалении, я окончательно решился:

– Скажите, Иннокентий Афанасьевич, а вам действительно необходимо стать женщиной?

– Не понимаю вас.

– Что ж тут непонятного? Зачем становиться женщиной, если можно продолжать оставаться мужчиной?

– То есть?

– Так. Давайте тогда с самого начала. Какой у вас уровень интеллекта?

– Ну, мне пришлось прокачивать его долгие годы. Без ума в этом мире сложновато приходится, тяжело выжить...

– Господин Гридоёбов! – прикрикнул я, внутренне снова напрягшись, однако тот был слишком занят своими мыслями. Я и так уже узнал ответ.

– 201.

– Ну слава богу, – выдохнул я с облегчением.

– Правда?

Нет, ну он точно как ребёнок. Как продержался-то столько лет?

– Пойдём дальше. Вы бы хотели остаться мужского рода в дальнейшей жизни?

– Ну, естественно. Просто...

Он вдруг осёкся на полуслове и, с появившимся в глазах пониманием, обернулся в сторону сопливых Петюниных рыданий.

– Ага. И я о том же.

– Подождите, но он же весь какой-то... никакой. На бездомного похож. Выглядит отвратительно.

– Умоете, подмоете, сбрызнете ароматизатором. Зато му-

жик, пару дней интенсивной реабилитации и всё. Здравствуй, новая жизнь. Новые возможности на ближайшие сто лет. А? Вы, конечно, подумайте, но на мой взгляд, выбор очевиден.

Ох, как загорелись его глазки. Забегали из стороны в сторону так, что даже мысли считывать не было необходимости. Мне больше и придумывать ничего не нужно, этот персонаж сейчас сам себя дождёт.

– Возможно, вы и правы, – дыхание участилось, открывающиеся перспективы подняли давление и я прямо услышал биение его старческого сердца. Ну-ну, не переусердствуй! Ты мне ещё нужен пока.

– Выбирать вам. Я же просто предложил, на мой взгляд, вариант наиболее подходящий. Честно говоря, я и сам бы выбрал именно такой. Но повторюсь – выбор за вами.

– Хорошо.

И ты хотел обмануть Гилтри? Вот дурак. Откуда столько интеллекта-то?

– Хорошо, – повторил он уже более уверенно. – Какая помощь от меня требуется? Что делать?

– Сейчас я всё объясню. Но прежде вы должны сказать своим охранникам, чтобы они не вмешивались. Иначе весь перенос может пойти не так.

– А что может пойти не так? – тут же испугался тот. – Чем мне это грозит? Я могу умереть?

– Успокойтесь, Иннокентий Афанасьевич. – я решил

немного сгладить острые углы. – Вам ведь, наверное, известно, что я принимал непосредственное участие в разработке переноса.

– Естественно. Кто же этого не знает?

– Тогда вы должны быть в курсе, что после Гилтри я наиболее подготовленный специалист в этом вопросе.

Надо же, уже и не поморщился даже, услышав это имя, проглотил. Видать, сильно его торкнуло, несчастный Петюня и не подозревает, что его шкурку уже примеряет на себя пришелец из параллельной вселенной. Вот удивился бы.

– Да,но...

– Что вас ещё беспокоит?

– Честно говоря, я не знаю, как отнесутся эти люди к тому, чего не смогут понять. Вряд ли они вживую видели то, что вы собираетесь делать.

– Стоп! – я задолбался его уже уговаривать. Что за душевный онанизм? Буду – не буду, знаю – не знаю, баба – мужик. – Вы только что упрашивали меня об этом, а теперь что? На попятную пошли? Давайте тогда разойдёмся миром, я в одну сторону, вы в другую. У меня своих дел до жопы.

– Нет! – опять встрепенулся он. – Я готов.

– Ну вот и славно. – улыбнулся я. – А то мы так ещё сутки будем воздух сотрясать бестолку.

Ещё раз пристально посмотрев ему в глаза, – "О,боже, неужели получилось? Киберы ждать устали", – я продолжил:

– Короче, объясняю на пальцах. Для того, чтобы прене-

сти ваше сознание в мозг другого человека, вы оба сначала должны отключить его.

– Как это?

– Очень просто. У Лайе есть специальное средство собственного изготовления, которое выключает сознание на несколько часов. Кстати, вы спрашивали, чем я её вырубил? Вот им самым.

– Нет, я понимаю, аватар должен быть в отключке, но я-то зачем?

– А затем, что я не смогу шариться по вашему мозгу, отыскивая все разрозненные воспоминания и опыт. Что-нибудь да не найду. Возможно, самое важное. А при выключении, сознание собирается в кучу и хранится в одной единственной папке. Я доступно объясняю?

– О да, теперь я понимаю.

– Так вот, чтобы облегчить задачу максимально и, во избежание разного рода неожиданностей, необходимо, чтобы мой интеллектуальный потенциал достиг максимально возможного показателя.

– И какой же нужен уровень?

– С вашим вместе его будет достаточно. Если есть ещё какие-нибудь вопросы, задавайте сейчас. Вы вроде бы какие-то бумаги хотели оформить.

– Непременно. Они у меня с собой. Главное, чтобы у моего нового тела паспорт при себе был.

– Ну, так пойдёмте, выясним...

– А вы чё, охотники, да? Я тут тоже недавно видал охотников. С города, наверное, приехали. Такая машина чудная у них была – крыши нет, а сиденье только одно. Сама небольшая, колёса здоровенные. Ну, не такие, конечно, как у трактора, поменьше маленько. Прошу, дайте прокатиться на машине – пошёл, говорят, нах... Зажали, сволочи. Ну, я и попробовал угнать, чё, думаю, трактор-то могу и эту заведу, сто пудов. Не успел. Там у одного рогатка была. Ох, мне в жопу засадили! Я бёг и орал, бёг и орал. Потом неделю сидеть боялся. Как сяду, так рогатку вспоминаю. Мамка ругалась. Она почему-то всегда на меня ругается.

Вот сегодня тоже. А чё я сделал-то? Подумаешь, покататься решил. Так убить хотели, это живого человека-то? Дать в харю разок и ладно, я встал и пошёл дальше, дела делать...

Слушая трёп Петюни, я краем глаза следил за тихими переговорами старика со своей непонятной свитой и, одновременно, принялся обследовать машину Лайе. Бардачок меня интересовал в первую очередь, но для начала мне понадобилась почти целая минута, чтобы понять, что это вообще такое. Дамская сумочка лежала не переднем сидении и я, не церемонясь, вытряхнул её содержимое. Главное – документы, возможно, мои тоже были здесь. Да, точно, паспорт гражданина, плюс гражданки. Подстраховалась, старая интриганка, забрала у меня паспорт, надеюсь, больше моего ничего здесь нет? Ладно, этим займёмся чуть позже.

Дальше – хвалёная микстура. Бардачок я нашёл, из него и

выудил небольшой флакон с почти прозрачной жидкостью. Выгреб всю мелочь, что там была и быстро распихал по карманам. Может, что и сгодится. Ключи, бумажки, кожаный аксессуар для документов, как мне показалось, и прочая ерунда – никогда не знаешь, где и что понадобится.

Так, теперь флакон. Чёрт, не зная нужной концентрации, как бы не угробить человека. Лайе говорила вроде, что одной капли достаточно. Только вот Петюня этот, похоже, насквозь пропитан алкоголем, вдруг на него вообще эта отравка не подействует? Ладно, разберёмся по ходу.

Бутылка с водой тоже нашлась. Почти полная, так и подмывало откупорить и засосать пару глотков, жажда опять накатила, да и голод начинал давать о себе знать. Особенно если учесть многовековую голодовку. Да, прямо есть захотелось, я вдруг почувствовал это очень явственно. Но некогда, тут вообще то своя жизнь на кону. И не только своя.

Значит так – буду действовать самым научным методом – на глазок. Свинтив крышки с бутылки и флакона, я довольно щедро плесканул средства и потряс отраву для лучшего смешивания. Ну всё, я готов. Честно говоря, план был так себе и я был далеко не уверен в благополучном исходе дела, но оставалось только надеяться на очередное чудо. Сложив два интеллекта, а может и все три, был всё таки шанс на то, что после окончания всех процедур у меня останутся силы на использование телекинеза. Пока что я мог рассчитывать только на него. Но зато, если выгорит, то, возможно,

мне удастся и с поводка спрыгнуть, ну и... Ладно, не надо бежать впереди моновоза.

– А что, Петюня, паспорт у тебя, случайно, не с собой? – спросил я, когда тот завёл слезливую историю про ворованного петуха и, как ему сначала досталось от самой, обалдевшей от такой наглости, птицы, а потом ещё от взбешённой хозяйки, облившей его помоями из ведра.

– Конечно, с собой. – тут же переключился тот. – Или я не в город разве ехал-то? Во, видишь – одежда новая, не хахер-махер, и документ. Без документа никак нельзя. Остановит полицейский, а я ему – на, гляди. Всё честь по чести.

– Давай сюда.

– Зачем это? Ты ж вроде не мент.

– На работу тебя устраивать буду. Ты же за любую шабашку, говорят, берёшься?

– Это да. Я такой. Я всегда...

– Паспорт давай. И на вот, воды выпей, а то смотреть на тебя больно.

– А чё сразу воды-то? Покрепче нету?

– Это потом. Как оформим всё.

– Ну ладно, давай.

Ну, вот как мне научиться быть более жёстким, что ли? Глядя на этого доверчивого, пусть и глупого, совсем ещё молодого человека, почему то захотелось плюнуть на всё разом и, будь что будет. Ведь умом понимаю, что бесполезный персонаж, но ведь живой. И все жители, сколько их там было

возле больницы, сначала хаяли его, почём зря, но ведь горой встали, прикрывая от представителя власти.

Мда. А он после этого в четвёртый раз угнал трактор.

– Иннокентий Афанасьевич. – позвал я и старик тут же подвалил с толстенькой папкой в руках. Бумага. Не мудрено. И правда – деревьев то вон сколько, так что я уже почти не удивлялся.

– Вот вам паспорт этого тела. Пользуйтесь. Сейчас мальчик воды напьётся и будет готов для оформления.

– О, это прекрасно. – проговорил дед Гридоебов, не отводя взгляда от медленно тянущего воду Петюни.

– Поторопитесь. – сказал я. – Скоро ваша очередь.

– Уже бегу.

Тот и правда изобразил что-то вроде лёгкой трусцы, показав мне спину. Расположив папку поверх моторного отсека машины Лайе, он тут же углубился в свою нехитрую работу, аж язык от напряжения высунул. Давай, давай. Я надеюсь, всё это тебе уже не понадобится.

Со стороны происходящее, наверное, выглядело довольно дико. Большая чёрная машина с распахнутыми дверками и, торчащими из неё, женскими ногами. Вновь чуть завалившийся набок старый, облезлый трактор. Такой же старый лысый сморчок, бодро строчащий что-то в деловых бумажках и три мордоворота, у двоих из которых руки крепко сжимали оружие. Петюня не в счёт, на этом фоне он казался почти незаметным.

А вокруг всего этого безобразия лесная благодать с поющими птицами и стрекотом невидимых насекомых.

– У меня всё готово, – радостно возвестил Иннокентий Афанасьевич, деловито и бережно одновременно, складывая свои инвестиции в будущее. – Можем начинать.

Петюня в этот момент дососал всю воду и протяжно рыгнул.

– Эй! – спохватился я. – Ты зачем всё выпил? Здесь и другие желающие есть.

– А? – тот посмотрел на меня мутным взглядом. – Я тут раз в колодец насс...

Больше он не успел ничего сказать, закрыл глаза и медленно завалился на бок.

– Ну всё, готов. Чем же вас теперь опаивать то?

– Да вы что? Пить после этого? Фу, я довольно-таки брезглив.

– А ничего, что скоро это, – я ткнул пальцем в лежащее тело, – вообще-то станет вами?

– Ну так это ж совсем другое дело, – старик выудил из кармана небольшую металлическую фляжку. – А посуда у меня своя есть. Вот-с, отменный коньячок, люблю, знаете ли, иногда пригубить для здоровья. Давайте своё зелье.

Вздыхнув, я набулькал ему немного жидкости и спрятал бутылёк в карман куртки. Потом, если, конечно, представится возможность, надо будет произвести химический анализ этого пойла. Вдруг пригодится ещё.

– Ну, будем здравы, бояре! – с пафосом тостанул Иннокентий Афанасьевич и хлебнул из фляжки. Видно было, что он отчаянно трусит.

– Достаточно? – спросил он, облизывая губы и причмокивая. – А вкус совсем не изменился, кстати.

– Достаточно, или нет, мы сейчас узнаем. – сказал я, приблизившись к нему вплотную. – Пока вы не отключились, господин Гридоебов, можете сказать мне, кто такой Медарон? И киберы ваши – они вообще, кто?

– Откуда...

Дед округлил глаза и, кажется, перестал дышать. Конечно, когда думаешь, что всё у тебя уже в крепко сжатом кулаке, нелегко приходится осознавать, что в это время тебя, просто-напросто, уже держали за горло, только ты этого не заметил.

– Так вы... читали мои мысли? – неверяще спросил он.

– Прикинь.

Я протянул руку и, ухватив за шиворот, притянул к себе. Ножичком слегка царапнул шею.

– Попробуй только панику поднять, гнида, удавлю, – тихонько прошипел ему в ухо. – И похер, что со мной сделают твои уроды. Отвечай на вопрос. Если решишь обмануть, как ты всегда это делаешь... Ну ты понял. Только тихо, не ори тут.

– Саша, Саша... – прошептал тот сдавленным голосом, что и немудрено, воротник, зажатый в моей руке, мешал го-

ворить нормально. – Если я расскажу вам то, что знаю, мне не жить. Да и знаю-то я очень мало, но даже этого для них будет достаточно, чтобы убить меня.

– Ты debil? Да я тебя сейчас сам завалю. Пой давай.

Нет, серьёзно, разозлил он меня уже не на шутку. Как ещё можно повлиять на человека, который и убить тебя хочет и обмануть одновременно, да и ещё поиметь от всего этого свою выгоду? Есть только один надёжный способ.

Насилие и угрозы.

– Слушай, дедуля, пока ты не отключился окончательно, попробую объяснить на пальцах. Если не расскажешь всё, что знаешь, я просто умою руки и свалю отсюда к чёрту, а ты содохнешь. Поверь, так и будет, и я точно знаю, как сделать так, чтобы твои хозяева меня не нашли никогда и нигде.

– А как же я? Мы же вроде уже договорились, – тот уже понял кое что и, вероятно, в первый раз в жизни осознал, что ему, в любом случае, конец. Трепыхайся, не трепыхайся – а дно-то всё равно ближе, чем воздух.

– Я понял уже, что ты не сказал мне главного, – я давил как мог. – Что за шестеро в конце? И венец всевластия?

– О чём вы?

– Твои слова. Ты плёл что-то про одного, который на трон сядет, или как там ещё?

– Я не понимаю, о чём вы говорите. – Иннокентий Афанасьевич, казалось, уже был на грани обморока. – Что это такое?

– Допустим, ты не помнишь. – я и впрямь думал, что эта старая развалина транслировала чужое послание. – Кто такой Медарон? Говори, сука!

– Чужой! Чужой он! – жутким шёпотом проорал старик. – Не наш и не землянин. Это всё, что я знаю. Богом клянусь! Я с ним познакомился, когда за океаном жил. Вернее, он сам нашёл меня. Будь проклят этот день, с тех пор всё пошло наперекосяк.

– Киберы – его люди?

– Да. Да! Только не люди они вовсе. Чего ты ещё хочешь от меня, гад? Лучше убей, только не терзай душу.

Диалог наш приходил в крайне мирной обстановке, со стороны казалось, по крайней мере, я надеялся на это, что двое приличных людей просто любезничают. Расстояние, примерно в десять шагов от охранников, не давало им слышать, о чём мы тут негромко выясняли отношения.

– Ещё что знаешь?

– Да немного. Автор в отчаянии. Он никак понять не может, кто выкашивает его людей. Ты – его последняя надежда.

– А. До меня кажется доходит, – протянул я задумчиво. – Без тебя ведь здесь не обошлось, верно?

– А что мне оставалось делать? Жить-то хочется.

– Лайе тоже в теме?

– Да эту озабоченную вслепую использовали. Она просто наводила на наших, сама того и не подозревая, дура. А языком мести она страсть как любит, не остановить, если заве-

дётся. Кстати, это от неё я узнал о твоём прибытии.

– Зачем тогда в больницу отвезли? К чему такие сложности?

– Решил, что подыхаешь, вот и подстраховался. Еле уговорил этих. А тупая шлюшка тебя всё равно нашла.

– Так ты же сам медик.

– Нет больше способностей, я же говорил, мозг деградирует, я и себя-то уже контролировать не могу.

Сказав эти слова, Иннокентий Афанасьевич вдруг резко замер и осел на землю. Всё, второй тоже готов.

– Господа, всё в порядке! – я жизнерадостно помахал рукой напрягшимся сопровождающим. – Это первая часть процедуры. Приступаю к исполнению второй.

Что же творится на этой планете? А ведь Лайе тоже врала напропалую про наши успехи, про малое количество смертей. Да кто знает вообще, где тут правда, а где наоборот? Что-то я совсем запутался. Как бы разрубить этот узел?

Ладно, приступим, пришла пора проверить, насколько сильна людская блокировка сознания. У себя, то есть у Александра, я снял её практически без усилий, но то внутри самого носителя. А вот дистанционное подключение... Если не сработает, то это может сегодня хреново закончиться. Но, как ни печально это было признавать, назад дороги уже не было, придётся идти до конца. А концы, что общеизвестно, совершенно все разные, здесь уж как повезёт.

"Проникновение. Снятие блокировки.

Сопряжение. Идентификация.

Аватар: человек землянин Пупков Пётр Алексеевич, 25 лет, специальность ????"

Вышло, твою мать, Петюня на связи, пошли дальше. Неожиданно легко всё началось, зря я боялся. Видимо разница в уровнях интеллекта играет свою роль. А может и выключенное сознание, или всё сразу.

"Аватар – игнорирование. Сопряжение с симбионтом.

Файл Морс Иеди Краст.

Копирование.

Создание нового файла. Имя – Иеди. Распаковка. Удаление старого файла".

Всё, Кеша пустой.

"Запрос на присоединение интеллекта Иеди к интеллекту Блок Кади Пирст.

Одобрено.

Текущий интеллект $666 + 201 = 867$. Внимание, обнаружена возможность подключения к глобальной сети. Поправка – сеть недоступна.

Внимание, обнаружена возможность дистанционного управления сознанием. Поиск абонентов. Абонентов – 0".

А, вот оно в чём дело! Значит, можно всё таки преодолеть человеческую блокировку, всё те же 800+, как и в случае с подключением к глобальной сети. Кто это придумал? Почему же с Петюней получилось установить сопряжение при гораздо меньшем уровне интеллекта? Или степень управления

земным сознанием зависит-таки от меры воздействия? Сопряжение, идентификация, управление – возможно каждый из этих актов доступен лишь на определённом уровне.

Ладно, это подождёт, сейчас главное – оборвать поводок, но там, если Лайе не соврала, надо 900+. Чёрт, всего 33 не хватает. Придётся рисковать и лезть в папку к Локи. Ну что, дружище, надеюсь, твоего показателя хватит для нашего счастья.

"Открытие файла Локи".

Чего?! Да ты охренел что ли, недоумок? 12! Сука, 12 всего! Твою мать! Прости, Глие, но как так то? Что делать теперь? У меня не больше минуты и всё, поводок, возможно, уже натягивается, чтобы послать к чертям весь мой план. Да, беда подкралась откуда не ждали.

Лихорадочно соображая, я всю сканировал другие файлы, но на их открытие и сопряжение времени катастрофически не хватало. И тут меня в очередной раз удивила моя система.

"Внимание. Возможность присоединения количественного показателя интеллекта:

Аватар человек землянин Пупков Пётр Алексеевич, 25 лет, специальность ??? Интеллект 12".

О небо! Они близнецы, что ли, братья по разуму? Наверное поэтому я с такой лёгкостью проник в его мозг. И блокировка не сработала. Хрен с ним, давай, попробуем на тоненького.

"Внимание. Текущий интеллект $666+201+12+12 = 901$.

Внимание. Обнаружено несанкционированное присутствие посторонней программы-вируса. Угроза безопасности. До запуска программы: 00-15 ; 00-14...

Удалить? Да. Нет."

Да, да. Сто раз – да!

"Удаление".

Десять секунд, девять...

"Удаление завершено".

О-о! Наконец-то! Я свободен. Радость-то какая, хоть танцуй. Прощай, Гилтри, не видать тебе моего волосатого тела. Вот только рано пока, мне бы ещё Локи пристроить, я ему несколько обязан всё-таки, а Иеди должен отправиться в небытие. Такая вот моя воля вершителя правосудия. И пусть кто-нибудь попробует сказать, что я не прав.

Но это чуть позже. Теперь самая ответственная процедура – собственно перенос. Ох, боюсь, как бы не потратить на него все силы, а мне ещё с Джонами бодаться.

"Сопряжение.

Аватар человек землянин Пупков Пётр Алексеевич, 25 лет, пол мужской, специальность ??? интеллект 12

Симбионт человек технецианин Гай Локи Семур, 25 лет, пол мужской, специальность ???, уровень 1, интеллект 12.

Резервирование памяти аватара. Создание файла. Имя – Локи.

Синхронизация.

Перенос..."

Несколько минут я тупо тратил ресурсы. Ничего не поде-
лаешь, за всё приходится платить.

Ну всё.

"Удаление старого файла Локи"

Теперь Иеди. Прощай, старый мудака, продавший всех, ко-
го только можно.

"Файл – Иеди – удаление".

Когда я открыл глаза, то увидел несущихся ко мне охран-
ников с пушками наперевес. Намерения у них, судя по все-
му, были самыми недобрыми и решительными. Где ж я про-
кололся? И ведь план-то удался, хоть и с большим трудом,
жалко терять теперь столь тяжело доставшуюся свободу.

Один из них, я уже не помнил кого как зовут, Роберт или
Джон, орал дурным голосом:

– Мы нашли его, это точно он. Номер шесть обнаружен.

Глава 6

О как, они разговаривать умеют, оказывается. Я-то было подумал, что у них такой функции и в помине нет. И к кому он обращался, крича в пустоту о некоем шестом номере? К себе самому, или к своему напарнику? А может послание Гилтри передавал? Только зачем так орать? Но вот раздумывать то сейчас было совсем некогда, наступила последняя часть процедуры и, неизвестно ещё, чем она закончится для меня. На телекинез почти не оставалось ресурсов, так, маленько, поэтому пришлось просить друга о помощи. Медлить нельзя, а то убыют ведь, суки неземные.

"Активация навыков аватара".

Ну всё, я прямо почувствовал, что контроль над телом перешёл к Александру. Вернее, сознание-то осталось моим, а вот действовать самостоятельно, да ещё таким образом, без нужной подготовки, я бы не смог никогда.

Правая рука в это время уже, сама собой, поигрывала трофейным ножом и, видимо, определившись с чем-то, одной ей известным, коротким взмахом отправила его прямо в глазницу ближайшего охранника. Того будто пополам сложило от такой наглости, причём ножичек то был совсем маленький, но, как гласит физика, одна и та же масса, при разной скорости, имеет и разную силу.

Санёк силой обладал в полном объёме, моё почтение ему,

вспомнить хотя бы, вытщенный, из ямы трактор. Поэтому второй, замешкавшийся с докладом наверх, Джон, или Роберт, удивлённо вытаращил зенки на кровавое острие ножа, глядящее на него прямо из затылка собрата по оружию. Ясное дело, это стало для него сущей неожиданностью, да и я, честно говоря, не убивал никогда, поэтому секундное оцепенение слегка накрыло нас обоих.

Но ещё рано было успокаиваться, второй мне нужен живым, хотя бы ненадолго. Вопросыки, вопросыки, а ответов пока что маловато. А как их получить, если вокруг меня постоянно почему-то все умирают?

Ах да, так ведь я же их и убил. Вот незадача-то. Никогда не считал себя кровожадным, но как оставлять в живых тех, кто сам тебе грозитя смертью? Надеяться на то, что совесть разыграет и пробудится раскаяние? Ага, щас! Дождёшься от них. Да и работа у меня теперь такая – аж сам себя бояться начал. Особенно, когда навыки Александра осознал в полной мере.

Отмерли мы так же одновременно. Я вскочил на ноги и, уходя с линии огня, рванул за трактор. Грохнул одиночный выстрел и громила яростно проорал:

– Ты понимаешь, что ты наделал, тварь? Ты, урод, моего брата завалил! Я теперь тебя долго убивать буду!

Снова выстрел. И ещё.

– Сюда иди!

В распахнутом проёме тракторной кабины я, мимоходом,

подцепил небольшой инструмент, который система определила как сапёрную лопатку – специальное приспособление для выкапывания небольших ям и раскалывания черепов врага. Хрена себе, разброс параметров. Всё равно что, к примеру, безалкогольный напиток для утоления жажды и средство для чистки унитазов. Два в одном. Разве такое возможно?

– О не-ет! – продолжал тот горевать тем временем. – Джон, нет! Что я теперь скажу нашей сестре?

Ага, значит это Роберт. Вот и познакомились. Ну ладно, давай ещё потанцуем. Петюня только под ногами путается, вернее, Локи. Ему то что – лежит, отдыхает, а мне отдуваться. Не пристрелили бы ненароком.

Я чуть ли не пинками затолкал парнишку под трактор. Может пронесёт и он не попадёт под недружественный огонь. Будем надеяться. Только бы мне самому уцелеть в этой переделке, одна единственная пуля и всё, конец истории, ещё толком и не начавшейся.

Быдыщ! Быдыщ!

Вот ведь его торкнуло, ну никак не успокоится, дятел с мягким клювом. Чёрт, дались мне эти дятлы. Патроны совсем не бережёт. Почему-то я знал, что их осталось всего три, потом понадобится перезарядка.

– Эй, чего вам всем от меня надо, козлы? – рявкнул я и тут же сменил позицию, поскольку этот резвый переросток моментально среагировал и вновь заговорило его оружие.

Остался один патрон. Присев, я увидел его ноги с другой стороны трактора и решил подойти сзади, иначе мы здесь так и будем кружить до, вечера, а я, между прочим, даже не завтракал ещё, не говоря уже об обеде. Перехватил управление на себя и мысленно взмолился, чтобы мой главный навык не сдох в самый ответственный момент. Конструкция оружия явственно отпечаталась в моём мозге, спасибо боевым навыкам аватара.

– Уважаемый, – позвал его тихонько, пока он выцеливал меня, медленно двигаясь по кругу.

– А-а! – развернувшись, он тут же вскинул ружьё и попытался нажать на курок.

– Не выходит? – спросил я участливо. – Бывает. Дай-ка сюда.

Всё, теперь точно откат. Оружие буквально вырвало у него из рук и ствол уставился теперь уже в его живот. Знакомая ситуация.

"Внимание. До возобновления способностей: 09-59, 09-58...

Рекомендации: приём пищи и жидкости. Уровень выносливости понижен".

Ну вот – я же говорил, систему не обманешь.

– Как? – от удивления он широко разинул рот и попятился.

– Что как?

– Как ты это сделал?

– Да вот так. А вы чё, так не умеете?

Быдыщ!

– А-а! – нет, ну нельзя же реагировать так однообразно на совершенно различные ситуации.

Схватившись за простреленное бедро, грозный и пустоглазый Роберт упал на мёртвого братишку и тихо заскулил. Правда, сейчас в его глазах всё же плескались хоть какие-то эмоции, а то я уже было подумал, что эти два брата совсем уж бездушные болваны.

– Ещё раз задаю тот же вопрос, – я присел на корточки и опёрся на винтовку, как на костыль. – Какого хрена вам всем от меня нужно?

– Зря ты убил Джона, – огрызнулся тот, зажимая рану рукой. Кровь уже пропитала его штанину, но я был уверен что крупные сосуды не задеты. – Теперь ты мой враг.

– Ага, а раньше мы с тобой были друзьями. Вы сами, придурки, не оставили мне выбора. Убивать меня бежали, прям спотыкались.

– Да не было команды на твою ликвидацию, – окрысился он. – Нам было приказано только обездвигить тебя и доставить... куда нужно.

– То-есть связать. А тебе не кажется, что я задолбался уже быть связанным за последние сутки? Ладно, если команды не было, могли хоть издали крикнуть, что намерения у вас вполне дружелюбные, глядишь, всё бы и обошлось? И малыш Джон был бы сейчас жив.

– Да пошёл ты.

– Кстати, что за шестой номер? Кого это вы тут обнаружили?

– А то ты не знаешь?

– Да вот представь себе. Я здесь всего ничего, но все почему то хотят со мной разобраться, словно я им в еду навалил. Кстати, у тебя пожрать ничего нету?

– Нет.

– А попить?

– Да ты издеваешься? – взорвался тот. – Ты убил моего брата. Как ты вообще смог это сделать? Господи, зачем мы согласились на эту командировку? Сидели бы сейчас дома, пили виски и баб лапали. Всё деньги. И теперь Джона нет. 250 лет...

Он вдруг осёкся и посмотрел на меня. Явно сболтнул лишнего.

– Ты про что? Двести пятьдесят лет чего?

– Не твоё дело, – огрызнулся он. – Много будешь знать, долго не проживёшь.

– У меня другое мнение на этот счёт.

– Да мне насрать на твоё мнение.

– Сочувствую. Так что за шестой номер?

– Слушай, мы же просто пехота, у нас очень ограниченный доступ к информации.

– Это ты послушай. Сейчас я тебя, кажется, пытать начну. Вот не хочу, а буду. Я за этот аватар не отвечаю, этот зверюга

всё сам делает.

– И что же ты хочешь выпытать?

– Ну почему мне сегодня встречаются одни дебилы? – теперь уже я взорвался. – Что за номер шесть? Говори уже, или я сейчас вот этим инструментом тебе башку уполовиню. Знаешь, что это такое?

– Сапёрная лопатка.

– Именно.

– Ты один из шести истинных игроков.

– Что ещё за истинные? Что за игра такая?

– Только истинный игрок может заставить сработать сигналку. Всего их шесть должно быть, ты последний. По крайней мере, так говорят. Я не в курсе всего, говорю же, мы с братом просто взяли подработку. Но ты, скорее всего, точно он.

– Да с чего вы взяли то?

– Так у нас же сигналка сработала. Первый раз за всю командировку. Да вообще за последние лет сто, наверное. Чёрт побери, ну какого хера угораздило нас нарваться на истинного? Ох, Джон, сидели бы мы сейчас с виски и бабами...

Опять двадцать пять. Я что то совсем перестал понимать происходящее. Какая игра? Они тут все с ума посходили?

– А причём здесь старик Гридоёбов?

– Чего? – Роберт просто купался в своих несбывшихся посылках с братом Джоном, поэтому сразу не врубился в мой вопрос.

– Хозяин ваш тут каким боком?

– Какой он нам хозяин. Он же из ваших, расходный материал. Всё суетился, канючил, старался полезным быть ради новой жизни. Его просто подложили под тебя, вот и всё. Мы так всех проверяли, нашей задачей было только за сигналкой следить.

– На живца значит ловили?

– Типа того.

– А кто мне подсунул через него эту сказочку?

– Какую ещё?

– Ну, про венец всевластия и всё такое.

– Вот вообще не понимаю о чём ты. Какие тут сказки? Всё по настоящему.

– И кто же вам отдавал приказы? Медарон? Вы кто вообще такие, мать вашу?

– Что? Откуда... – он даже попытался привстать, настолько я его ошарашил. – Ты что-то слишком много знаешь для покойника. Тебе всё равно не жить. Меня-то сейчас вытащат и хрен ты меня узнаешь в новом обличье. А я тебя найду и грохну, как ты Джона, клянусь. Я приду за тобой неожиданно, когда ты уже забудешь, как убил брата, забудешь меня и расслабишься. Жалко, конечно, это тело, я уже свыкся с ним, но неважно, оно уже отслужило своё и можешь не пытаться его реанимировать, после нашего внедрения старое сознание никогда не возвращается.

– Это у вас, у киберов, такой побочный эффект?

– Аум... – похоже, бедняга Роберт чуть не откусил себе язык, или просто, чуть не подавился. – Ты труп! Слышишь? Ты тр...блёрдырахь!!!

Ну а что мне оставалось? Зря я, что ль сапёрную лопатку нашёл? Да и поделать особо ничего не мог. Это всё Александр Шпрот. Его рук дело. Хотя, если задуматься на минуточку, разве можно отпускать таких врагов? Они же не успокоятся никогда.

Ох, что-то мне нехорошо становится. Не с массовых убийств начинать надо жить в новом мире. Да я вообще ничего начинать не собирался. Сидел себе спокойно, мечтал, грустил, злился, чему-то даже радовался иногда и вчера утром ещё и думать не думал, что меня ненавязчиво посолили, поперчили, а котёл уже на огне стоит, дожидается свежего мяса.

И никто не оставил мне выбора.

Тут меня, конечно, маленько потрянуло. А кто бы не затрясся, увидев вокруг окровавленные трупы и, возможно, только сейчас осознав, что всё произошедшее могло пойти и по другому сценарию, с гораздо более печальным исходом. Естественно, самое худшее – это когда тебя убивают, но если вдруг выжил за счёт нескольких чужих смертей, так это ничего, могло же быть и хуже. Остальные не в счёт, ты-то живой пока.

На ватных ногах я вновь подошёл и уселся на автомобильное кресло. Произойди подобная ситуация на Технеции, нас

всех повязали бы уже в самом начале представления. И правых и неправых, тупо загребли бы скопом, а потом долго и нудно разбирались. И это только в том случае, если обошлось без трупов.

Да земляне вообще могут беспределить по полной программе, так ведь выглядит свобода? Делай, что хочешь – кто тебя видит-то? Это когда видят – нельзя, мамка заругает, как сказал бы Петюня, а так можно. Сам-то себя не осудишь.

И тут я вдруг подумал, что всё и вправду ведь могло пойти иначе. Почему Гилтри насильно запихнул меня в свою машину? Мог бы просто объяснить ситуацию, я понятливый. Зачем целое шоу разыграл? И ведь изначально был в курсе моего отношения к подобной проблеме, так к чему разжёт этот огонь? Сделал меня крайним? Раз уж так рассчитывал решить свою проблему с моей помощью, если опять же верить старому пенсионеру Гридоебову. Зазвездился господин бывший учёный, грехов на нём не видно, смотрите-ка, все кругом в говне ковыряются, а он ромашки нюхает на небесах. И чего ты добился, старый дурак? На кого теперь обратится твой полный надежды взор, завоеватель вселенной? Пусть теперь тебе тапки в зубах таскают верные, дрессированные лизоблюды, а я пас.

Ладно, посмотрим что там в характеристиках.

"Аватар: человек землянин Протасов Александр Викторович, 35 лет, специальность вершитель правосудия, уровень 3.

Симбионт: человек технецианин Блок Кади Пирст, ??? лет, специальность вершитель правосудия, уровень 7, интеллект 686".

О как! Санёк получил два уровня, наверное по числу имбуиенных, а я целых три. За деда и за Локи – это понятно, а ещё один за кого? Чего-то чудит моя система. Интеллекта на 20 единиц прибавилось, наверное прощальное наследие от Иеди. Жаль, конечно, было почти две сотни терять, но что теперь поделаешь, моновоз улетел, назад уж не воротишь. Как же теперь к сети подключиться то? Была возможность, да сплыла. Кстати, почему от Лайе интеллекта не добавилось? Побочка нулевого варианта? Хрен знает, возможно.

Гоняя в голове эти невесёлые мысли, я вдруг выцепил взглядом из кучки женских аксессуаров, вываленных из сумки Лайе, телефон. Так вот же средство местного подключения к сети. Привычка – дело вредное. Я-то вообще никогда не пользовался всевозможными приспособлениями, мне это было абсолютно без необходимости – и вот результат. Даже идиот бы сразу догадался, где брать нужную информацию. А я вот не сразу.

Схватив плоский экранчик в руки, недолго повозясь, всё же включил это устройство.

– Так, стоп. Как это возможно вообще? Что значит – нет сети? Эй...

Я зачем-то потряс его, но сеть всё равно не появилась.

Фельдшер Кузьмич что-то тоже говорил про отсутствие связи. Это просто безумие какое-то. Слепая зона? Или слепой лес? Но ведь раньше-то была сеть. Похоже в лесу мне теперь долго делать нечего, да и с выходом на уровень интеллекта 800+ смысла в этом не будет никакого. Хотя, может это временная проблема?

Да уж! На Технеции такое было, в принципе, нереально. Эфир был пронизан волнами цифросвязи настолько густо, насколько это вообще возможно было пронизать. Предположение, что человек мог оказаться в зоне, лишённой сети, было из области совершенно невероятного. Бред какой-то. Зачем вообще людям эти гаджеты, если в экстремальной ситуации от них вдруг не будет никакого проку. Или я чего-то недопонимаю, может здесь специально так устроено? Ну, к примеру, чтобы от властей скрываться и творить свои тёмные делишки, следы преступления прятать. Кстати.

– Куда же мне их теперь девать-то всех?

Я вдруг будто очнулся и оглядел поле битвы моментально протрезвевшим взглядом. Совсем из ума выжил, что ли? Сижу тут, понимаете, зеваю от скуки. Видимо, сказывалось многовековое картонное существование, где забываешь об элементарных вещах. А если какой-нибудь бдительный участковый на трёхколёсной тарантайке уже взял след и, не имея элементарных приборов навигации, тупо идёт на запах? Что же мне делать? Давай, дружище Шпрот, выручай, наверняка же знаешь нужный алгоритм.

Я тут же подорвался, отбросив телефон, и ринулся к краю лужайки с целью исследования доступного периметра. В голове сама собой возникла мысль, что мне нужен глубокий овраг или, на худой конец, канава. Болото бы вообще идеально подошло.

Пять минут рыскания по близлежащим окрестностям привели к следующим результатам: оврагов ноль, канав ноль, болота нет, дышалка сдохла. Да, Александр Викторович, подпустил ты себя маленько, надо бы организм твой в надлежащую форму привести. А то вдруг придётся драпать от неприятеля, а тебя только на пять минут и хватит. Не дело это.

В общем, если нет подходящего ландшафта, то его необходимо создать. Ещё где-то полчаса я потратил на разного рода манипуляции, мимоходом загружая по-прежнему бесчувственного Локи в машину, тщательно перепроверил все детали и, со, ставшим уже привычным: "Прости-господи", отмахнул от груди виртуальных насекомых. Надо было у Павловны всё-таки спросить, что означает сей странный жест. В единственной прочитанной здесь книге об этом не было никакой информации. Скорее всего этот ритуал относился к какой-нибудь древней местной религии или культуре. На Технеции тоже не всегда люди были просвещёнными и грамотными. В стародавние времена ходило несколько верований, но только там не насекомых отгоняли, а показывали друг другу сжатые кулаки с оттопыренными средними паль-

цами. Я уже не помнил, что это значило.

Результатом судорожных метаний и правильного, в моём понимании, расположения трупов, стали несколько трофеев: три телефона, большая связка ключей, маленький пульт от машины и бумажные деньги, а также несколько накренившаяся нервная система. Ну, не привык я к таким вот приключениям. Разберусь с вещами убиенных позднее, как только обстановка из полной шизофрении сменится на более подходящую.

Короче говоря, наступило время бежать отсюда и, желательно, подальше. В пользу этого, пусть позорного, но зато полезного для жизни и здоровья, действия, говорили сразу несколько факторов. Во-первых, я всё таки не мог исключить бдительности местного участкового, если, конечно, его удалось разыскать после панического бегства с территории больницы.

Во-вторых, я не знал на самом деле, да и не мог знать, на какие трюки ещё был способен старикашка Гилтри. Наверняка ведь слегка обиделся из-за Лайе, мог и свою погоню организовать. Послать небольшой карательный отрядик по мою душу. И наверняка послал. Шутка ли – обнулить любимую кровиночку, да ещё окончательно сорваться с поводка. Этот списочек злодеяний, в его понимании, на высшую меру тянет.

И в-третьих – совсем уж непонятная новая сила в лице некоего Медарона, который и не человек вовсе, а вообще –

не пойми кто. Роберт так и не смог прояснить этот вопрос. Может зря я так рано его прибил лопаткой? Хотя он что то вякал там про скорый исход из аватара, да и вряд ли я смог бы вытянуть из него что-то большее, чем уже узнал.

А узнал я очень немногое и, что ещё больше затуманивало известные факты – так это уж совсем безумные речи про игру и истинных игроков. Какая, к чёрту, игра? Что за истинные игроки? Это вообще реальный мир, или я из одной цифры попал в другую? Можно было бы порассуждать подольше на эту тему, но, в отличие от, так называемого, нуль-пространства, как его обозвал Гилтри, здесь присутствовала и смерть и боль, да и всё остальное имело место быть. Так что сомневаться особо не приходилось.

И, наконец, самое страшное в последних двух пунктах было то, что и Гилтри и Медарон точно знали фактическое место проживания моего Александра, кстати, в отличие от меня. По сути дела, мне необходимо было как можно скорее нестись спасать жену и её больного брата. А возможно и кого-то ещё из своего домашнего окружения. Вот только куда?

О, как заговорил. Жену. Я и не видел то её никогда, а вот сердце отчего-то вдруг разнылось и застучало сильнее. Что это, если не любовь? Как-то так получилось, что у меня не было времени на все эти ухаживания и прочую романтику, поэтому с девушками так и не сложилось. Мимолётный секс – это не любовь. Всё равно что в сортир ходил, нужду справил и забыл тут же.

В общем план понятен, только что мне делать с этими двумя персонажами на заднем кресле? По хорошему, надо заехать в укромное местечко и дожидаться, когда Локи очухается. Я ж его не знаю абсолютно, да и он меня в новом обличье не видел, могут возникнуть... некоторые затруднения. То-то он удивился бы, узнав, что стал обладателем нехилого такого куска недвижимости, документики-то я припрятал пока. Тугой рулон свёрнутых в трубочку листов бумаги, был отправлен в один из внутренних карманов куртки. Пусть полежит, потом будем решать, что со всем этим делать. Рано ещё олигархом становиться.

Ну уж и до кучи разобраться со Светланой. Надо как-то возвращать девушку. Молодая совсем, вдруг её дома ждут? Шутка ли – целый месяц пропадала неизвестно где. Хотя..., специальность "шлюха" меня всё таки несколько смущала. Красивая, стерва. Надеюсь, она не такая же сволочь, как Лайе.

Ну, вроде всё. Я ещё раз окинул взглядом место преступления и, вытерев вспотевший лоб, устало влез в машину. Теперь оставалось только вспомнить, как Лайе управлялась со всеми этими педальками и рычагами. Блин, ну почему в списке навыков Александра не нашлось места для управления транспортными средствами? Наверняка ведь они у него были. Передал бы ему сейчас руль, да не ломал голову – ей и так сегодня досталось уже.

Вот тут всё и началось.

Сначала послышался громкий, полный боли, стон, затем слабое шевеление, затем...

– Ой, девка какая-то лежит. Слышь, мужик, а... а я где, а? Мидари но грисст бени таус!

Что?! Это ж мой родной язык.

– Э, чё за дела?! – голос Петюни прозвучал настолько испуганно, что я сам чуть не испугался. – Дели нос тисрань кому!

Я резко обернулся и увидел только спину, панически сбегающего из машины, парнишки.

– Стой, куда? – заорал ему вслед.

– Уйди! Уйди! – продолжал тот. – Уйди из моей головы! Аа, мертвяки! Кровища! Носи трина кусь хули сать! Нет, мамка, не-ет! Караул! Кади, Кади, пери носта бисарь.

– Здесь я, здесь! Эй! Локи, тьфу, Петюня! Короче, оба сюда!

Я вот, честно говоря, вообще сейчас ничего не понял. Это что, опять какая-то непонятная, лютая херня? Что ж за день то такой сегодня? Ну нельзя же наваливать такую кучу на одного человека. По крайней мере сразу. Постепенно всё-таки человечнее, привыкать успеваешь, приспособливаешься. А тут раз – и сразу по уши.

Петюня тем временем катался по земле и, насколько я смог понять, дрался сам с собой. Ну, наверное, так должны были называться все эти хватания руками за шиворот и, следующие за ними, шлепки то по одной щеке, то по другой.

– Отвали, сказал, я тебя щас... Бриол синда гонр пидерис! Чё, кого ты там пидаром назвал? Туби, туби насри! Да я щас сам на тебя наср... Кади, Кади, мери Локи, ау!

– А ну, оба заткнулись! – рявкнул я, не выдержав. – Встать, я сказал! Руки по швам!

Локи-Петюня немедленно подскочил, вытянул руки вдоль тела, но ноги его будто продолжали жить собственной жизнью – то одной, то другой ногой он продолжал пинать себя по голени. Глаза же метались от меня к куче мёртвых тел, живописно расположенных неподалёку.

– Так, туда не пялиться! Ничего интересного там нет, подумаешь, три трупа валяются. Что непонятно?

Наконец до него (них?) дошло. Где же я так накосячил-то? Почему вместо замещения сознания, произошло слияние? Похоже на то, что в этом трясущемся, невысоком организме живут теперь две равнозначные личности. Видимо, их абсолютная идентичность по всем параметрам, ввела систему в заблуждение и, не выбрав нужный и, что самое главное, единственный вариант, она просто взяла и оставила оба. Наверное в мозгу гражданина Пупкова ещё немало могло поместиться таких вот невеликих, не обременённых интеллектом, сознаний. Ветру там дуть не мешало ничего. Пустота, да и только. Глие, дорогой мой человек, кого же ты мне подсунула? Выходит, за Петюню-то система мне и накинула ещё один уровень.

Однако, если рассудить здраво, то случай уникальный, до

этого была возможность в мозге существовать только одному активированному сознанию, второму попросту не находилось места. Тут есть над чем подумать, возможно, это случайное открытие сможет натолкнуть меня на довольно интересные размышления.

Только вот с переводом совсем беда. Видимо, он был встроенным лишь у жителей виртуального мира. Надо решать эту проблему, причём незамедлительно, да и валить к такой-то матери. Но вот как вырубить Пупкова-Семура опять? Причём обоих сразу.

Я мысленно усмехнулся и поманил парня к себе пальцем. Тот, как замороженный, продолжал шевелить губами, всё ещё ведя внутренний диалог сам с собой и, чисто на автомате, сделал ко мне первый шаг.

"О небо, как бы не сдохнуть сегодня от жажды и голода". — подумал я, доставая из кармана электрошокер и, как можно менее кровожадно, улыбнулся.

Встроить программу переводчик симбионту оказалось проще-простого. У моего подопечного даже интеллект на единицу вырос. Как бы не загордился потом, узнав что умнее аватара. Петюня этого точно не переживёт. С другой стороны, насколько я знал, Локи совсем не употреблял алкоголь, Глие рассказывала о каком-то мудрёном заболевании, случай малоизученный, по причине невероятной редкости появления. Как бы его не пригробил Петюня своим пьянством. Хотя организм-то другой, значит и болезни должны

быть другие. Посмотрим по ходу действия.

Тут опасность в ином совсем – этот деревенский недо-росль слишком языком болтать любит. Как начнёт трещать на всех углах про инопланетное вторжение, что делать тогда? В родной деревне ему точно не поверят, скорее скажут, мол, всё, допился малый до сумасшествия. Но я точно не соби-рался появляться там больше, а Локи отпустить от себя ни в коем случае нельзя – пропадёт. Я хоть и не обещал его ма-тери ничего такого, но совесть то замучает. Придётся таскать это двуликое чудо с собой, будет племянником, только для начала надо будет обоим мозги вправить, да так, чтобы не сподобились опозорить меня перед женой и её родственни-ками. Ну или моими, у меня ведь есть родственники? Мама, папа там, сёстры, братья.

Ох, ё..., я только сейчас понял, что ничего про своего Александра не знаю, кроме того, конечно, что поведала мне Лайе. И думай теперь, что в её словах правда, а что нет. Мож-ет всё на самом деле было совсем не так, как она тут мне расписывала. В больнице вон докторам так на уши присела – заслушаешься. Сказки на ходу сочиняет. Сочиняла. Мда, те-перь уж точно спросить не у кого, придётся в роль вживаться прямо на ходу.

Стиснув зубы, я даже простонал, чувствуя огромную жа-лость к себе самому. Вот за что мне всё это? Долбаный Гил-три, чтоб ты сдох, зараза такая!

Отвернувшись от лежащего на земле тела близнецов по

разуму, я снова застыл. Тыфу ты, ещё и Светлана! Совсем забыл о ней. Ладно, пока подопечные отдыхают, пойду посмотрю, что можно сделать. Что-то эта девушка долго без сознания, в моём понимании это уже чересчур. Я прочухался за десять минут, а она лежит уже часа полтора, не меньше. Лайе со свистом улетела к приёмному папаше, значит вскоре и её жертва должна очнуться была. Но почему-то до сих пор не очнулась, хотя дыхание было ровным, да и выглядела девушка совершенно здоровым человеком.

"Идентификация...

Невозможно идентифицировать...

Файл повреждён...

Восстановление невозможно".

– Чего? – я же точно помнил, что система определила аватар, как Болотникову Светлану Игоревну, тридцати лет от роду, шлюху по профессии. – Не может быть. Твою мать, да как так-то? Вот за что мне всё это?

Я пока ещё отказывался верить в догадку, блеснувшую в моей голове. Разбираясь с симбионтом, я возможно – это только гипотеза, случайно зацепил файл аватара. Злой был сильно, где то не углядел, что то упустил. Не знаю, по какому принципу Гилтри подсеял своих выкормышей, но что-то в его способе было не так. Что-то привязывало симбионта к файлу носителя, правда, непонятно для чего. Хотя, если посмотреть немного глубже, можно было бы предположить, что некоторое сопряжение с сознанием человека – носителя

всё же требовалось. Моторика, двигательные, речевые функции, плюс физиология...

Так, стоп, если эта несчастная подверглась воздействию нулевого варианта хотя бы частично, то получается, что... О нет. У меня в очередной раз начали подкашиваться ноги.

– Ты прости меня. – произнёс я тихо. – Я не хотел.

Усевшись рядом с ней на заднее кресло, я прижал её голову к себе и вдруг ощутил предательскую влагу на лице. Это что – слёзы? В другой раз я бы только порадовался тому, что снова чувствую, но почему-то радоваться не хотелось совершенно. Я своими руками стёр часть функций невинного человека. Ни навыки Александра, которыми я не мог управлять на все сто, по крайней мере пока, ни любые другие, не зависящие от меня обстоятельства, не были причиной её смерти.

Это полностью моя вина. Спешил отомстить, очень хотел провернуть всё побыстрее – пусть, мол, отец с дочкой пострадают за все свои прегрешения. И не заметил, что параллельно, ослеплённый своей яростью, просто так, походя, убивал человека. Которого "лучшие люди" моей расы взяли и использовали. Возможно, я всё равно ничего не смог бы предпринять для спасения девушки, но попробовал хотя бы более щадящий вариант изгнания демона из её головы. Хотя, по сути, я и сам являлся таким же демоном.

Как же было хреново. Я никогда не ощущал себя настолько виноватым вообще ни перед кем.

– Что же я натворил-то? – пробубнил я гнусаво, одной рукой баюкая свою невольную жертву, а другой вытирая слёзы с лица. Они катились вниз, соскальзывали по усам, бороде и падали ей на грудь. Что такое со мной? Ведь несколько веков подряд я не испытывал ничего подобного. Это было настолько странное ощущение, что я вдруг подумал, что вот сейчас, как в древних сказках, должно произойти нечто волшебное, способное воскресить спящую красавицу. А вдруг это не слёзы текут из глаз, а живая вода?

Нет, сказочка не удалась. Видно, слёзы Александра тоже были смертельно опасными, поскольку Светлана не вскочила и, радостно засмеявшись, не убежала в закат. Сознание её умерло окончательно.

– Но я тебя здесь всё равно не брошу. – пообещал я ей и послал системе запрос на расконсервацию файла, где до сей поры хранилось сознание единственной женщины, с которой мне удалось сделать слепок.

"Расконсервация

Сторн Милие Мастр, человек технецианка, 89 лет, специальность ???, уровень 1, интеллект 120".

А дай-ка я, бабуля, двадцатку интеллекта отщипну себе за труды, тебе и сотни хватит. Тут вон некоторые и с 12 единицами себя прекрасно чувствуют, так что это справедливо, я думаю.

"Глубокая консервация файла аватара. (Попробую чтонибудь сделать позже).

Сопряжение.

Создание нового файла – Милие.

Подготовка процедуры.

Дополнение – программа переводчик.

Перенос..."

Ну вот и всё, снова откат сорок минут, плюс очередные рекомендации от системы в плане, мол, неплохо бы и подкрепиться. Да я уже и сам, без её подсказок, зверски хотел жрать и пить. Хоть иди кору на деревьях обгладывай. Или эти пресловутые грибы ищи, пусть хоть ядовитые, было бы чем набить брюхо. Завтрака так и не было, обед я тоже пропустил, может быть на ужин хоть что-то обломится?

Зато плюс ещё один уровень. Интересно, они хоть что то значат, или так – красоты ради? Пока складывается такое ощущение, что это, просто-напросто, счётчик достижений, а не показатель развития. Хотя, возможно, в дальнейшем я смогу понять смысл сего счёта, может, он пока скрыт от меня. Другие технициане вон вообще не подозревают об этих уровнях и ничего, выживают как-то.

– Мужик-ик, – донеслось снаружи. – Эй, ты что со мной сделал-то?

– Твою ж мать! Где эта страшная обезьяна? Охренеть, она ещё и разговаривала.

– Это чё вообще твориться то? Я где? А мамка?

– Это я где? Ты кто такой вообще? Почему я тебя слышу?
Ты не Кади.

– Петюня я, а ты кто?

– Локи.

– Привет, Локи...

Ну вот – вторая серия. Слава богу, хоть переводчик заработал. Так значит Локи принял меня за говорящую обезьяну? Ну, ничего удивительного, я сам, когда в первый раз увидел своё отражение в зеркале, чуть не обделался от страха. Интересно, как теперь ещё старушка Милие отреагирует? Сердце-то у неё теперь молодое, а вот нервишки старые, слабые. Наверное.

– Так, подошли, тьфу, подойди сюда. Оба.

– А-а, вот она!

– Эй, мужик, чё за фигня происходит?

– Короче! – я слегка прикрикнул и, два в одном, отпрянув, споткнувшись о торчащий из земли корень и грохнувшись на задницу. Чёрт, как же мне теперь обращаться-то к нему, к ним? – Объясняю один раз, во второй буду уже бить. Всё понятно?

– Ага, ага.

– Да, да.

– Значит так. Петюня, руку подними.

Поднялась правая.

– Ты теперь работаешь на меня. Будешь жить в моём доме и выполнять всё, что скажу. Понятно пока? Работа, работа. Так лучше?

– Ага. А мамке расскажем?

– Потом. Всё потом. Приедешь к ней на личном тракторе.

– Нет, чё? Серьёзно? И зарплата будет?

Знал бы ты, Петюня, что за богатство тебе привалило, забыл бы сразу про зарплату. Только во нафига дятлу кактус? Ему и берёзы хватит. Тьфу ты, снова эти дятлы. И почему они меня всё время преследуют?

– Будет. Теперь Локи. Подними руку.

Теперь вверх неуверенно поползла левая.

– Чтобы исключить недопонимание, сразу скажу. Кади – это я.

– Врёшь, обезьяна. Кади я видел. Волосатых людей не бывает.

– Мы не у себя дома, Локи. Это вообще другая планета. Короче, чтобы время не терять попусту – иди-ка ты сюда.

– Зачем? – тот неуверенно начал подниматься на ноги, попутно отряхивая пятую точку.

– Хватит меня за жопу лапать! Я не такой, понял?

– Нужен ты мне был! Я сам не такой. В смысле, какой – не такой?

– Сюда иди уже, – пришлось снова повесить голос.

– Да иду, иду. Чего надо?

– Вот зеркало на машине. Нагнись и посмотри в него?

– Нахрена это? Чего я там не видел?

Видно было, что даже со своим невысоким интеллектом, парнишка, похоже, смекнул уже, что всё происходящее никак не укладывается в привычную картину. Без предвари-

тельной подготовки любой человек запаникует. Слава богу, у сынишки Глие мозгов маловато, а то откачивать бы пришлось. А так просто заорал, будто его режут и, спустя минуту, уже пришёл в себя.

– Это чё, я теперь тоже обезьяна?

– Сам ты обезьяна.

– А я чё сказал?

– Ну так про меня же. А я Петюня.

– Ну и про тебя тоже. Охренеть. Так ты и правда Кади?

Не врёшь?

– Нет. Откуда бы ты взялся тогда?

– Ну, наверное. А где мы? Мама где?

– Все погибли, сынок. И Глие тоже. Технеции больше нет.

Мы на Земле. Вообще в другой вселенной.

– Как погибла? Мне она сказала, что тоже... – Локи зашмыгал носом. – Сказала, что за мной следом, что ты обещал.

– Блин, чувак, не реви, я ведь тоже реву. – Петюня продолжил его начинание. – А у меня мамка живая. Хочешь, я тебя с ней познакомлю? Правда, она ругаться будет...

– Так она тебе не сказала ничего? – догадался я.

– Чего не сказала?

– Что она и не собиралась спасаться, только за тебя просила.

– Ма... – всхлипнул тот.

– Локи, братан, ты это... держись. Если чё, я завсегда...

Ты скажи только.

– Спасибо, Петюня. Это чё же, один я теперь остался, да?

– Ты чего, я ж с тобой теперь. Ну, или ты со мной...

Ладно, оставлю их одних пока, там, видимо, полная идиллия. Эти двое уж точно общий язык найдут. Хотя чего там искать, он теперь у них и так общий.

Мне уже осточертела эта локация, поэтому я решительно вознамерился валить отсюда, как можно быстрее. Для этого надо было и сделать то всего ничего – усадить в машину всех оставшихся в живых и, желательно без особых потерь, вырулить на более-менее приличную дорогу. Глядишь, гденибудь и сеть поймается, хватит уже негатива. За последние сутки приключений у меня было больше, чем за несколько последних веков. Пауза нужна как воздух. И глоток воды и...

Я вдруг резко остановился и уставился в круглые от испуга глаза. Они сейчас почему то затмили весь остальной облик девушки, выглядывающей из-за трактора. И когда из машины выбраться успела?

– Так, даже не думайте орать! – почему-то сам заорал я и выбросил вперёд, в предупредительном жесте, правую руку. Чего это я на "вы"? Я тут вообще самый старый, если что. – Предупреждаю сразу, мне это уже надоело, если и вы ещё истерики устраивать начнёте, я просто пойду и повешусь. Сношайтесь тут сами, как хотите.

– Я, наверное, всё-таки умерла, да? – спросила сообразительная старушка, впрочем, выглядевшая сейчас как, чуть

помятая, звезда телешоу. – Ты проводник мёртвых? Вот так и знала, что есть жизнь после смерти, мне бабушка рассказывала. А ей её бабушка. Слава Фаланге.

И она продемонстрировала мне сжатый кулачок с оттопыренным средним пальцем. Твою мать! Я сегодня нормальных людей увижу вообще?

– Милие, кажется? – я мысленно досчитал до десяти. – Вы живы. То есть, как бы не совсем вы, но сознание ваше сейчас не с мёртвыми. На лежащих не обращайте внимания, они все были плохие люди. Лучше посмотрите вон на того юношу, который балуется с... каким то предметом. Так вот, это Локи, ваш сосед. Ну, то есть не совсем, конечно, Локи, но, наполовину точно он. Да и я абсолютно живой – вот, можете меня потрогать. Я Кади, помните такого?

– А чего ж вы такие страшные, как обезьяны?

– Твою ма-ать, – простонал я и уселся на карачки, обхватив голову руками. Просил же...

– А я говорю тебе, горючка что надо, – донёсся Петюнин голос. – Ты чего, зажигалки не видал никогда?

– Какая горючка? Чё ты гонишь-то. Топливо твёрдое, а тут чё?

– Ха, деревня! А ещё пришелец. Вы чё, там на дровах ездите?

– Какие ещё дрова? Это чё, вообще, такое?

– Какие дрова? Деревянные, какие же ещё?

– С ума сошёл? За дерево убьют и фамилии не спросят.

– Это я сошёл? Видал канистру? Дмитрич всегда с собой возит.

– И чё? Ну вижу.

– Во, гляди, щас открою. Тьфу ты, чёрт криворукий, пролил всю.

– Это не я.

– А кто – я что ли?

– А чё так воняет-то?

– Да пофиг, что воняет, зато как горит. Ладно, поджига...

– Не-ет! – заорал я, подскакивая на месте, но было уже поздно.

Вспыхнуло молниеносно и весело. Петюня еле успел отскочить в сторону с диким криком: "ГАЗЫ!", и тут же пронёсся мимо меня, чуть не сбив с ног, замороженно глядящую на разгорающееся пламя, девушку-старушку. Пришлось подхватить её, перекинуть через плечо и рвануть вслед за ним.

– Стой, придурок! – прокричал вслед мелкому поганцу-поджигателю, да где там. Видимо, каждая из его личностей решила, что команда и оскорбление относится не к нему. – Какие газы?

Продирались сквозь бурелом, ветки хлестали по лицу и, соответственно, по аппетитному заду престарелой поклонницы святой Фаланги. Я то думал, на Технеции давно уже изжили эти предрассудки, но вот – живое тому опровержение висит на моём плече и, судя по всему, даже испытывает

некий кайф от свиста упругих хворостин, жарящих ей пятую точку. Она что, ещё и извращенка? Это же больно – веткой по заднице.

Позади громко бухнул взрыв и сотни лесных птиц тут же сорвались с веток, воплями выражая своё негодование. Нет, так-то довольно красиво, живая природа, лесные звуки, синее небо, но...

Кабздец трактору. Вся моя работа насмарку. Я так тщательно продумывал композицию из трупов, но теперь, видимо, огонь жёстко внесёт в неё свои коррективы. Не успел я подумать об этом, как бахнул ещё один взрыв. А это что? Машине тоже конец? Ну, Петюня! Зря тебя всё-таки не прибили возле больницы.

Бежали мы не очень долго, но, и этого хватило на то, чтобы лёгкие вновь запротестовали подобному с ними обращению. Да и, мирно сопящая у меня на плече, попутчица, с каждой секундой становилась отчего-то всё тяжелее и тяжелее.

Из последних сил я вырвался-таки на более менее чистое от кустарников пространство и без сил рухнул на землю. Милие тоже кубарем прокатилась по траве.

– Петь... – дышалкой надо срочно начинать заниматься. – ...тюня, сука! Ты где?

– Эй, Кади, – тот настороженно высунул свою гнусную, красную харю из-за ближайшего куста. – Это ты?

– Локи? А Петюня далеко там? Позови-ка его.

– Кади, Локи? – Милие удивлённо переводила взгляд с

одного на другого. – Так это всё-таки вы, мальчики? Так мы и вправду живы? Но... где мы? Что это за место? Святая Фаланга, куда же это меня занесло?

– Да что же это за фаланга такая?

Я снова простонал и обессиленно откинулся на спину. Всё, пока не трогайте меня, иначе я за себя не ручаюсь. Буду просто лежать и пялиться на облака в резной рамке из крон деревьев. Какое же красивое небо...

Глава 7

Несколько тысяч лет назад, в самом начале космической эры, когда человечество только-только научилось создавать самые примитивные космолёты, было одно племя. Изгои. Кочевники. Отрицая саму суть технического прогресса, члены этого племени продолжали поклоняться древнему богу Балли. Ничто не могло заставить их трудиться на благо других, поскольку труд этот был ими презираем. Воровство и обман – в этом они были мастера.

Приходя на чужие земли, эти люди быстро вливались в местное общество, лестью и уговорами прокладывая себе путь к сердцам доверчивых граждан. И за короткое время становились незаменимой частью населения государства. Ведь они так сладко пели, красиво говорили, да и вообще вызывали лишь симпатию и восхищение.

Однако, спустя некоторое время после их появления, люди начинали замечать, что те, совсем не прикладывая усилий, вообще не работая, постепенно пролезали во власть и начинали уже диктовать свою волю народу, который их приютит. Что те средства, ради зарабатывания которых каждый приложил все силы, текут полноводной рекой им в карманы.

И тогда люд, пылающий праведным гневом, вставал, как один и изгонял этих паразитов, а заодно и тех их прихлебателей, которые ради наживы предавали своих.

И вновь племя шло всё дальше и дальше, наводя смуту на своём пути. То там, то здесь, с разным успехом, они продолжали зарабатывать таким образом деньги и дурную славу. В конце концов во всём мире не нашлось уголка, где бы они не отметились своим поганым появлением.

Но время шло. И за многие десятки, а то и сотни лет, вырастали новые, более продвинутые поколения людей этого племени. Те, кто уже более пристально вглядывался в небо и стремился к прогрессу. Однако косность и дремучесть старейшин гасила это разгорающееся пламя уже в самом зародыше. Сама мысль о проникновении в их замкнутый мирок науки и техники была им ненавистна.

И тогда нашёлся один человек, который осмелился бросить вызов Совету предков. Те долго выслушивали его доводы и, наконец, самый древний и самый хитрый жрец дал ему невыполнимое задание. Мол, есть одно сложнейшее техническое устройство из внешнего мира, которое невозможно активировать и, если ему это удастся, то Совет пересмотрит свои взгляды. А не удастся – пусть пеняет на себя.

Человека звали Факи и он выдвинул своё условие – чтобы активация происходила при всём племени. О, это был выдающийся сын своего народа. Даже смертельный риск и возможность лишиться жизни не смогли остановить его.

И вот настал тот день и час. Племя собралось почти всё, лишь глубокие старики и младенцы не смогли присутствовать на этом празднике. Люди ведь в своей массе все такие,

независимо от вероисповедания, любят плясать и веселиться. Поэтому, когда устройство вынесли на центр площади, все уже успели забыть о причине, по которой их всех собрали в это утро.

Но ничто не могло остановить Факи. Хотя хитрый жрец и вынул ключ-активатор, наш герой всё же смог отыскать нужное отверстие. И перед ним встал нелёгкий выбор – попытаться замкнуть контакт, или отказаться от своей затеи, на радость старым жрецам и на потеху публике.

Что за мысли были в его голове в эти роковые минуты, так никто никогда и не узнал. Но когда Совет собрался было уже объявить его проигравшим, Факи сделал то, что никто от него не ожидал. Он просто сунул средний палец в отверстие.

История не сохранила его последние слова, но громкий крик и проклятья услышали многие. Старейшины были посрамлены, ведь устройство активировалось. Только Факи исчез. Остались только трусы и тапки. И ещё маленький кусочек пальца, плоть его, свидетельствующая о том, что, хоть он и вознёсся на небеса, часть его всё равно осталась с теми, ради кого он и принёс себя в жертву. Жертву, равной которой не было ещё в этом племени. А вещи, оставленные им в момент вознесения, стали святынями, почитаемыми всеми, кто уверовал в его бессмертие.

И с тех пор миллионы Граждан Технеции чтут память об этом великом человеке, приветствуя друг друга средним пальцем. Слава о его подвиге разнеслась по всему миру и

миллионы желающих присоединились к этому почитанию. Люди всегда неравнодушны к героям. Слава Фаланге!

– Так почему только фаланге? – спросил я, когда Милие, наконец, закончила свой рассказ.

– Ну, наверное из за оставшегося куска пальца, – девушка немного смутилась, видимо, не сильно была в теме.

– Охренеть, – зевнув, заметил я. – Человек пожертвовал своей жизнью, пошёл против правителей, но почитают почему то палец. Где логика?

– Логике нет места, когда дело касается чуда. Ведь оно само по себе нелогично.

– Послушай, Милие, этот парень просто сунул палец в дырку и сгорел от высокого напряжения. Может это был какой-нибудь, ну не знаю, высоковольтный разрядник. Или жрецы специально подстроили его гибель. Да что угодно могло произойти, знаю я одного старого маньяка, извращенец тот ещё. Где здесь чудо?

– Это так, но ведь одежда и палец остались. Почему не сгорели вместе с ним? Кстати, имя его тоже славили. Факи юис! И пальцевое приветствие. Все были счастливы. Нашлись, конечно, неверующие, говорили, что он случайно попал пальцем в отверстие, или, что вообще кошунство, сбежал с той площади и чуда никакого не было. В первую очередь, это были сами жрецы и их приспешники. Но остальные-то поверили, ведь он пострадал ради прогресса и всеобщего развития. Поэтому в праведном гневe толпа казнила всех несогласных

прямо там, на площади. Её потом так и называли – Факидром. А факинаты, то есть почитатели, съезжались потом на эту площадь со всего света и устраивали памятные празднования в его честь. Ну разве это не прекрасно?

– Интересная сказка, – согласился я. – Хотя я краем уха слышал когда-то, что и внутри самих этих факинатов были разногласия.

– Да, – печально сказала Милие. – Сначала все долго спорили, с правой или левой руки остался палец Факи. В конце концов общество раскололось на два непримиримых лагеря. Одни, кроме самого бога, начали почитать ещё и его мать, ведь это она дала его миру. Они салютовали правой рукой с девизом: "Мазе Факи". Мать бога, значит. Ну а про вторых я уже говорила – левая рука и: "Факи юис". Один бог.

– А у нас тоже есть бог, – влез Петюня. – Он добрый и справедливый. А ваш плохой.

– Это почему же? – удивилась девушка.

– Потому что средний палец могут только одни мудаки показывать другим мудакам. Не может нормальный бог быть таким.

– А я вообще никаких богов не знаю, – это уже Локи, по видимому. – А если бы и были, то почему тогда у нас все умерли? А? И мама тоже. Почему тётка Милие живая, хотя и старая была совсем, а мама нет?

Поди ты, с интеллектом не в ладах, а какие вопросы задаёт. Да и Петюня слегка удивил. Я то уж было подумал, что он

совсем конченный, ан нет, есть в нём что-то настоящее. Хотя радоваться рано, прямо печёнкой чую, от этих двоих можно ожидать чего угодно. А вот сюрпризы за последние сутки я почему-то совсем разлюбил.

– А у вас, Петя, какая религия? – спросила девушка. – Мне просто интересно, ведь не может же быть, чтобы у вас на Земле её не было.

– Да хрен знает, – ответил тот. – Я-то не верю ни во что, а вот бабки старые говорят, что был чувак, которого на кресте распяли.

– За что?

– Так откуда я знаю?

– Вообще ничего не можешь пояснить?

– Ну, короче, люди распяли бога на деревянном кресте и он за всех пострадал.

– И что?

– И всё. После этого все креститься начали. Вот так.

И Петюня показал то, чем всё время пользовалась Павловна. Наконец то я понял, откуда взялся этот жест.

– Крест? – спросила Милие. – Очень романтично. И что дальше было?

– Откуда я знаю?

– Это очень странно, – сказала девушка, так и не дождавшись продолжения.

Я догадался, что Петюня исчерпал все свои познания в местном древнем фольклоре, поэтому переключил внима-

ние любопытной факинатки на себя. Что-то уж слишком близко к сердцу принимала она все рассуждения о роли богов в жизни простых обывателей. Как будто этим богам до людей вообще когда-нибудь дело было.

– И что же ты хочешь выяснить у этого юноши? – спросил я её.

– На самом деле, всё очень странно.

– Что именно?

– Как люди могли распять бога? Это всё равно, как если б муравьи вдруг решили солнце распять. Интересно, смогли бы они это сделать, или всё-таки нет? Где муравейник, а где солнце?

– Ну распяли и что?

– Значит не бог это был, а такой же муравей, как и они сами. Просто возомнил о себе невесть что. Так бывает. А в соседнем муравейнике нашлись те, кто превознёс его до небес. И стали поклоняться, как герою.

– Тебе-то не всё равно? Кстати – Факи твой ведь тоже обыкновенным человеком был и что? Нашлись эти, как их – факинаты, которые, недолго думая, взяли и начали прославлять его. Люди, наверное, везде одинаковые, что здесь, что на Технеции. Ну не могут они без того, чтобы не поклоняться кому-то, такая уж натура.

– Факи пострадал для других, поэтому и стал для них божеством.

– Да, это очень удобно, когда за тебя кто-то страдает. А

сам вроде как и не при делах. Ну и в награду за это назначим-ка мы этого героя богом, вознесём почести раз в неделю и успокоимся. Пусть и дальше страдает, а мы ему храмы построим, обзовём детей в его честь, споём грустную, заунывную песенку. И всё – жизнь удалась, бог где-то там о тебе позаботится, можно расслабиться и продолжать получать удовольствие. Класс.

– Всё равно что-то такое есть, – упрямо возразила девушка. – Просто не может не быть.

Мы кое-как плелись по нехоженным дебрям и, как оказалось, я совсем не ориентировался в лесу. Не говоря об уж просто незнакомой местности. Нет, один то ориентир был – столб чёрного дыма за нашими спинами. Только за высоченными деревьями виден он был не очень отчётливо, так что путь наш выходил и кривым и, как оказалось чуть погодя, совершенно напрасным. Поскольку спустя где-то час с начала бегства с места происшествия, мы вновь оказались на той самой небольшой лужайке, где я, в смертной тоске, лёжа рассматривал небо и готовил план по убийству Петюни. Только как его теперь убьёшь? А Локи куда девать тогда? Да, дилемма...

На наше счастье, глобального пожара не случилось, топливо быстро выжгло вокруг эпицентра траву и только нещадно чадили два автоагрегата, деревья, к моей радости, совсем не пострадали. Даже трупы поверженного неприятеля остались практически нетронутыми, поскольку лежали в некото-

ром отдалении и огонь не смог перекинуться через поваленное дерево, чтобы пожрать их тела.

– Леший водит, – уверенно сказал Петюня. – Я точно знаю. У нас в деревне бабка одна есть, проти-ивная, сад свой стережёт и днём и ночью. Как ни залезешь за грушами, так она уж бежит. Ну как бежит. Я-то быстрее всё равно, но разок всё-таки огрѐб граблями по хребтушке. Майку порвала, старая клюшка, мамка ох как ругалась.

– И чѐ?

– Да подожди, Локи. Эта бабка в лес пошла. И пропала. Ох, я груш нажрался. Там ещё яблоки были, только они невкусные, кислятина.

– Дальше, дальше то чего?

– Три дня пропадала, все уж собрались искать идти, да только куда? Лес-то вон какой. Только потом она сама припёрлась, ха, а груш то почти и нету уже. Я потом тоже три дня пропадал.

– Где это? Тоже в лесу?

– Нее, из сортира не вылезил. Мамка ругалась. А я-то что сделаю? Это всё огурцы.

– Какие огурцы?

– Зелѐные, какие же ещё. Вкусные. Да и собаку покормить надо было.

– Какую собаку?

– Так бабкину. Сама-то пропала, а пѐс на привязи в конуре. Я ему и таскал еду, а то так и сдох бы с голоду. А сам

огурцы ел и груши. Чего добру пропадать-то? Бабка то ли вернётся, а то ли нет, а огород – он ухода требует.

– Ну а леший-то тут причём? Кто это вообще такой.

– А! Ну так он её три дня и водил по лесу. Мужик это страшный, в лесу живёт и людей пугает. Она сама говорила соседке, а я подслушивал. Только не до конца, меня опять приспичило. Еле добёг тогда, хорошо, что успел. А то мамка, наверное, и побила бы ещё.

– Чё-то я раздумал уже с твоей мамкой знакомиться. Меня вот моя не била. Ругала иногда, но так, у неё никогда не получалось. Она у меня добрая... была.

– Да моя тоже добрая, это я дебил.

Господи, мне теперь до конца дней возиться с эти двуликим чудом? Хотя складывалось уже такое впечатление, что пусть разума у них два, но пройдёт ещё немного времени и один окончательно растворится в другом, настолько схожие были типажи. В чём-то Гилтри был, однозначно, прав – всё имеет свою пару.

– Надо убираться отсюда, – сказал я безнадёжным голосом.

– Куда? – спросила Милие, устало привалившись к стволу дерева и с интересом разглядывая муравья, который деловито полз по её руке.

– Куда – я точно знаю. Надо попасть ко мне домой, там жена со своим братом и, скорее всего, им угрожает опасность.

– Ну так пошли, чего ждать?

– Да в том-то и дело, что я не знаю, где живу.

– Так в паспорте прописка есть, – радостно заявил Петюня. – У меня точно, а про тебя не знаю. Пришельцев вроде не прописывают.

– Не всегда же я пришельцем был, – спохватился я и выудил из внутреннего кармана два краснокожих документа. – Так, это тебе, – протянул один из них Милие, – а вот это мой. Только без карты эти знания ничего не стоят, а связи тут нет. Петюня, ты в картах понимаешь чтонибудь?

– Неа, – довольным голосом возвестил тот. – Зато я знаю, где связь найти.

– Это где же? – удивился я.

– Знаю, где вышка стоит. Я как-то раз залез на неё, интересно ведь, я только одну штуку отодрал и связь почему то пропала, а чинить так никто и не приехал. Вот если починить, то и связь будет. Только штука эта у меня дома валяется, красивая такая, я её специально спрятал, чтобы мамка не заругалась.

– Значит я теперь Светлана Игоревна, – задумчиво проворкотала Милие. – Ну, если попривыкнуть, то вроде и не такая уж обезьяна. Тридцать лет. О, как же здорово вновь ощущать себя молодой и... не такой уж и страшной. Спасибо тебе, Кади.

Знала бы ты, бабушка, что не меня надо благодарить и какую цену заплатила настоящая Света за твою радость. И если бы не несчастье, на которое я обрёл эту девушку, сидеть

бы тебе взаперти ещё неведомо сколько.

– Так ты на вышку залезал? – спросил уже Локи. – Ну ты крутой. Я вот боюсь высоты, ни за что бы не полез.

– Хо-хо, братан, теперь ты будешь лазить где угодно, это я обещаю.

– Может не надо? Вдруг голова закружится, упадём ещё.

– Не ссы, я везучий, знаешь, сколько раз падал и ничего – живой. Ни одного перелома, головой только раза три стукнулся и всё.

– Так где вышка? – прервал я их трёп. – Довести сможешь?

– Конечно, смогу. Надо только от деревни начинать идти, я только оттуда дорогу знаю.

– Тьфу-ты, чёрт! – в сердцах ругнулся я. – А деревню свою теперь сможешь найти? Мы вон целый час плутали и опять здесь. Да и штуку эту красивую забрать надо.

– Так а чего её искать? – удивился Петюня. – У трактора знаешь колёса какие? Во! – он развёл руки на всю ширину.

– При чём здесь трактор?

– Так по следам и на дорогу выйдем, а там рукой подать.

Нет, Петюня, это не ты debil. Debil – это я. Вот только очень уж не хотелось опять в деревню возвращаться. Примелькались мы там. А тут ещё, как назло, трактор опять угнали. И в лесу сожгли. А рядом три свежих трупа. И машина, на которой Света забирала меня из больницы. И всё это рядом с селением. Вот же чёрт, опять надо включать мозги и думать, как выпутываться из этой передраги.

Если все втроём завалимся к Петюне домой, неизвестно, чем это вообще закончится. А если мамка не только заругает, но и сообщит куда следует о подозрительных гостях? К тому же грязных и дурно пахнущих. Надо бы как-то сгладить эту щекотливую ситуацию. Только как?

– А что, Петюня, мамка твоя голодных путников накормит? – спросил я.

– А то! Она знаешь какая добрая. Ну только когда не злится если.

– А любит она что? Что вообще у вас тут женщины любят?

– В смысле?

– Подарок, подарок.

– Моя цветы любила, только их было не достать нигде, – вздохнул Локи.

– Вот. Твоя любит цветы, Петюня?

– Ну, не знаю, – протянул тот. – Только когда папка ещё живой был, подарил ей как-то букет, она почему-то разозлилась и сказала, что он лучше бы колбасы купил, а цветов и так в палисаднике полно, девать некуда.

– Значит надо купить эту колбасу, – обрадовался я. – Знаешь где?

– Ну так, в магазине. Есть у нас, Перекрёсток называется. Только деньги нужны, а у меня нету.

– Будут деньги, – я припомнил о трофейных купюрах и мысленно порадовался своей предусмотрительности. – Только дело уже к вечеру подходит, может она нас и на ночь при-

ютит? Мы заплатим.

– Ну-у, – протянул Петюня в явной задумчивости. – Главное, чтобы она меня не выгнала, а так-то договоримся. Деньги ей завсегда нужны.

– Вот и славно. Так, Светлана, привыкай кстати к имени и к обращению, подъём!

– Я чё то боюсь.

– Ты чего, Петюня?

– Я Локи. Кади, то есть Александр, мне чё-то стрёмно к ней идти.

– Почему?

– Сам не знаю.

– Не дрейфь. Не убьёт же она тебя.

– Ну ладно тогда. Только ты, если чё, сбежишь, да и все дела, а я как? Я ж теперь с Петюней живу. Непривычно как-то. Вроде я, а вроде и не я.

– Ничего, привыкнешь. Поначалу всегда трудно, а потом... В общем, всё будет хорошо.

– Ну как скажешь, я тебе верю. Ты только меня не бросай, ладно?

– Да куда я теперь от тебя денусь-то? – проворчал я и закончил: – Всё, сейчас выдвигаемся, ищем дорогу, да и не мешало бы какуюнибудь лужу найти, почище. Умыться хотя бы, а то реально на леших похожи, даже Милие, то есть Света.

Следы от трактора видны были отлично, почва после до-

жды ещё не успела просохнуть как следует, поэтому спустя минут десять мы выбрали-таки на дорогу. Петюня молодец, верное решение предложил. Всё таки парень на земле жил всю свою жизнь, в отличие от меня, а Милие, похоже, вообще ни о чём толковом не думала. Ведут куда-то, и ладно, о чём тут думать? Правду Глие говорила, немного странноватая она. Да ещё этот культ среднего пальца.

– Света, – обратил я на себя её внимание. – Давай-ка сразу наше поведение обсудим.

– А? Что?

Она, вообще, где сейчас? Всё в облаках летает? Мне бы её спокойствие, слегка даже завидно стало.

– Я думаю, надо сразу договориться о нескольких вещах, пока мы ещё никуда не дошли.

– Давай, – с тёплой улыбкой она посмотрела мне в глаза.

"А если разобраться – не такие уж они и страшные, эти люди. Кади вон какой огромный и сильный, видимо. Наши-то мужчины похлипче были. Ох, может хоть в этой жизни с девственностью расстанусь, а?"

Я тут же споткнулся о камень и чуть не вытянулся во весь рост. Ничего себе! Так это ж старая дева, да в теле шлюхи. Гремучая смесь, коктейль Молти. Ой, чувствую – что-то будет.

– Так что ты хотел обсудить, Кади?

– Александр! – чуть не выкрикнул я, еле удержав равновесие, но тут же сбавил обороты. – Саша. Так ты должна ко

мне обращаться, по крайней мере, при посторонних. А лучше, вообще всегда. Привыкай. И этот мальчуган не Локи во все, а Петя.

– Саша, Петя, – повторила она старательно. – Не так уж и сложно. Это всё?

– Какое там. Поверь, на самом деле настоящих людей ты ещё не видела. Петюня не в счёт, по здешним меркам, он такой же не от мира сего, как и мы с тобой. Инопланетянин. У него не мозг, а чёрная дыра. В прямом смысле слова – его тупо не видно в черепушке. Так что лучше тебе лишний раз поостеречься и промолчать, если вдруг что-то не поняла и у тебя возникли вопросы.

– Хорошо, Саша. Теперь всё?

– Почти. Вот только я бы посоветовал тебе не приветствовать здешних жителей средним пальцем и этим твоим: "Факки юис". Договорились?

– Конечно. Только как же тогда приветствовать?

– Петюня, как у вас здороваются?

– Да так и здороваются. Здорово, мол, сосед, чё делаешь?

А он тебе: "да хуля..."

– Ясно. Теперь вроде всё, предварительно. А в остальном, если вдруг я пойму, что что-то пошло не так, скажу тебе..., ну, к примеру: "Милие фу!"

– А. Замолчи, Милие, по нашему. Понятно.

– Да, люди-то не поймут, что к чему, а ты должна сразу замолкнуть.

– Ха-ха! – вдруг воскликнул Петюня. – Вон, очухались только. Лес тушить едут.

– С дороги! – заорал я и, схватив обоих в охапку, ринулся к густому кустарнику, растущему вдоль обочины.

Зачем я это сделал? Всё инстинкты, от государственных структур добра ждать не приходилось, по крайней мере, на Технеции. Может быть здесь всё и по другому, но мысль о том, что неплохо бы и спрятаться, была самой первой, которая пришла мне на ум. Мои попутчики даже и сообразить ничего не успели, как довольно грубо были водворены в заросли местной растительности.

– Тихо сидеть, – предупредил я их шёпотом. – Замерли оба. Не надо чтобы нас видели так близко от того места. При чём мы, не при чём, любые разбирательства нам вообще не нужны нисколько. Если всё прокатит, свалим отсюда по-тихому и пусть тут ищут кого угодно, только не нас.

– Так мы же ничего не сделали, – так же шёпотом возразила Светлана.

– Вы нет, а я очень даже сделал. Но если бы не сделал, всем четверым уже бы крышка была.

Мимо нас, яростно ревя, на полной скорости проехали две больших машины, красная и белая. Чуть погода, пронёсся, явно выжимая все силы из своего трёхколёсного агрегата и держась за его рога, участковый, Степан Георгиевич. Сбоку от него сидел, сверкая довольной улыбкой, местный хроникёр, а по-совместительству, фельдшер сельской больницы,

Иван Кузьмич. Не сомневаюсь, что карандашик свой он наточил как следует перед дорогой.

– Слушай, Петюня, а можно ли незаметно проникнуть к тебе в дом? – спросил я, когда шум от проехавшей кавалькады затих вдали.

– Зачем это?

– Затем, чтобы никто нас не увидел. Возможно это?

– Ну да. Если огородами. Вообще никто не увидит. Наш дом с мамкой дом в крайнем прогоне, за огородом сразу почти лес начинается. Кому там смотреть-то?

– Вот и отлично. Пойдём там. Веди давай и по дороге больше не пойдём, надо слегка в стороне топтать.

– Да с тобой куда угодно, дорогой. – промурлыкала Света.

Ого, чего это она? У меня всё-таки жена есть и, судя по всему, любимая. Мне эти связи на стороне совсем не упёрлись, да ещё и с девяностолетней бабкой.

– Так, Светлана Игоревна, проясним сразу наши отношения. Для местной публики ты – моя сестра, сегодня утром забрала меня из деревенской больницы, где я проходил лечение от отравления грибами. Поэтому рекомендую... нет, настаиваю и дальше оставаться сестрой. Я женат, если ты не в курсе. И к тому же чрезвычайно старомоден. В этой части есть что-либо непонятное?

– Нет, – та сразу преобразилась, даже взгляд стал не масляно-романтичный, а вполне себе серьёзно-деловой. – Уважаю таких людей.

– Вот так-то лучше. И без этих там всяких. Смотри мне, детишек ещё не соврати. Поищи себе мужика постарше.

Это что же – местные гормоны так на старушку действуют? Или у настоящей Светы был какой-нибудь супер-убойный набор генов, ведь профессию шлюхи выбрать... Надо иметь специальное призвание.

– Да я в самом расцвете сил, – возмутился Петюня-Локи. – Не глядите, что низкого роста, я ого-го какой. Девки в деревне почти все по мне сохнут.

– Да, чего это? Мы мужчина хоть куда. А Милие не та уже бабуля. Светлана Игоревна, а соврати нас.

– Так, заткнулись все, – прикрикнул я, гася прелюдию к разврату в зародыше. – А ну, смотрите-ка все сюда.

Все, как по команде, закрыли рты. Но потом открыли снова, уже от удивления. Да и было от чего удивиться – прямо перед нами, из-за кустов возник ещё один чёрный автомобиль. Я не сильно разбирался в земном автопроме, но, на первый взгляд, машина эта практически не отличалась от той, на которой ездила Лайе.

– Оо, круть! – простонал Петюня. – Жалко ключей нет.

Я молча порылся в карманах и выудил ключи, отобранные у киберов. Брелок напоминал небольшой пульт из старинных фильмов. Неужели это машина Иннокентия Афанасьевича? Вот это был бы подарок, честно говоря, ноги уже отказывались выполнять свои прямые обязанности. Ладно, была-не была, жму на кнопку.

– А ты волшебник, Саша, – сказала Светлана, когда громкий сигнал возвестил об открытии дверей.

– Да нет, – скромно ответил я. – Я ещё только ученик.

– Ну чё, тогда поехали? – Петюня радостно ощерился и уже было рванул к водительской двери, когда я нажал на кнопку повторно. – Ой, она закрылась. Это чё за сигналка такая? Может только на хозяина реагирует?

И тут я в-третий раз за день заржал, как лошадь. Видимо сказалось всё то напряжение, которое пришлось испытать моему вполне себе мирному сознанию. Упав на землю, я смеялся и никак не мог остановиться.

– Ох, парень, ну нельзя же быть таким идиотом! Ха-ха, видел бы ты своё лицо! Ой, не могу, сигналка!

– Кади, Кади! – испуганно выпалил Локи. – Ты чего это, а? Хватит, не смешно уже.

– Да как же не смешно? Ещё как!

Я трясся в судорогах этого адского ржания до тех пор, пока вдруг не ощутил хлёсткий удар женской ладошкой по своей правой щеке.

– Ещё раз, – попросил я.

Светлана не заставила себя долго уговаривать и чётко врезала по левой.

– Это для симметрии, – заявила она со знанием дела. – Не благодари.

– Спас..., хорошо, как скажешь. Где научилась?

– Ну, я увлекалась не только историей. Знаешь, когда

всю жизнь проводишь в четырёх стенах, только и остаётся, что заниматься самообразованием. Я ведь не ходила совсем, проблемы с позвоночником. Ещё в ранней юности травму получила, да такую, что баллов не хватало на операцию. Впрочем, это слишком мягко сказано, не было у родителей средств, совсем. Да и не факт, что лечение бы помогло. Жила на социальное пособие и от нечего делать занималась всем, до чего могла дотянуться. Психология мне помогала хоть как-то справиться со своим положением. Да и Глие навещала иногда по доброте душевной, родственников-то у меня совсем не осталось под старость лет. А те, кто ещё были живы... да кому нужна старая калека?

– Я не знал.

– Естественно. Ну так как, полегчало тебе?

– Да, – я поднялся на ноги и принялся отряхивать одежду.

– Слава богу, – выдохнул Петюня. – А то я тоже маленюко сдрейфил. Папка мой вот так же смеялся, когда его белая горячка тяпнула. Допился до белочки. На другой день помер.

– Тьфу на тебя! – выругался я. – Я помирать пока не собираюсь. И вам не дам. По крайней мере, приложу все силы для этого. А знаешь что, Петюня?

– Чего?

– Мне всё недосуг было, но сейчас словно просветление нашло, спасибо Светлане.

– А суки то здесь причём? – удивился парнишка.

– Э – э..., ладно, не будем о грустном, так вот скажи мне,

Пётр Алексеевич, а почему это, собственно, ты как будто и не удивлён вовсе постороннему голосу в своей голове? И то, что мы со Светланой Игоревной, ну скажем, не совсем люди? Как ты всё это объяснишь? Вот ни за что не поверю, что ты каждый день с инопланетянами общаешься.

– Конечно, не каждый.

– Хм, поясни.

– Да чего тут объяснять, подожди, Локи, не лезь, меня тут за жабры взяли. Ну и что, что их нету. Это поговорка такая. Да не трясусь я. Просто стрёмно всё это.

– Я жду.

– Да был уже голос. Был. Только женский.

– Это в каком смысле? – удивился я. Что, дело обещает новый поворот событий? – Когда это было?

– Не так давно, я сразу и не врубился, что это такое. Подумал, что как и папка, голоса слышать начал, белку словил. Даже пить не стал в этот день больше, подумал, вдруг отпустит.

– Ну и?

– Так не помогло. Талдычит и талдычит в голове. Я уж и сбёг подальше от дома, как раз тогда и на вышку забрался, может, думаю, из за неё всё? Ну, голоса вражеские передаёт, а я, значит, как это, жертва, короче. Отвинтил эту штуковину. Да только хрен там. Ничего не поменялось.

– А что хоть говорил этот женский голос?

– Так про вас и говорил. Чтобы я не пугался и не удивлял-

ся, когда опять голос услышу. Что меня выбрали пришельцы для важной миссии. Только тогда и отстала, когда я пообещал ей всё, чего она просила меня. Типа, к миссии готовиться.

– Прямо так и сказала? – заинтересовалась Светлана и погладила трясущегося парня по голове. – Успокойтесь, мальчики, ведь ничего же страшного не произошло. Мы ведь все люди, причём добрые и тебе, Петя, ничего не угрожает. Локи ведь тоже хороший человек. Он не причинит тебе зла.

– Это я знаю уже, но сначала, когда его голос услышал, чуть от страха не обделался. Я уж и забыл про тот случай, память у меня так себе, иной раз... да почти всегда, не помню с утра о том, что вчера натворил. Мамка ругается, а я и не понимаю, за что. Так вот и живу.

Мне даже стало немного жаль этого недотёпу. А ведь надо просто бросить алкоголь употреблять, глядишь и с памятью проблемы отпадут сами собой.

Но есть что-то знакомое в его рассказе. Голоса в голове. Не далее, как совсем недавно, я уже столкнулся с некой загадкой. Да, той самой, про шестерых в конце непонятно чего, про трон, венец всевластия и тому подобной чепухи. Старичок-пенсионер явно озвучивал чей-то, ранее заготовленный, текст. И кто то ведь передал мне это послание. Голос самого Гридоебова был мужским, что естественно, но вот что слышал он сам? Может тоже женский? И как связаны, абсолютно никчёмный, Петюня, и матёрый, стошестидесятилетний

прожигатель жизни? На первый взгляд сличение сих персонажей просто абсурдно. Что и с чем там сравнивать? Да и на второй – тоже. Но ведь какая то связь имеется, просто я пока не понимаю, какая.

Вновь всплыли все подробности сегодняшнего дня и у меня создалось впечатление, что кто-то просто забавляется со мной, как ребёнок с игрушкой, ежечасно подбрасывая всё новые загадки, одну за другой. Вопрос только в том, кому и зачем это всё нужно? Что за силы управляют абсолютно непонятной игрой? Процентом на девяносто я был уверен, что кроме выходцев с Технеции, на земле скрывались под людской личиной, как минимум некие киберы, во главе с Медароном. Хотя это только теория. Да и пресловутый Медарон, возможно, не самая главная фигура в этой партии.

Короче говоря, для того, чтобы выжить в этом мире, да ещё защитить своих близких, просто необходимо выяснить ряд вопросов и как можно скорее. Но для начала надо что-то делать с местной сетью, иначе я так и буду тыкаться во все углы вслепую и разбивать нос впотьмах.

– Значит, так, – подвёл я итог. – Машину оставляем здесь. Если вдруг её смогут идентифицировать, нам с вами не поздоровится. Подождём, когда всё утихнет, тогда и будет видно, что с ней делать. Пусть пока тут постоит, место вроде укромное, так что, думаю, ничего с ней за ночь не случится.

Света, у тебя ведь должны быть документы на право управления транспортом?

– А откуда я могу знать? – девушка заглянула за обложку паспорта и достала оттуда тоненькую стопку карточек. – Вот всё, что есть. Только я всё равно не умею управлять этим транспортом.

– Тьфу ты! – я даже сплюнул от досады. – Совсем из головы вылетело, что ты не та Светлана. Нет, я видел, как она проводила все эти манипуляции, но, честно говоря, не уверен, что справлюсь.

– Так я умею, – влез Петюня. – И Локи научу, будем с ним на пару рулить.

– А чё, можно? Блин, клёво, я хочу. Когда начнём?

– Да кто ж вам машину-то доверит? Обоим.

– Ну это вы зря, – обиделся Петюня и за себя и за другого парня. – Я, между прочим, с малолетства водить обучен, папка с собой на работу меня часто брал. А он в районном гараже работал, так там какой только техники не было. У меня и права есть, только машины нету. А так я ещё в армии и грузовики водил и автобусы. Да на всём уеду, если надо будет.

– Ну надо же, – удивлённо протянул я. – Ты полон сюрпризов, мой юный друг. А по тебе и не скажешь, что был воином.

– Да какой там воин. Так, баранку крутил.

– Ладно, это выяснили. Светлана, отбой. У нас теперь личный водитель объявился, да ещё и со сменщиком впридачу. Только, Петюня, предупреждаю сразу, будешь пить алкоголь,

уволю к чёртовой матери.

– Это чё же, вообще нельзя, что ли? – парень явно испугался. – Беспредел какой-то! А если праздник, там, типа день рождения? У меня как раз скоро.

– В праздник можно, но немного, – слегка успокоил его я. – А так, мне пьяница на работе не нужен.

– Ха, ну если в праздник можно, то ладно тогда, – Петюня довольно ухмыльнулся и я внезапно почувствовал себя обманутым. А вдруг на этой планете праздники каждый день? Да ладно – не может этого быть, кто тогда работать будет? Нет, это бред какой-то.

Деревня показалась примерно через час отнюдь не бодрого движения по лесным тропинкам. Их было такое количество, что создавалось впечатление, что у каждого из жителей Ходорковичей, (название деревни было указано на столбовой табличке), была своя собственная дорожка в лесу. Почему тут всё так затоптано? Муравьи и те вон двигались более организованно, чем люди. Хотя это, наверное, из-за отсутствия связи. На Технеции тебе и в голову не могло прийти отклониться от маршрута, проложенного системой. Причём для каждой из категорий граждан эти маршруты были отличны от других. Например, обычные гражданские лица, никогда не встречались на правительственных дорогах. Для пожарных, спасателей и медиков существовали свои трассы, то же самое правило соблюдалось и для правоохранителей, коммунальных, дорожных и прочих служб.

Свободное передвижение предусматривалось только в личных апартаментах, общественных местах и в рабочих помещениях. Как на мой взгляд, это было очень разумно, поскольку напичканная различными механизмами, сооружениями и тотально электрифицированная инфраструктура мегаполисов Технеции могла представлять для, не имеющего специальной подготовки и допуска, гражданина, немалую опасность.

Конечно же и у нас находились умники, плевавшие на всевозможные запреты, но, если уж с кем происходил несчастный случай, то расследование и вынос вердикта был молниеносным. Сам виноват, если влез куда без допуска, государство признавало нарушителя виновным и похороны производились за счёт его родственников. Чёрт, прямо сам себя описал.

Здесь же, судя по всему, народ бродил как попало и где попало. Да, многое ещё из местного менталитета предстояло выяснить, ну, к примеру...

– Петюня, а как вы утилизируете тела умерших? – спросил я угрюмо топающего шкета. Ну а как ещё ему топать-то? В непраздничный то день.

– Чего?

– Ладно, спрошу попроще. Отец твой когда умер, что вы с ним сделали?

– Дык это, а чё ещё делать-то? Закопали на кладбище, да и всё. Так там всех закапывают. Хоронят, то-есть. Мамка до

сих пор за могилкой ухаживает, плачет и ругается. Ну и я с ним иногда по маленькой пропускаю.

– Вы что, людей в землю закапываете? – три голоса слились в один, причём один из них принадлежал самому Петюне. Чёрт! Как же тяжело различать их с Локи. Может им голосовые тембры ещё поменять, а то я стал уже напрягаться разгадывать, кто из них говорит в данный момент.

– Ага. А куда ж их девать то? Правда, кладбище у нас небольшое, там в одной могиле гробов по пять закопано, друг на дружке стоят.

– А гроб – это что? – спросила Светлана. – Просто у нас умерших людей пропитывали специальным раствором, а потом сжигали. Экологически безопасно, да и по Факиншую.

– Так и у нас в городе, говорят, жгут, только я чё то не верю. А к кому тогда на могилу-то ходить, поговорить по душам? По маленькой, опять же. Ну а гроб – это такой ящик деревянный, в него покойника суют, отпевают в церкви и хоронят в землю.

– Так вы и дерево вместе с ним закапываете? – опять ужаснулись все.

– И чё, мы им ещё и печку топим. Да просто так жжём, костёр – это красиво. Развели как-то с пацанами и давай через огонь прыгать. Ну, кто не засыт, конечно. Девки смотрят, ржут, радуются, а мы – кто выше прыгнет. Ну, так, чтоб жопу не опалить.

И тут участковый на велике приехал, да не наш, с соседне-

го участка. Наш-то хоть на мотоцикле, ха, к мамке моей всё клеится, а этот вообще лошара, да и бухой всегда. Вот просто в сосиску. Говорит, мол, нихрена вы не умеете прыгать, а вот они с пацанами в молодости – умели. Щас, говорит, покажу, как надо, велик в кусты бросил и побёг. А у нас там дрова про запас лежали, мы же долго сидеть собрались, так он об эти дрова и споткнулся. Мордой в костёр прямо. Девки визжать начали, а нам весело. Только потом всем страшно стало, когда он поднялся. Видать, спиртяги недавно хватанул, орёт, а у него изо рта пламя, как у дракона. Я сам чуть не обосрался.

Короче, свалили мы оттуда, а этот придурок целый год, говорили, харю лечил. Его ещё потом Крюгером прозвали.

– Почему? – спросил я на автомате, находясь под впечатлением от рассказанной истории. У меня никак не могло уложиться в голове, что можно смеяться над человеком, попавшим в беду. Да не просто в беду – лицом в огонь, это же очень больно и опасно. Можно не только зрения лишиться, но и самой жизни.

– А я знаю? Страшный, наверное, стал, как Крюгер. Хотя я потом его видел, кажись, вообще не поменялся. Это... начальник.

– Что?

– Вон магазин. Давай деньги, я за колбасой сбегаю.

– Ты себя со стороны то видел? – возмутилась Светлана.

Рассказ про несчастного участкового Крюгера, судя по все-

му, её совсем не тронул. – Надо умыться хотя бы. А то с тобой ни одна приличная девушка даже разговаривать не станет.

– Да, Петюня, давай, умой нас. Мне нравится с девушками разговаривать.

– Локи, это ты? – спросил я. – Что то тебя давно слышно не было.

– Да я, я. К встрече готовлюсь. А вдруг я не понравлюсь его маме?

– Ну..., – я слегка замялся с ответом. – Не знаю насчёт того, понравишься или нет, но ругаться точно будет.

– Здесь колодец рядом, – перебил нас Петюня. – Пошли, я покажу.

Наконец -то я и напился вдоволь и смыл грязь с рук и лица. Наш потенциальный водитель и наследник миллионов, судя по всему, с гигиеной дружил не очень, поэтому пришлось слегка прибегнуть к насилию, хорошо, Локи подсобил, поэтому в "Перекрёсток" Петюня побрёл уже совершенно протрезвевший, чистый и злой. В руке он сжимал купюру в десять тысяч рублей, при этом, когда брал её из моих рук, тарасился, как на диковину. Ну, понятно, я местных денег не видел, но он-то что? Впрочем, бумажные деньги на Технеции отсутствовали, только цифровые расчёты в гражданских баллах. Те начислялись каждому индивидуально централизованной системой гражданской полезности обществу. Там учитывалось всё вплоть до мелочей, ею же списывались

штрафы. Если от тебя пользы больше, чем вреда, тогда всё нормально – еда и проживание обеспечены. А вот если наоборот... Об этом лучше не думать, а старательно выполнять все правила и предписания системы распределения обязанностей.

К слову, Петюня на Технеции, скорее всего, и дня не продержался, его бы просто утилизировали, учитывая размеры причиняемого им вреда. А тут ничего, живёт и радуется. Ещё бы мамка не ругалась...

Ждали мы долго. Не хотелось сильно отсвечивать, поэтому я и Светлана попросту присели невдалеке от колодца на огромный плоский камень, лежащий в зарослях слив и вишни. Однако прохожие, нет-нет да и позыркивали в нашу сторону любопытными глазами. Насколько я успел уже понять, население в деревне было немногочисленным, чужаков примечали сразу, но и излишней подозрительности к нашим персонам я также не ощущал. Ну сидит парочка, может, грибники устали с дороги. Или охотники. А может, рыболовы. Нас, мол, не трогают, так и бог с ними. Да уж, умиротворение. И не поверишь, что ещё пару часов назад чуть не отправился туда, откуда не возвращаются. Два раза.

Наконец наш посланец вернулся, сгибаясь под тяжестью двух, набитых доверху, емкостей.

– Это что? – спросил я, когда тот буквально рухнул рядом с нами на дерево своим тощим задом.

– Колбаса, – гордо ответил тот. – Два пакета. Локи ещё

мороженое захотел, съели его прямо в магазине.

– А почему от тебя алкоголем разит?

– А как я домой пойду в таком виде? – тут же окрысился тот. – Меня ж мамка не узнает. Будет думать, что опять что-то затеял. Когда голос слышал, не пил, так она пристала – чего, мол, случилось?

– Послушай, Петюня, – я подозрительно посмотрел на этого молодого брехуна. – Мне уже говорили, что ты врѣшь постоянно, только со мной этот номер не пройѣт.

– Да скажи ты ему. Кади, ой, Александр Викторович, да боится он.

– Ничего я не боюсь.

– Боится, что мы его в космос заберѣм, а мамку здесь оставим. Уговаривал меня бежать в другую страну. Деньги, сказал, теперь есть. Еле отговорил, да и маме его колбаса нужна. Как тут убежишь, я же ведь с ней ещё даже не познакомился, в натуре. Ой! Я, кажется, уже в космосе. Петюня, ты же сказал, с мороженым не запьянеешь.

– Сука ты, Локи, а ещё друг, называется. Расколосся, как фраер. Чѣ замолчал, я тебя спрашиваю? Блин, вырубился, что ли?

– Света, – безжизненным голосом проговорил я. – Готовь свои ладошки, у меня, кажется, сейчас опять приступ начнѣтся. Лучше сразу вдарь, посмотрим заодно, имеет ли твой метод превентивное действие.

В четвѣртый раз ржать я не стал, Света даже и не подума-

ла распусть руки. Состояние моё стремительно приближалось к апатии, когда уже всё равно, ни до чего нет дела. Я просто вытащил палку колбасы, которая одуряюще пахла и спросил:

– Как это едят?

Петюня молча взял её, подцепил оболочку и очистил почти до половины.

– Только у меня ножа нету, резать нечем, – в его голове намешано было много всего. Вина, непокорность, страх и злость.

– Да похер, – ответил я. – Мы же, по сути, животные.

Забрав колбасу обратно, я зубами отгрыз приличный кусок и, с наслаждением принялся жевать. Первая моя трапеза на Земле. Столько веков ожидания! Смесь запахов мяса и пряностей просто взорвала мне мозг. Как же это было вкусно!

Глава 8

– Щас пройдем огородами, где-то с полкилометра и мы дома. Вечер уже, поливать кончили, там пусто теперь. Никто нас не увидит. Да хоть бы и увидели, вы же на людей похожи, чего бояться? Это в кино инопланетяне страшные, зелёные там, или, наоборот, как черти, а вот Светлана Игоревна, вообще ништяк.

– Д-дыа! Тётя М-милие Игрна, соврати нас.

– Ты спи пока, Локи, не мешай клинья подбивать. Силёнок маловато у тебя для земных тёлоч.

– Я – это ты.

– Да пофиг. Щас, когда к мамке придём, ты лучше вообще заткнись, а то она голос в голове не слышала, вдруг испугается, прибуёт меня нечаянно. Хотя, может и нет. Специально прибуёт.

– А чё, ужже прибывала? Я ббоюсь. Нет ещё мороженого?

– Так ты всё сожрал. Ох, как вкусно, никогда не ел такого! Я, между прочим, тоже никогда такого не пробовал, на-халяву самое дорогое купил. Продавщица, наверное, охренела от удивления, эта сосулька у них в морозилке уже третий год лежала. А тут я ей ещё чирик сунул, так у неё во всей кассе даже сдачи не набралось. Пришлось колбасы на все деньги брать, хватило даже на бутылку с сигаретами. А вот на хлеб не осталось совсем.

– Ппофиг. Давай ещё водки накатим.

– С дуба рухнул? Тебя щас опять накроет, а мне блевать? Александр Викторович, ты кого мне подсунул, он же вообще не может бухать. Я приличный человек, меня вся деревня знает. И не только наша. И чё получается – я теперь страдать из-за него должен?

– Сам наливал, – парировал я. – Теперь терпи.

– Так я ж себе. Себе наливал то. Ему мороженое. А почему раньше нормально всё было, а теперь ноги заплетаются. Я ж грохнусь щас. А мамке чего скажу?

– Бросить пить не пробовал?

– Да я и не пил раньше. Как папка помер, так и началось. Бабки соседские говорили, что это дух его в меня вселился.

– Врали твои бабки. Это фантастика.

– Раньше я тоже думал, что врали. А сейчас верю.

– Локи не твой папка. Его отец тоже умер, только он почему то не спился.

– А чё, его батя тоже бухал?

Хм, вот насчёт этого я был абсолютно не в курсе. Глие никогда не рассказывала мне о своём муже. По крайней мере, ничего плохого. Этот светлая женщина, в принципе, никогда ни на кого не жаловалась, какого чёрта я тогда послушал её? И у Локи была бы возможность когданибудь соединиться со своей матерью. Прошлого не вернёшь, я как то пытался проводить опыты со временем и, насколько мне было известно, не я один. Гилтри вообще не один год посвятил это-

му направлению, но всё тщетно. Люди не способны на подобные выкрутасы. Если кто и смог бы справиться с такой задачей, то уровень его интеллекта должен был бы насчитывать миллиарды уровней. Куда уж жалкой космической аномалии, кем мы и являемся, по сути своей.

– Я не знаю, Петюня. Сам потом спросишь.

– Ага. Ладно. Вот мы и пришли.

Ну наконец-то. То, что парень называл огородами, представляло собой сплошное поле, засаженное местной культурной растительностью. Лишь узкие межи отделяли участки один от другого. Каждый кусок земли принадлежал одному дому с подворьем. Все соседские дома были выстроены в ряд, всё очень понятно и рационально. Но я не мог поверить своим глазам, когда увидел размеры этих огородов.

– Это что, всё ваше с мамкой? – спросил я, пальцем тыча в полосу земли площадью в поле для проведения рыцарских турниров, так любимых первым советником Садри.

– Ну да, а чё? – тот явно не понял причины моего удивления. – Только мы картошки стали мало сажать, раньше на спиртзавод сдавали, а потом его закрыли и всё. А нам куда столько?

Планета богачей. Они что, серьёзно этого не осознают? Это в виртуале люди отрывались на полную катушку, осваивая миллионы километров пространства, а на Технеции за такой клочок земли могли устроить небольшую войнушку самые крупные корпорации. И стоять этот клочок мог столь-

ко, что семья их десяти человек, продав его, безбедно существовала бы до конца жизни.

Здесь же столько бесхозной земли... А лес? А вода, даже в колодце, то есть в земле, где нет ни очистных сооружений, фильтров и всего прочего, просто потрясла меня своим вкусом и свежестью.

– Здесь так красиво. – заворожённо произнесла Светлана. – Только я замёрзла почему-то. Странно. А днём даже жарко было.

– А может водки, Светлана Игоревна? – спросил то ли Петюня, то ли Локи и, словно больной нервным тиком, принялся подмигивать ей поочерёдно обоими глазами. Видимо, они там оба участвовали. – Чисто так, для сугреву. Сразу теплее станет.

– Я, пожалуй, воздержусь. Где то читала, что алкоголь на пустой желудок очень вреден для здоровья.

– Ха, так он и на полный желудок вредный, что же, его теперь не пить, что ли? А закусь есть.

С этими словами Петюня протянул ей недогрызенный мной кусок колбасы.

– Спасибо, милый мальчик, но я подожду пока. Вдруг мама твоя приготовила что-нибудь вкусное? Хотя ухаживаешь ты красиво.

– Это да. Девкам нравилось. Только что может быть вкуснее колбаски?

Мы уже дошли до невысокого забора с закрытыми ворота-

ми. За забором стоял, не слишком большой, конечно же, деревянный дом, окна которого лучились изнутри мягким светом. Темнота незаметно сгустилась за время нашего нелёгкого пути, поэтому всё вокруг выглядело донельзя таинственно и сказочно. Стрекотали насекомые, ветер шуршал листьями на деревьях. Приглядевшись к одному из них, я с удивлением опознал грушу. Что же, Петюня, тебе своих фруктов не хватало, раз ты по соседским садам рейды устраивал?

– Так, Пётр Алексеевич, соберись. Локи – ты в засаде. Хватайте оба пакета и марш в любящие объятья матери. Как её зовут, кстати?

– Так это... Галина Андреевна. Пупковы мы. А отца Алексеем звали. Петровичем, стало быть.

– Ну и отлично. Дуйте к Галине Андреевне и делайте, что хотите, но мы должны сегодня здесь переночевать. Идти и искать жильё уже поздно, да и куда идти? Мне связь нужна, вот завтра этим и займёмся. Всё. Давай, вперёд.

– Ну, я... мы пошли, – Петюня как то неуверенно пошуршал пакетами с колбасными палками и тяжело вздохнул. – Только это, если не вернусь, не подумайте, что я сбежал. Это я тогда у магазина так, дристанул маленько.

– Бывает. Только как ты войдёшь, кстати? Ворота закрыты.

– Ха. Ворота. Кому нужны эти ворота?

С этими словами он подошёл к забору, сдвинул в сторону пару досок и, немного покряхтев, протиснулся внутрь двора.

Мы со Светланой остались вдвоём, с тревогой ожидая развязки. Если учитывать, сколько раз за сегодняшний день Петюня повторил свою мантру про ругачую мамку, то можно было представить, что в глубине этого, невзрачного на вид, деревенского дома, скрывается настоящий монстр. Вполне возможно, именно в эти минуты, монстр уже разделявает сынулю тупым ножом и окровавленные куски бросает в загодя приготовленный котёл. А нож просто обязан быть именно тупым, потому что надежда и опора матери вечно пьяная и шляется неизвестно где, так что колюще-режущие принадлежности поточить то и некому.

– Что-то тихо, – нервно рассмеялась девушка. – И холодно. Ты бы хоть обнял это тело, замёрзнет ведь. Если уж старой калекой брезгуешь.

– Мы ведь обсудили этот вопрос. – сказал я, прислушиваясь. – Что-то и правда подозрительно тихо. На вот, возьми, оденься.

Я снял с себя куртку и протянул ей.

– Догадался наконец. Запашок только вот. Я уж думала...

– Тихо!

Внутри дома что-то происходило. Сначала послышался глухой удар и, вслед за ним, душераздирающий вопль Петюни:

– Мама! Мамочка!

И тишина.

Что это было?

– Лезем внутрь. – решился я и, подавая пример кутающейся в одежду не по размеру, девушке, нырнул в обозначенный Петюней лаз, сбив напрочь те самые доски, которые он сдвигал. Рассекрестили твой потайной ход, парень, уж не обессудь. Если ты, конечно, живой ещё.

Светлана, надо отдать ей должное, не заставила себя уговаривать и проникла во двор следом за мной. Сам же я застыл, как изваяние, поэтому она врезалась мне прямо в спину и выругалась на родном языке:

– Мудофакис, Кади? Что за...?

Петюня стоял в освещённом дверном проёме и весь его непрезентабельный облик просто кричал о некоем потрясении, перенесённом только что. Ну а как ещё можно было описать эти трясущиеся губы, руки, вцепившиеся в ограждение небольшого крылечка и два абсолютно круглых и пустых глаза на перекошенном лице. Причём, непонятно было, что парень испытал несколько мгновений назад – ужас или просветление. Симптомы схожи в обоих случаях.

– Там мама, – проговорил он вдруг.

– Что с ней, Петюня?

– Я Локи. Кади, там моя мама, Глие.

Чего? Это так местный алкоголь на инопланетных молодых раздолбаев действует? Какая Глие?

– Ты бредишь, Локи, – сказал я, осторожно приближаясь к нему. Светлана следовала чуть позади, стараясь не высываться из за моей спины. При её тоненькой фигурке это

удавалось с лёгкостью. – Это не Глие. Она просто не может здесь находиться.

– Петь, скажи ему.

– А я сам охренел. Только зашли, только я – привет, мол, мамка, глянь, сколько колбасы. Она даже сковородку уронила, так удивилась. А этот вдруг как заорёт: "Мама! Мамочка!" и давай к ней обниматься, я даже остановить эту пьянь не успел. Ну говорили же – сиди в засаде, не высовывайся. Мать в отключке лежит, наверное, в обморок грохнулась и всё из за этого придурка. А у нас нашатыря нету, водка только была, только она не помогает от этого, вырубает, наоборот. Чё делать то?

– Что делать? Пошли мать спасать, – стараясь не орать, прошипел я и, подхватив его под локотки, затащил внутрь дома.

Надо сказать, что местные строительные стандарты несколько отличались от тех, что были приняты на моей родной планете. Плюс полученное мной новое тело со своим ростом, достойным уважения. Да и темнота не особо способствовала точному расчёту габаритов, впоследствии я обязательно внесу этот пункт в список обязательных для выполнения правил земного общежития. Короче, заталкивая бедолагу в прихожую, или как там она называется, я со всей дури въехал лбом в дверной косяк.

"Внимание. Временное отключение сознания. Активация защитного протокола. До восстановления коммуникативной

функции: 09-59, 09-58..."

Ну что за хрень сегодня происходит? Конца и края нету. Да за всю свою сознательную жизнь я не страдал столько, сколько за последние сутки. Даже в приюте было гораздо безопаснее, несмотря на все попытки учёных зажарить мой мозг и разложить его на молекулы. И если это только первый день в новом качестве, что будет дальше? И вообще – будет ли оно, это дальше?

Ладно, пока отдыхал, решил пройтись по характеристикам.

"Аватар: человек землянин, Протасов Александр Викторович, 35 лет, пол мужской, специальность вершитель правосудия, уровень 3.

Симбионт: человек технецианин, Блок Кади Пирст, ??? лет, пол мужской, специальность вершитель правосудия, уровень 8. Интеллект 706".

Чёрт побери, мне срочно надо где то добрать ещё сотню интеллекта, иначе вся эта затея с подключением к местной сети просто не выгорит. А без доступа к информационным потокам я пропаду. О чём можно говорить, если даже на ровном месте умудрился сам себя вырубить? Интересно, мозги то хоть целы?

Как там моё семейство то вновь приобретённое? А то лежу тут, отдыхаю, а там уже, может, война началась?

С трудом открыв глаза, я простонал и увидел перед собой...

– Глие? Как ты здесь оказалась?

Это ведь не могла быть она. Мать Локи умерла и я это знал абсолютно точно. Мне ли не знать?

– Я Галина, – ответила женщина, поразительно похожая на мою старинную знакомую, немудрено, что Локи так всполошился. К моему лбу она в этот момент прикладывала холодную влажную тряпку. – Галина Андреевна, мать вон того недоразумения. Вы можете подняться? Честно говоря, мы даже вдвоём не смогли вас с места сдвинуть. А то ваша сестра задохнётся сейчас.

– Какая... – начал было я, но вдруг почувствовал, что подо мной кто-то еле копошится и мычит.

– Ой, Светлана! Сестрёнка! – мгновение, и я уже стоял на ногах.

Голову пронзила боль, видимо, крепко приложился я об косяк. Череп то цел, хотя бы? Потерев лоб рукой, я с облегчением убедился, что ничего фатального не случилось, по крайней мере крови не было. Уже легче.

– Что случилось?

Хотя и без вопросов всё было предельно ясно. Предусмотрительно прятавшаяся за моей спиной, липовая сестра, вместо надёжной каменной стены, получила тяжкую ношу в виде целого центнера отборного мяса, которое по своей тупости придавило засадницу к сырой земле.

Девушка лежала в траве и, широко разинув рот, пыталась отдышаться. Получалось не очень, поэтому мне ничего не

оставалось, как опять подхватить её на руки.

– Можно ли её где нибудь уложить? Пожалуйста. Мы весь день на ногах, с нами чего только не произошло сегодня и я заплачу, сколько скажете, за ночлег и лёгкий приём пищи. Поверьте, мы не туристы. Ну, то есть, не такие, которые Павловну обокрали. Деньги могу дать прямо сейчас.

– Да заходите, чего уж там. Места много, а Петя и в терраске поспать может. Правда, сынок?

Странно тихий, непохожий на самого себя, Петюня, молча кивнул и скрылся в доме.

– Он мне про вас рассказал всё. Спасибо, что помогли, а то после смерти мужа совсем ведь от рук отбиваться начал. Так то он мальчик хороший, только взбалмошный и непоседливый, всегда таким был. Только сегодня вот чудной он какой-то, будто подменили.

Интересно, что же это он ей рассказал про нас? В чём же мы так помогли то ему? Я нёс Светлану, затихшую и прильнувшую ко мне, вслед за хозяйкой и думал, что её слова практически точно повторяли последние слова Глие, сказанные ею при нашей крайней встрече.

Нет, таких совпадений просто не бывает. Петюня один в один Локи. Галина, если, конечно, обрить её налысо, точная копия Глие. Даже старушка Милие, пусть и под другой личиной, тоже здесь. Это просто безумие какое то. И ведь самого парня что то или кто то, будто специально свёл со мной сегодня днём. Зачем? Кому всё это нужно? Что за клубок

непонятных событий закручивается виток за витком, добавляя новых, совершенно необъяснимых подробностей? Есть ли в этом мире хоть один человек, который бы смог дать ответы на все мои вопросы? Если есть, то нужно потратить все силы, чтобы найти его, иначе я просто сойду с ума. Или весь этот маскарад на это и рассчитан?

Да кто я такой, чтобы из за меня устраивать подобное? Слишком уж возомнил о себе. Самый верный ответ здесь – попал ты, парень, в чью то слишком заумную игру, смотрят на тебя со стороны и прикидывают – справится или нет?

– Здесь разувайтесь, вон тапочки. – сказала Галина Андреевна. – Проходите в эту комнату, располагайтесь, только верхнюю одежду снимайте, если будете на постель ложиться. Девушке..., Светлана, кажется?

– Да.

– Ей я смогу что-нибудь подобрать из одежды, а вот вам...

Галина скептическим взглядом окинула мою фигуру и отрицательно покачала головой.

– На вас, Александр, боюсь, у меня ничего нет. Муж мой богатырём не был, да и Петя тоже не в деда пошёл. Весь в отца. Что ростом, что характером.

– Как же вы с ним... ну, это...

– Сошлись, что ли? – улыбнулась она.

– Ну да. – я даже немного застеснялся, усаживая обмякшую, но уже начинающую подавать признаки жизни, Светлану, в кресло.

– Так любовь была. Как иначе то? Это в городе, говорят, браки по расчёту устраивают. А Лёша мой молодым очень даже ничего был, ухаживал, цветы дарил. Я, конечно, ругалась на него, говорила, что лучше бы колбасы купил. В шутку, естественно. Разве цветы сравнить с какой-то колбасой? Сейчас Петя притащил эти пакеты, я сразу Лёшу вспомнила и колбасу эту проклятую...

Галина вдруг встрепенулась, глаза уже начали увлажняться слезами и, резко отвернувшись, пошла из комнаты.

– Сейчас девушке одежду принесу, ну и разогрею чтонибудь. А вам, если хотите, одежду постирать могу. Поздно уже, а вот завтра с утра душ организуем.

– Буду вам благодарен. – крикнул я ей вдогонку.

– Ты видел? – раздался шёпот Светы, когда хозяйкины шаги затихли где то в дальней части дома.

– Что?

– Это же Глие.

– Не она это. Просто похожа.

– Да не просто, она ж точная копия. Я только сейчас начала понимать, что и Петя очень похож на Локи, только вот волосы и цвет лица вводят в заблуждение.

– Слушай, Светлана, не гони волну. Если возникнет необходимость в чём то разобраться – будем разбираться. А скорее всего, я на это очень надеюсь, и необходимости то никакой нет. Так что без паники.

Я устало опустился на один из трёх стульев, стоящих возле

единственной свободной стены с окнами, ведущими на улицу. Кресло, где сидела девушка, было возле входа в комнату, а вдоль других стен находились две узких кровати, застеленные ткаными покрывалами. На вид очень мягкие и удобные. Они просто звали к себе. Неужели за последние несколько веков я, наконец, выплусь?

Однако бдительная молодая старушка не успокаивалась.

– Как такое возможно? Подобных совпадений просто не бывает.

– Что ты знаешь про совпадения? – зевая во весь рот, спросил я. – Или про то, что бывает, а что нет?

– Я много чем интересовалась, читала много, смотрела научные передачи, но знаешь что самое интересное?

– И что же?

– Как часто ты держал в руках бумажные книги?

– Это здесь причём?

– Но всё таки?

– Да я их только в музее и видел, там в руки не дают, смотри издали. Правда всегда можно было ознакомиться с электронной копией любого тома из коллекции.

– Всё верно, – Светлана в возбуждении даже встала с кресла и принялась мерять шагами комнату, поочерёдно заглядывая то в одно окно, то в другое. Что она там пыталась увидеть, было неясно. – Вот и я всю жизнь пользовалась цифрой, да и вообще, те, кого я знала – тоже.

– Как и я, – пока всё ещё было неясно, к чему она клонит.

– Единственный бумажный экземпляр, который я когда либо держала в руках, дала мне Глие.

– Что? – вот тут я и правда удивился. – Откуда он у неё? Это же какие средства надо иметь? Я слышал, что лишь самые богатые граждане могли позволить себе книги, да и то в небольшом количестве.

– Вот именно.

– А ты ничего не путаешь? Всё таки старая была, может с памятью нелады, или ещё что. Только не обижайся, но выглядит это бредово.

– Мне может и много лет уже было, но из ума ещё не выжила. Аутотренингом занималась и ещё несколькими методиками.

– Какая разносторонняя личность. – пробормотал я.

– Естественно, а куда ещё мне нужно было девать ту уйму свободного времени, которого, благодаря болезни, было просто завались?

– Ладно, допустим. Она тебе не говорила, откуда взяла эту книгу? И что за информация в ней была?

– Сказала что нашла, больше ни слова. Книжечка тонкая была, на самом деле, всего несколько страниц, да и те, скорее всего, являлись лишь малой частью чего-то целого, что уже не сохранилось. Бумага совсем обветшала, я ещё удивилась тогда, как она не рассыпалась от старости. Текст наполовину выцвел и стёрся, я долгие часы проводила над его расшифровкой.

– И что же там было? – мне снова стало скучно и я зевнул во весь рот. – Предсказание, что ты встретишь свою подругу и её сына через сотни лет в другой вселенной?

– Нет, конечно. Не знаю, зачем я тебе это рассказываю, но это знание почему то само рвётся наружу. Будто кто то подталкивает меня к этому. Увидела Глие и вдруг вспомнила тот древний текст.

– Так что же там было всё таки? Только, Света, давай покороче, а то я уже с ног валюсь, ты рассказывай, а я буду укладываться.

Я принялся стаскивать с себя грязную одежду, не надо хозяйку дома расстраивать, а девушка снова уселась в кресло и приготовилась вещать. С любопытством глядя за моим разоблачением, она тоже было начала стаскивать с себя блузку, но передумала. Видимо девственница внутри неё всё ещё боролась со шлюхой, но, думаю, природа, в конце концов возьмёт своё и бедняга Милие оторвётся на полную катушку. Главное, чтобы не уподобилась бывшей наезднице этого шикарного тела и не скатилась на самое дно. Надо бы проконтролировать эту её эволюцию, а то не ровён час... Потом, всё потом.

– Ладно. Сам текст был небольшим, в основном непонятные схемы и картинки, которые, на мой взгляд, были абсолютно не связаны между собой. Говорилось о том, что некто, именуемый Первосоздателем вселенной, спустя миллиарды лет устал от трудов своих и решил отойти от дел. С этой це-

лью в самом центре мира, им созданного, устроил он уголок отдохновения и поселился в нём, уподобясь облику жителей, населяющих земную сушу. Шестеро же учеников его, напротив, рвались занять его место и каждый мнил себя лучше и сильнее других. Каждый имел великие способности и, за многие эпохи все они стали достойными продолжателями дела своего учителя, ведь они принимали участие в его проекте и, что естественно для всех молодых дарований, в конце концов возомнили себя равными ему.

И спор меж ними разгорался всё яростней но, будучи со-зидателями по своей природе, никто не мог причинить вреда другому. С целью разрешить разногласия, пришли они тогда к Первосоздателю и спросили – кто из них достойнее прочих? Кого выберет он для продолжения дела его? Поскольку, сами они не в состоянии решить эту проблему, но всецело полагаются на его выбор.

Мудрость того была бесконечна и непостижима для смертных его творений, но ведь ученики его также были бессмертными, то есть не имели ограничений ни в пространстве, ни во времени, поэтому способны были достичь многого в своих дерзаниях. Тогда, подумав недолго, он сказал им:

"Каждый из вас по своему хорош был, пока послушно выполнял мою волю, но мне, как учителю вашему, стало интересно, на что вы способны, как свободные творцы. Пусть каждый создаст свой мир, и тогда я решу, кто из вас более достоин."

И принялись они за дело. Каждый старался превзойти другого и в спешке возводили они свои планеты, звёзды и галактики. Вокруг вселенной Первосоздателя вскоре возникли ещё шесть и были они не лучше и не хуже. Посмотрел тот на дело рук учеников своих, горько усмехнулся и вынес своё решение:

"Потрудились вы на славу, вот только я хотел, чтобы каждый из вас создал что то новое, отличное от других. Вы же просто использовали старую матрицу моей вселенной. Не спорю, задание кое как выполнено, но в чём же ваша уникальность? Мой мир бессмертен, а вот ваши творения конечны, ведь я вложил всю душу, а вы спешили и искры её нет в этих мирах. Что будете делать, когда сии творения начнут разрушаться одно за другим? Или создатель не в ответе за своё детище? Иль равнодушие к судьбе детей для вас уж благом стало?"

– Света, я сейчас усну. – пробормотал я, зарываясь головой в подушку. Волосы на голове будто склеились, запах немытого тела раздражал обоняние, но мне было уже всё равно. Да, помыться было бы неплохо, но сил на это совсем уже не осталось. – Давай заканчивай свой сказочный монолог.

– Да там уже немного. – Светлана сидела с потусторонним взглядом, глаза её светились, отражая свет от уличного фонаря, горящего за окном. – Если коротко, Первосоздатель сказал им, что отдаст свой престол самому достойному, но

лишь тогда, когда все шестеро смогут доказать, что и в их мирах способна зародиться искра. Что родится тот смертный в их владениях, в ком воплотится искра души Первосоздателя. Всего один и этого будет достаточно для доказательства. Когда же все шестеро обзаведутся искрой, исход решит состязание между истинными обладателями. И тогда творец взойдёт на его трон, а творение будет властвовать над смертным миром.

— Где то я это уже слышал. — глаза просто слипались, слова давались с трудом и дальнейший рассказ девушки, если он, конечно, ещё продолжился, усвоить я уже был просто не в состоянии.

Накатила такая приятная нега, голос превратился в неясный бубнёж и сознание моё, наконец то отправилось туда, где не было уже чёрт знает сколько лет.

Снилось много чего. Казалось, вся моя жизнь промелькнула в одно мгновение. Детство, юность и уже более зрелые годы странным образом закрутились в единый узел и самые памятные моменты переплетались с такими, каких я уже и не помнил вовсе. Потом почему то возникла любимая схема негодяя Гилтри, те самые две параллельные вселенные, соединённые малым кругом. Или это уже шары? Ну конечно, плоских миров не бывает. Как же старик собирался свернуть шар в трубочку? О, а вот и он, собственной персоной, вместе с приёмной дочерью, в окружении остальных своих прихлебателей советников. Все они выглядели очень странно, будто

в застывшем кадре – неподвижные позы, отрешённые взгляды и крайне агрессивный вид. Неподалёку маячили те самые киберы, пытавшиеся сегодня меня убить, а пенсионер Иннокентий Афанасьевич радостно, под запись, давал интервью фельдшеру Кузьмичу.

Затем всех затмило лицо Глие, постепенно преобразаясь в Галину Андреевну. Она смотрела на меня с такой же тёплой улыбкой, с которой, вероятно, мать смотрит на своего сына. Хотя, откуда мне это было знать? Я никогда не знал своей матери. Кто она была? Почему оставила меня на произвол судьбы, подбросив к приютским дверям? Я даже не знал её имени, не представлял лица...

И вновь смена картинки и вновь пресловутая схема, только почему то шаров уже три, нет, четыре... Пять, шесть, семь. Центральный шар более яркий и остальные связаны с ним, словно пуповинами. Вся конструкция напоминала крестовину из древней игрушки кубика Руби, только вместо кубов шары. Что бы это значило?

Шар внутри конструкции выглядел идеальным, ярким и насыщенным. Он словно светился изнутри бесконечным количеством маленьких искорок, остальные же были его бледными и тусклыми копиями. Лишь в самом центре каждого из безжизненных шаров-спутников еле тлело по одной крохотной искре. Через соединительные пуповины туда сюда сновали огненные сполохи, хоть как то добавляя всему этому несоответствию жизни.

Потом я совсем растворился в этих вселенных, перемещаясь из одной сферы в другую и, постепенно, всё таки забылся глубоким сном, совсем без видений.

Как же дико орал петух! Ему что, перца в задницу насыпали? Во всей птичьей братии я не знал более противного пения. Дурной нрав и душераздирающий вопль ему достались, скорее всего, от его далёких предков – динозавров. Такие же безмозглые и надоедливые твари, житья от них не было, слава богу, почти все они вымерли. А те, которые остались, замаскировались в таких вот долбаных горлопанов. Чтоб тебе, сука, пусто было!

Я с трудом разлепил глаза и тут же снова закрыл их, солнце готово было сжечь сетчатку даже сквозь полупрозрачные занавеси на окнах. Сколько же я проспал? Не удивлюсь, если пару лет. Прислушался к своим ощущениям и понял, что тело вполне себе отдохнуло за ночь и готово к следующим свершениям. Главное, чтобы свершения эти оказались мирными и, самое главное, безопасными. Не может же у человека в жизни быть одна только чёрная полоса, даже в рабочее время бывают перерывы.

– Проснулся, Саша? – услышал я голос Светланы и одним глазом прицелился в её сторону. Она стояла в дверном проёме, одетая в цветастый халат, видимо, Галина Андреевна нашла всё таки для неё одежду.

– Нет. Чего тебе?

– Мне то ничего, а вот Глие..., то есть хозяйка о тебе уже

несколько раз спрашивала.

– Ну а ей чего? Денег я вчера вроде дал. Или обещал. Не помню.

– Так с деньгами мы уже разобрались, соня. Пока ты тут кроватью скрипел, Галина уже твои вещи постирала, так, кажется, это называется. Предварительно, конечно, вытащила всё из карманов. Там и деньги были, только она не взяла ничего.

– Почему это?

– Так Петя, на пару с Локи, ей все уши прожужжали, что теперь работают на тебя, что зарплата теперь ого-го какая будет. Это я цитирую. Причём, складывается такое впечатление, что это вообще один человек разговаривает, прямо не отличишь.

– Это и хорошо и плохо, – приподымаясь и, заняв сидячее положение, заметил я. – Чёрт, как же чешется всё, прямо наслаждение. Брр.

– Почесать тебе спинку? – тут же предложила девушка, отлепилась от дверного проёма и двинулась ко мне. – Только почему и хорошо и плохо?

– Ты давай... не балуй, – остановил я её порыв. – А то, не дай бог, мне так понравится, что я и мыться не захочу. А сколько веков мечтал. Что же касается твоего вопроса, то тут вообще всё неоднозначно. Хорошо в том плане, что чем меньше они будут отличаться, тем меньшая вероятность попадания в непонятную ситуацию. Раздвоение личности, оно

знаешь, до добра не доводит обычно.

– Ну а что тогда плохо?

– В том то и дело, что здесь и кроется один из главных моих вопросов и ты вчера своими сказками заставила меня, хоть и невольно, несколько проанализировать эту тему. Если, я повторюсь – если принять за гипотезу практически полную идентичность их сознаний, то, при чрезвычайно низком интеллекте обоих, вполне можно ожидать их слияние в одно общее. То есть эти два молодых человека могут попросту раствориться друг в друге и получится какой-нибудь..., ну не знаю, скажем – Петелок, или Локипет. Что печально.

– Неужели такое возможно? – спросила Света и со вздохом опустилась в уже знакомое кресло. – Жалко, они мне оба нравятся. Такие милые и непосредственные, как дети. Своих то у меня никогда не было, а к Локи я всегда с любовью относилась. Пусть он и проказничал, но ведь вырос то на моих глазах. Да и Петя, при всей его напускной взрослости, юноша очень чувствительный. И мамку любит.

– Я уже не знаю, что в этих мирах возможно, а что нет. Кстати, ты вчера мне всё дорассказала? А то я уснул, вдруг что-то интересное пропустил?

– Откуда ж мне знать, когда ты заснул?

– Ну, последнее, что я помню – что то про вхождение на трон и бла-бла...

– Там под конец ещё стишок был, так, ничего особенного.

– И что за стишок?

– Их шестеро сойдётся под конец.

И лишь один взойдёт на царский трон.

Получит тот всевластия венец.

Кто истинною искрой наделён.

Вот это поворот! А ведь старик Гридоебов продекламировал мне те же самые строки, пусть и по чужой воле, но вот только по чьей? Я же ведь сразу должен был догадаться, что рассказ Светланы странным образом накладывается на это четверостишие. Знать бы ещё, что оно означает.

Кибер Роберт тоже говорил что то про шестерых истинных игроков и я, будто бы один из них, по его мнению. Сигналка у него, видите ли, сработала. На живца ловили, суки. Кто же они такие, всё-таки, эти киберы во главе с долбаным Медароном?

– Где, ты говоришь, моя одежда?

– Высохла уже почти.

– Принести можешь?

– Могу, конечно. Ты куда то торопишься?

– Нельзя отсиживаться, дел по горло. Петюня где?

– Так уже убежал куда то.

– Чёрт! – выругался я. – Нельзя его было отпускать.

– Почему это?

– Да потому что этот придурок угнал вчера трактор, который наверняка уже обнаружили, далеко не в самом рабочем состоянии. Плюс ещё три трупа рядом. А теперь он шастает по деревне, где его убить мечтает каждый второй житель и,

не дай бог, ещё хвастает пришельцем в голове. Вариантов у него немного, на самом деле. Либо убьют, либо в полицию заберут, либо в психушку. Вот теперь и думай – что лучше?

Кстати, там ведь и твоя машина. Как думаешь, кого ещё будут искать вместе с этим мелким поганцем?

– Ой! – испуганно вскрикнула Света, вскакивая на ноги – А у меня машина была? И что же теперь делать?

– Так вот и я думаю – что? Всё ещё не торопишься никуда?

– Сейчас я принесу одежду.

Она шустро упорхнула из комнаты, а я поднялся и подошёл к окнам, разглядывая уличную обстановку. Пока вроде тихо. Не знаю, насколько оперативно работают местные службы правопорядка и работают ли вообще, но пока что на горизонте слишком уж безоблачно. Наследили то мы будь здоров как. Странно, что ещё вчера вечером нам не выкрутили руки всем троим и не бросили в отстойник для преступников.

Хотя, рано радоваться, всё, что я запланировал на сегодняшнее утро, катилось к чертям собачьим. Где этот Локипет недоделанный? Мне связь нужна как воздух, а он свалил в неизвестном направлении, по своим таким же, недоделанным нуждам. Где теперь его носит? А вдруг поймали и, не отягощённый даже сдвоенным интеллектом, этот любитель водки, груш, а теперь ещё и мороженого, захлёб рассказывает заинтересованным лицам про нашествие пришельцев на родную планету. Как вполне себе человеческие ноги управ-

ляются чужеродным разумом и безнаказанно топчут, приготовленную к захвату, землю. Да о чём угодно может поведать этот...

– Александр? – услышал я за спиной и вздрогнул.

– А?

– Завтракать будете сейчас или сначала в душ? Вода уже нагрелась.

Галина Андреевна стояла в дверях со стопой белья и с лёгкой улыбкой наблюдала за моими метаниями в попытках чем-нибудь прикрыться. Только сейчас я обнаружил, что стоял посреди комнаты в одних трусах до середины бедра и понял, что такие захватчики, как я, землю точно не завоюют. Одним только своим внезапным появлением, простая земная женщина заставила страшного инопланетянина заметаться в поисках укрытия. В конце концов, я вновь уселся на кровать и, прикрывшись одеялом, с облегчением вздохнул.

– Спасибо вам, Глие... Ой, извините, Галина...

– Андреевна, – подсказала та и вновь улыбнулась. – А я вам одежду вашу постирала и погладила уже. Документы и бумаги сложила отдельно, не забудьте забрать потом.

– Не забуду. А вы... ничего не смотрели там? – я вдруг понял, что у Галины точно бы могли возникнуть вопросы по поводу одарённого, не в смысле интеллекта, её сына незнакомым дедушкой Гридоебовым.

– Нет, конечно, – прямо от сердца отлегло. – У нас не принято совать нос в чужие дела, это неприлично, по крайней

мере. А иногда и опасно.

– Спасибо, – мне отчего то было очень неловко, будто пациенту, которого застали за чем то непотребным. – А где Пётр Алексеевич?

– Как вы его, – сказала Галина, протягивая мне одежду. – На Петра Алексеевича он ещё не тянет. Не дорос.

Я тут же принялся натягивать штаны, стараясь не высунуть ноги из-под одеяла. Откуда у меня такая стеснительность? Что происходит? Почему при виде этой женщины у меня вдруг мурашки по всему телу и слегка потрясывает руки? Не из за её ли потрясающего сходства с моей старой знакомой? Можно бы было ещё как то попытаться понять этот факт, произойди это на одной планете, двойники среди людей даже на Технеции не редкость. Были. Но здесь то она откуда могла взяться? Ответ – ниоткуда. Это просто невозможно.

Я мельком, нет-нет, да посматривал на неё и всё больше убеждался в их полной идентичности. Причём не только лицо, но и фигура, движения абсолютно совпадали. Да даже манера говорить. А вчерашние слова? Тоже совпадение? Милые не просто так на сей счёт всполошилась, теперь я её понимаю, просто вчера вечером не до этого было, мы все устали и валялись с ног.

– Зачем он вам, Александр? – спросила она.

– Так это... Дело у меня к нему.

Нет, надо срочно брать себя в руки, а то я так до уровня

Петюни, плюс Локи скачусь. Глупею на глазах.

– Господи. – усмехнулась Галина и повернулась к выходу из комнаты. – Какие ж с ним у вас дела могут быть? Вы лучше одевайтесь вот и завтракать выходите.

– А где Света? – опять пришлось кричать ей вдогонку. Что же она всё время убегает, не договорив?

– Мы ждём вас за столом.

Вот чёрт! Под очередной дебильный крик петушиной сволочи за окном, я с ненавистью перевёл взгляд на верх дверного косяка. Потерев при этом небольшую шишку на лбу, тут же поклялся, что в списке моих врагов, после Гилтри – 1 штука, обязательно появятся ещё две позиции – дверные проёмы и петухи всего мира, где бы они мне ни встретились.

Глава 9

План работы на сегодня:

1. Набрать интеллекта 800+.
2. Войти в глобальную сеть.
3. Разрулить все сопутствующие проблемы...?
4. Петюня, сука, ты где?!

Эти и ещё примерно около сотни пунктов я обдумывал по дороге к столу, где, как оказалось, меня уже ждали на завтрак. Хотя ожиданием это выглядело с большой натяжкой, поскольку, когда я прибыл, ориентируясь в основном на весёлый хохот и чудные запахи, обе представительницы прекрасного пола уже всю трапезничали, мило шушукаясь. Короче, ожиданием здесь даже и не пахло.

Зато как пахла жареная картошка! Ладно, еда это святое, когда ещё перекусить получится? Сейчас быстренько пожужём, да за дела. Я чуть не подавился слюной и хотел уже было наброситься на еду, как внезапно был беспощадно остановлен на самых подступах к заветной сковороде.

– Александр! – Галина Андреевна недоумённо посмотрела на меня и переглянулась со Светланой, которая, казалось, от счастья была на седьмом небе. Интересно, что же так развеселило этих совершенно разных по характеру и по возрасту, женщин. Что тут уже успела наплести словоохотливая бабуля Милие в моё отсутствие? Она уже опять никуда не то-

ропится? Да, ненадолго же хватило ей беспокойства. Послал девушку за одеждой, называется. И где та девушка? За столом сидит, где ж ей ещё быть?

– Чего?

– Как это – чего? Вы, что же, так с грязными руками и сядете за стол? Вас разве не учили перед едой руки мыть?

Вот тут я и застыл снова, как статуя. Нет, всё-таки века безответственно-антисанитарной жизни давали о себе знать снова и снова. Я вдруг почувствовал себя невымытым, вонючим поросёнком, который со всей животной наглостью лезет в хозяйскую кровать, не отмыв свои копыта.

– Так я, это...

– Ладно, – Галина, судя по всему, в отсутствие своего предусмотрительно слинявшего сынка, решила взяться уже за меня. И всерьёз. – Давайте поступим следующим образом. Чтобы десять раз не гонять вас туда, сюда, идите-ка вы в баню.

– Куда? – обалдело спросил я.

– Банька у нас есть, – она встала из-за стола и начала подталкивать меня к выходу. Господи, у них тут, в деревне этой, у всех, что ли так принято – толкать кого попало. – Правда, топить я её не стала, зато в душе есть горячая вода. Полотенце я вам дам, а остальное сами найдёте. Там на полочке банные принадлежности. Ну, мыло и прочее. Разберётесь.

– Конечно, разберётся. – засмеялась вновь Светлана. – У него интеллекта-то, поди, ровней...

– Милие, фу! – прикрикнул я и та тут же посерьезнела, выполняя мою команду. Надо потом будет допросить её с пристрастием, чего ещё она могла ляпнуть? Предупреждал ведь, держи рот на замке, или эта схожесть Галины Андревны со старой подругой Глие на неё так подействовала?

– Как как? – переспросила Галина. – Это на каком же языке?

– Это мы в детстве так играли, – ответил я, округлив глаза и исподтишка делая беспечной девушке знаки гримасами, значения которых и сам вряд ли бы понял. – Когда она говорила то, чего говорить была не должна.

– Странные игры. У нас так только с собаками разговаривают.

– Да? Ну правильно, Светлана тогда очень собаку хотела, вот и просила, чтобы с ней играли, как со щенком. Даже хвост себе привязывала к жж... Жёлтые колготки у неё такие были, вот к ним и привязывала. Вставала на четвереньки и виляла им по-собачьи. Получалось красиво, так ведь, Света? Помнишь детство?

– Боже, какой ужас. – Галина сочувственно посмотрела на сидящую с открытым ртом, обалдевшую девушку. – Жёлтые колготки. Какая ж мать такое своей дочери купит?

– Нормальный цвет. – возразил я. – Так я пошёл, а то так есть хочется. Времени вообще в обрез, да и дела ждать не будут.

– Да, да, пойдёмте, Александр, я вам всё покажу. Бедная

девочка...

Всё ещё удручённо покачивая головой, Галина направилась к выходу из дома, а я никак не мог взять в толк, что же не так с этим жёлтым цветом? Ну и хрен с ним. Помыться и быстрее за стол. Аппетит разгорался с каждой новой секундой, вчера ведь я так и не сумел поужинать. Петюнина колбаса не в счёт.

Кстати, где он? Часики тикают, а у меня ещё всё ни с места. Сказал же вчера – с утра будь наготове, будем вышку ремонтировать. Лишу премии, миллионер чёртов. Хрен ты у меня Кешино богатство получишь, мне бы только до базы данных добраться и к моим услугам будет вся местная юриспруденция. Подпишешь дарственные, как миленький.

Стоп, это случайно, не господин ли Шпрот во мне заговорил? Тоже мне – вершитель правосудия. Хотя, по хорошему, Петюня этот, при недолгой жизни своей, какое-то количество приговоров уже заслужил. Только вот вершитель мой ни к государственным, ни частным интересам никакого отношения не имеет. Поэтому, единственным критерием оценки степени вины были и остаются, как и было заявлено в изначальных условиях специальности, личные нравственные рамки. А согласно им, наказание я придумаю сам. Например, чтобы пить совсем бросил. Ха, хотя там сейчас такой собутыльник нарисовался, мама не горюй. Глядишь и сам бросит, без приговора. Самое главное, чтобы его государственные органы правопорядка, полиция вроде, за жабры не взя-

ли. Во, местный сленг потихоньку осваиваю.

– Пришли, – голос Галины Андреевны вывел меня из раздумий. – Заходите, вот полотенце, вот всё остальное.

Банькой оказался небольшой деревянный сарайчик, внутри которого, прямо на полу, стоял некий агрегат непонятного назначения, вмурованный в одну из стен, перегораживающих помещение. Рядом аккуратной стопкой лежали деревянные обломки. Любопытство взяло верх и я простодушно спросил:

– А это у вас что?

– Как что? – удивилась женщина. – Это ж печка, баню топить.

– А, – я вновь полез куда не следует. Пора уж самому себе: "Кади, фу", говорить. – Ясно. Просто у меня дома не такая. Другая маленько. Чуть побольше и пошире. И повыше. И цвет другой.

– Так недостаток у всех разный. Муж баньку строил практически из отходов на лесопилке, печку вместе покупали уже подержанную. Ваша-то дорогая, наверное.

– Наверное. – туманно ответил я, не уверенный в том, что она у меня вообще была. Вернее, у Александра. Так получается, Петюня не врал и люди действительно жгут дерево в печах. Изверги.

– Ну ладно, вот краны с горячей и холодной водой. Одежду можете сложить сюда. Я пошла, если ничего спросить больше не хотите.

Я посмотрел ей прямо в глаза и попытался просканировать сознание. Ничего. Полная тишина. А ведь я ещё ни разу не пробовал читать мысли обычных людей, как-то случая не предоставлялось, или просто было не до этого. Вот и сейчас непонятно, то ли блок мешает, то ли ...

– Потом спросите. – улыбнулась Галина. – Когда будете готовы.

– В смысле? – не понял я. – К чему мне надо быть готовым.

– Когда помоешься, тогда и будете.

С этими словами она прикрыла за собой дверь и я остался один. Свет проникал через несколько узеньких окошек, затянутых тонкой, полупрозрачной тканью, так что необходимости в дополнительных источниках освещения не было. Наспех раздевшись, я кое-как сложил одежду на небольшую, почему-то трёхногую табуретку и приступил к изучению мощных средств и механизма управления подачей воды.

Дело нехитрое, пока часть мозга занималась бытовухой, другая принялась решать задачу номер раз из сегодняшнего списка. Прокачать интеллект до 800+ в обычном режиме не представлялось возможным в принципе, поэтому я решил воспользоваться способом, с помощью которого уже один раз слез с поводка Гилтри. Теперь предстояло научиться слезать вообще со всех поводков, или крючков, на которые меня потенциально могут насадить. А количество желающих это сделать, судя по всему, со временем будет только расти в прогрессии.

Дело начало пахнуть жареным и это был не тот одуряющий, сладковатый запах поджаренной Галиной картошки, а скорее, вонь от опалённой морды участкового Крюгера. Я уже неоднократно пожалел о своём опрометчивом решении удалить файл Иеди. Мог, хотя бы ненадолго, сохранить его для личных нужд. 201 интеллекта! Просто взял и выбросил на помойку, идиот! Сейчас бы вообще не парился, думая, где бы раздобыть столь необходимые уровни и уже был с женой. Елена, кажется, её зовут, так Лайе, сказала, по крайней мере. Интересно, правда она изменила Александру, или это очередной блеф от старой, в конец изолгавшейся шлюхи? И что вообще Александр сделал, если видел, конечно, факт прелюбодеяния? Надеюсь, не убил несчастную? С него ведь станется, чёртов решала. Хотя, там вроде любовь была, если Лайе не соврала в сотый раз.

Короче говоря, на данный момент остаётся только единственная надежда на три последних файла, которые пролежали без применения все эти века в закрытой базе данных. Два из пяти я уже расконсервировал, соответственно Локи и Милие. И если с эрудированной старушки отщипнул таки двадцатку интеллекта, то что с Локи-то взять? Он и так обделённый от природы.

Итак, кто тут у меня остался? Я помнил эту неразлучную троицу ещё по уютному дому. Те немногие, кто не относился ко мне с пренебрежением и злобой. Приютские дети, в большинстве своём, были воспитаны улицей и месяцами

беспризорного скитания. Сама жизнь заставляла их выживать так, как получится, что, естественно, не добавляло им хороших манер. Те, кто постарше, отбирали еду у малявок, в ход шли и угрозы и насилие. Система зорко следила за всеми этими безобразиями, но правоохранители были бессильны в отношении детей, принятых на баланс государства, обычные гражданские законы на них не распространялись. Доступ в приюты для службы правопорядка был закрыт. Внутренние же наказания за провинности были настолько мягкими, насколько могли быть вообще применимы в отношении несовершеннолетних. Естественно, никто их не боялся. Ну, посидишь денёк в комнате размышлений без еды, там просто все эти изверги отсыпались, радуясь перерыву в бесконечных занятиях и учёбе. А пищевой брикетик можно было припрятать в одежде.

Вот и выросли будущие преступники и будущие неудачники на полном государственном обеспечении. Но эти трое друзей контрастом выделялись среди толпы детей, лишённых родителей. Держались всегда вместе, отбивались от борзых любителей дополнительной пайки с такой яростной решительностью, что постепенно их стали побаиваться, а потом и вовсе оставили в покое. Чуть повзрослев, набравшись сил, они горой стояли уже не только за себя, но и за тех несчастных изгоев, которым не хватало сил и смелости противостоят злым дням в детском обличье.

Так я с ними и познакомился, мы стали друзьями, хоть я

и был немного моложе их всех. А когда дорожки наши разошлись, когда Гилтри забрал меня из приюта, я пообещал себе, что обязательно разыщу их. Не так много людей были добры ко мне в течение жизни, поэтому разбрасываться подобными друзьями не стоило.

Я нашёл всех троих. И даже сейчас они по прежнему вместе.

Нашарив руками краны с водой, я ненадолго отвлёкся – успею ещё помыться и позавтракать. Надо начинать выполнять поставленные задачи, было такое ощущение, что необходимо поторопиться, что то тревожное сгушалось в окружающем воздухе, я прямо всей кожей чувствовал это.

Зашумела вода и...

– Ааа-аа!!!

Моему воплю, наверное, позавидовал бы даже самый беспредельный петух.

– Каа-питок!! Сука!!

Я собрал всё, что только мог. Ошпарил плечо и шею, поскользнулся на упавшем мыле и чуть не выбил головой дверь. Хорошо ещё, что до неё было на полметра дальше, чем нужно для того, чтобы на моём лбу второй рог вырос.

– Твою мать!

Как можно завоевать этот народ, не зная нихрена из их обычаев? Где даже самая простая деревенская тётка может до такой степени нагнать жути, что лучше сразу сдохнуть. Гилтри – ты конченный идиот. С этими людьми надо было

дружить, а не пытаться нагнуть раком. Как бы вас всех не нагнули. Даже в безмозглом Петюне и то можно было разглядеть какую-то мифическую искру, а вот в вас её точно нет.

– Что случилось, Александр? – услышал я громкий голос Галины Андреевны. – С вами всё в порядке?

– Саша, Саша! – о, а это уже сестрёнка забеспокоилась. Приятно.

– Всё нормально, – ответил я как можно спокойнее. – Не волнуйтесь, я просто с температурным режимом не сразу разобрался. Скоро буду.

– Хорошо, Александр. Если что-то понадобится, кричите. Только не так громко, а то вы нам даже телевизор заглушили.

– Да-да, конечно. Всё нормально. – зачем то опять повторил я и потихоньку начал подниматься с пола. Прислушался – шаги вроде затихли.

– Ушли, кажется. Чёрт!

Плечо горело огнём, надо бы отрегенерировать повреждённую кожу. Как же не вовремя всё это. Все силы туда, подождите пока, друзья мои, больно же до слёз, надо бы попробовать понизить уровень болевых ощущений, а то так и рехнуться недолго.

Я, как только наберусь сил, позаимствую у Рики, Тики и Тави на время интеллект, надеюсь, его хватит для моих очередных планов. И, как представится возможность, освобожу, наконец, их из заточения, обещаю. А для повышения уровня, в дальнейшем, конечно, можно будет взять в плен какого-ни-

будь жирного интеллектуала из числа прикормышей мудака Гилтри. Он их всё равно словно на убой отправляет, даже не задумываясь. Одним меньше, одним больше – какая разница?

Вот только как теперь мыться? Хочешь, не хочешь, а санобработка нужна, иначе нахватаешься всякой заразы. Я, с огромной опаской, вновь приблизился к кранам и вытянутой рукой открутил сначала один, потом другой. Недолго поманипулировав, установил температуру ближе к прохладной и с наслаждением встал под воду.

– Да, не познав боли, не узнаешь, что такое счастье. – пробубнил я и принялся осторожно намыливаться. Отмыться надо как следует, столько веков антисанитарии...

Шея и плечо горели, будто жгучим перцем натёртые, но я мужественно терпел боль. Не хватало ещё раскиснуть в самом начале – я ещё толком и не успел насладиться разного рода ощущениями, а уже готов был разныться, как последний хлюпик.

Однако, усы и бородка явно лишние на этом лице, да и волосы укоротить не мешало бы. Что поделаешь, не привык я к таким вот излишествам. Интересно, Милие с Локи так же рассуждают или нет? Надо будет потом спросить. Как же люди удаляют лишнюю растительность? Узнать у Галины Андреевны? Нет, боюсь, она тогда точно что-нибудь заподозрит. О, Петюня должен знать. Кстати, где он?

Когда я смыл последнюю пену со своего тела, в дверь бани

кто то негромко забарабанил. Что называется – вспомни о дураке, а он уже тут как тут.

– Начальник- – раздался тихий шёпот снаружи. – Александр Викторович, ты здесь?

Я обмотался большим баннным полотенцем, что так вежливо предложила мне Галина, и, подойдя к двери, резко распахнул её. Раздался глухой стук, стон и мне стало немного легче, этот бестолковый молодой человек способен был нарушить мои планы своим непредсказуемым поведением. Надо же было хоть как то компенсировать своё раздражение на действия этого местного возмутителя спокойствия.

Вслед за этим я втащил Петюню в баню, просто ухватив свободной рукой за шиворот. Дверь же постарался прикрыть потише, чтоб не хлопнула. Я в последнее время вообще к дверям начал относиться с опаской.

– Тебя где носило? – почему то тоже шёпотом спросил его.

Парень имел виноватый вид, переминался с ноги на ногу и тяжело дышал.

– Чего молчим? Вчера разве непонятно было сказано, что сегодня идём с вышкой разбираться?

– Так мы это...

– Что – это? – язвительно спросил я.

– Давай ты, Локи.

– А чего это я то? Сам и рассказывай.

– Так стрёмно.

– А мне, думаешь, нет? Я вообще не при делах.

– А чё сразу я то?

– Так, хватит! – рявкнул я и тут же сбавил тон. – Что случилось?

– Мы на вышку залезали. – выпалил тот. Ну, как залезали. Локи высоты боится, мешал только. Я навверх – он вниз. Я туда – он сюда. Опять чуть не подрались. Я даже думал, мы вообще на землю свалимся, а там высоко-то как. Точно бы разбились. Говорю ему – не ссы, а он орёт, как больной.

– Не больной я. Сказал же, что высоты боюсь.

– Чё её бояться-то? Надо просто вниз не смотреть и всё.

– Так я и не смотрел, пока ты не сказал. А как сказал, так и посмотрел. Знаешь, как страшно было?

– Так мы тогда ещё даже на метр не поднялись, земля то вон – совсем близко была, а ты уже орать начал.

– Говорю же – страшно.

– Ссыкло.

– Сам ссыкло.

– Вот щас как врежу тебе.

– Давай, давай. Только рожа то у тебя болеть будет.

– Стоп, – я вновь схватил этого недоросля за шкирку и потряс, как нашкодившего кота. Насколько я помню, самим котам от этой процедуры бывало ни холодно ни жарко, а этот индивидуум вдруг успокоился.

– Ещё раз и без всяких ненужных подробностей.

– Назад я эту штуку присобачил, – сказал Петюня и виновато шмыгнул носом.

– И что, связь заработала?

– Неа.

– Почему же?

– Так я это...

– Давай, не тяни, а то у меня уже нервы заканчиваются. –

не выдержал я и снова потряс его.

– Ну, короче, я вчера не всё рассказал.

– О, господи. – простонал я и присел на небольшую деревянную лавку, поскольку смутные сомнения, закравшиеся в мозг, отчего-то непонятной тяжестью начали придавливать меня к полу. – Что именно ты скрыл от меня, о малолетний вредитель?

– Ну, это... Я, когда ту штуку отвинтил, телефон всё равно работал, я специально у мамки взял. На время, своего то у меня нету.

– И что?

– Ну, я там все провода ещё порезал. Чтоб наверняка.

– Провода порезал? – спросил я равнодушным голосом.

– Ага. Тогда связь и пропала. Только голос всё равно никуда не делся.

– Петюня.

– А.

– Расскажи ка мне, дружок, а где тут у вас ещё вышки есть?

– Да хрен знает. Только эта и была.

– Ясно. Тогда покажи мне, как у вас тут на Земле удаля-

ют волосы. Если уж помирать, то, по-крайней мере, без этой рудиментарной растительности на лице.

– А чё сразу помирать-то? – испугался парень. – Чё в этой вышке такого?

– Мне нужен доступ к сети. Без него я всё равно, что ты без головы. Хотя ты и так безголовый.

– Чё это я безголовый? Есть у меня голова.

– Сомнительное утверждение.

– Если я дурак, чё ж ты бриться не умеешь? А ещё при-шелец. У нас вот все умеют, даже девки. Правда они не лицо бреют, а...

– Показывай давай, умник. Пока я ещё не совсем разо-злился.

Петюня хмыкнул с самодовольной улыбкой до ушей, надо же – начальника уел, и подошёл к полочке с разного рода принадлежностями.

– Вот станок бритвенный, а вот пена. Пену на лицо и стан-ком так вот. Херак, херак и всё, готово дело.

Исключительно информативная инструкция. Хреновый из него преподаватель, были бы у меня в своё время такие, то я бы лучше сразу повесился.

– Петюня, а ты ходил когданибудь в учебное заведение, как у вас они называются?

– А как же, у нас все в школу ходили. Только у меня спо-собностей нету. Я только ломаю всё, мамке на меня всё вре-мя жаловались, а она потом ругалась.

– Ну, это тоже способность – ломать. Здесь тоже талант нужен.

– Правда?

– Да. Нужно будет подумать, как этот твой талант раскрыть в нужном ракурсе.

– И я всё ломал.

– Это ты, Локи?

– Ага. Петюня как будто про меня всё рассказывает. Один в один почти. Только я бы никогда вышку не смог сломать, высоты боюсь.

– Ладно, ступайте пока и из дома ни ногой, я скоро приду и будем думать, что дальше делать. Вернее, думать буду я, а вы вещи собирать.

– Куда это? – испугался Петюня.

– Сказал же только что – думать будем. Всё, пошли.

Закрыв за ними дверь, я с минуту задумчиво простоял, разглядывая в зеркало своё отражение. Всё ещё никак не мог привыкнуть к новому внешнему виду. И да, что касается Петюни, почему до сих пор он на свободе? Я уж было подумал, что его таки забрали за угон трактора, так нет – смотался туда и обратно, наверняка кто-нибудь да видел его в деревне, но никаких явных последствий.

Ни бдительный участковый, ни сам лысый владелец агрегата Алексей Дмитриевич не ломались в ворота и не требовали выдать им опостылевшего правонарушителя. А то, что сгоревший трактор обнаружен и опознан, у меня не было

никаких сомнений. Вдобавок три трупa, добавляющие представленной картине суровых подробностей.

И довеском ко всему – машина Светланы. Я не знал, по какому принципу местный личный автотранспорт привязывался к своему владельцу, у нас на Технеции, если имеешь свой моновоз, то никто, кроме тебя управлять им просто не сможет. Сложная система защиты не допустит до вождения без предварительного сканирования нейроматрицы. Перевозка посторонних также была под строжайшим запретом, что служило, естественно, для удобства органов, регистрирующих транспортные потоки. Дабы, не имеющие допуска на текущую магистраль, не смогли воспользоваться попуткой для своих целей, зачастую незаконных. Все необходимые перемещения основной массы граждан производились общественными транспортными средствами при строжайшем контроле. А моновозы пойдй все проверь, ведь их счёт шёл на миллиарды, поэтому, при нахождении в кабине постороннего, двигатель просто-напросто не запускался.

В общем, сходил в баню, что называется. Когда я появился на пороге столовой, троица причастных ко всем моим бедам, мирно пила чай, даже странно трезвый Петюня, и смотрела в экран устройства, передающего видеоизображение. Видимо, это и был тот самый телевизор, который я заглушил своим диким криком.

После минутной немой паузы первой отмерла Галина Андреевна.

– Александр, что это с вами такое?

– Ха-ха, я же говорил, он бриться не знает как! – заржал Петюня и тут же схлопотал от самого же себя ладонью по щеке. – Ну, то-есть, таким станком. Таким только папка умел, он им как-раз последний и брился. Ну, когда живой был ещё.

Немудрено, что я ошаршил их своим появлением. Лучше бы вообще ничего не трогал, поскольку исцарапанное в кровь лицо с редкими островками недобритых волос навело бы скорее всего, на странные мысли любого, кому я попался бы на глаза в этот момент.

– Антисептика нет у вас, Галина?

– Андреевна.

– Да. А то всё лицо горит, – я непроизвольно поморщился, задев ошпаренной шеей воротник.

– Ну-ка, присаживайтесь, молодой человек. – чересчур властно сказала она и, поднявшись, пошла в другую комнату. – Снимайте куртку, я сейчас вернусь. Смотрю, температурный режим вы точно не соблюдали. Будем вас лечить. Вы нам живой и здоровый нужны.

– А разве не врачи этим должны заниматься?

– У врачей своих дел полно, чтобы отвлекаться на всякую ерунду.

– Видел я их дела, сидят, только языками чешут.

Женщина вернулась с двумя металлическими тубиками и, отложив протянутую ей куртку на соседний стул, довольно бестактно осмотрела мою шею. Оттянув ворот футболки, тут

же безапелляционно заявила:

– Это тоже снимите.

– Может мне совсем раздеться? – попытался я вспылить.

– А вы что, под штанами тоже что-нибудь ошпарили?

– Нет, – тут же открестился я.

– Значит не надо, а футболку снимайте, что вы, как маленький?

– Ладно, ладно, – я кое как, стараясь не задеть шею, стянул с себя одежду и тяжело вздохнул.

– Бедняжка, – произнесла Светлана. – Больно, наверное.

– А ты сама как думаешь?

Надо же, пожалела. А вот упавший в огонь Крюгер почему то не удостоился такой чести.

– Наверное, больно. Хотя это так странно – не чувствовать боли, я уже и не помню каково это.

Чёрт, я и думать забыл, что она была инвалидом. Так, выходит, что и от болей, до кучи, мучилась, может, поэтому и отреагировала на Петюнин рассказ с таким равнодушием?

– Сейчас я вас намажу специальной мазью и всё как рукой снимет. – между тем приговаривала Галина, втирая мне в шею и плечо прохладный вязкий крем. – Лицо сами протрите – вот вам специальный лосьон после бритья, а потом я вас побрею, как следует. Я раньше часто мужа брила, ну... когда он сам был не в состоянии.

– Спасибо вам. – я и в самом деле был очень благодарен этой чудесной женщине. Что бы я без неё делал? Хотя, воз-

можно, если бы совсем с ней не встретился вчера, остался бы невредимым.

– Ааа! – в очередной раз заорал я, когда, щедро смочив ладонь, принялся остервенело намазывать лицо. – Что это? Почему кожу щиплет? Это кислота?

– Точно, как маленький. – резюмировала Галина. – Всё, я закончила, а вы перестаньте, наконец, орать, и ешьте, что бог послал.

Ну всё, пора было обижаться на весь мир. Ничего то у меня не выходит. Окружающие меня люди все, как один – со сдвигом в голове. И так мне захотелось вдруг назад, в свои опостылевшие апартаменты...

"А теперь криминальные новости. – объявила симпатичная девушка с экрана телевизора. – Вчера, во время тушения пожара в Эрзянской области, неподалёку от села Ходорковичи, было обнаружено тело известного предпринимателя и мецената Гридоебова Иннокентия Афанасьевича. Один из старейших долгожителей стал жертвой криминальной разборки между пока не установленными группировками, либо просто группы похитителей. О деталях расследования нам рассказали в пресс – центре УВД Спасовского района. Скорее всего господин Гридоебов был похищен с целью получения выкупа от родственников. Для этого преступники совершили угон двух транспортных средств, принадлежность которых устанавливается следствием.

Однако, по видимому, внутри преступной группы возник-

ли разногласия, переросшие в насилие, в результате которого двое похитителей особо жестоким способом были убиты своими подельниками. Чтобы скрыть следы, преступники подожгли транспорт и скрылись в неизвестном направлении. Личности погибших преступников устанавливаются. Ведётся следствие.

Сам господин Гридоебов обнаружен без сознания и доставлен в районную больницу машиной скорой помощи. Нашей съёмочной группе удалось снять несколько кадров из приёмного покоя, прежде чем она была выдворена оттуда сотрудниками полиции."

На экране телевизора замельтешило изображение больничного коридора и невидимый репортёр начал комментировать кадры:

– И вот мы в приёмном покое. Снимай быстрее, пока не выгнали. Вот и сам выживший в жестокой схватке. Досталось же ему.

Камера выхватила безжизненное лицо Иннокентия Афанасьевича, который, казалось, начал уже разлагаться от старости, настолько неестественного цвета оно стало с тех пор, как я его видел. Над ним хлопотала немолодая женщина-врач в белом халате, её лицо выражало беспокойство и удивление. Конечно, не каждый день видишь такую древность.

Старик вдруг сделал глубокий вдох и, резко приподнявшись из положения лёжа в положение сидя, открыл глаза и

прокаркал срывающимся голосом:

– Чёртова кобыла!!

На этом всё и закончилось. То были первые и последние слова, почти полтора века назад упавшего с лошади несчастного прожигателя жизни, Кеши, который тут же закатил зенки в район гайморовых пазух, издал громкий хрюкающий звук и повалился на спину. Да, сто тридцать лет провести без сознания, попасть в будущее, но так и не успеть насладиться жизнью. Прямо вот невезенье, так невезенье.

Тут в кадре появилась чья то огромная пятерня, скрывая за собой обиженное лицо женщины-медработника, заполонила весь экран и грубый голос произнёс:

– Так, пошли отсюда нах...

"Это всё, что удалось узнать нашей группе, которая побывала на месте происшествия, дальнейшая судьба господина Гридоёб..., простите, Грибодое..., неизвестна.

К другим новостям. Эрзянская молодая пара назвала своего новорожденного первенца – Хриплоголосый Кошмар..."

Вот это поворот! Это что же получается? Вроде как сухими из воды выскочили? Короче говоря, местное следствие решило не особо заморачиваться и просто списало пенсионера на легкодоступных мертвяков, которые либо сами себя поубивали, либо были умерщвлены своими тупорылыми несуществующими подельниками.

Это что же за преступление такое? Хотя, я же не в курсе, как здесь всё планируется, может такие вот бездарные клоу-

нады здесь в порядке вещей. Если ещё учесть тотальное покрытие друг друга перед властями – хочешь, не хочешь, но пока у меня складывается именно такое впечатление.

Ну что ж, это нам только на руку. По крайней мере, единственная зацепка, которая могла к нам привести – это автомобиль Светланы. Но дикторша говорила что-то об угоне, может на этом можно как то сыграть. Интересно, как у них тут эти противоправные деяния регистрируются – автоматически, или через специальный протокол? У кого бы узнать то? Не у Петюни же – этот сам угонщик ещё тот, только вот вряд ли у него что либо у самого угоняли. Разве что велик.

– А поем-ка я чтонибудь, в самом деле, – вслух произнёс я. – Чего-то аппетит снова разыгрался. Галина Андреевна, не покормите голодного человека?

– Ну конечно. – женщина как раз вернулась со двора, неся свежие овощи – огурцы и помидоры. – Сейчас салатик нарежу, а то Петюня подьел всё. Вроде мелкий, а сегодня лопает прямо за двоих.

– Так мы вдвоём и лоп.... – снова шлепок ладонью по физиономии. Видимо, превосходство интеллекта Локи на целую единицу, всё же давало о себе знать. Пётр Алексеевич, ты неисправим. Нельзя же быть настолько тупым, голова твоя пустая.

Кстати, что там у них в характеристиках? Ничего не изменилось?

"Аватар: человек землянин Пупков Пётр Алексеевич, 25

лет, пол мужской, специальность стихийный взломщик, интеллект 12.

Симбионт: человек техницианин Гай Локи Семур, 25 лет, пол мужской, специальность осторожный взломщик, уровень 2, интеллект 13."

Как и ожидалось, система определилась с профессиями этих двух юных дарований по склонности к поломке, либо порче чего угодно, а Локи получил новый уровень. Наверное за вышку. Хм, странное сочетание. Один взломщик стихийный, другой осторожный. Этак они друг другу мешать станут при случае, надо бы попробовать сгладить эти их противоречия. А то получится, что пока один будет в нерешительности думать, второй разнесёт уже всё к чёртовой матери. Непорядок.

Мысли мои были прерваны – да чего там говорить, просто растоптаны огромной тарелкой жареной картошки и, не менее впечатляющей посудиною с нарезанными овощами. Ну, и в довесок – крупно нарезанные кольца вчерашней колбасы с чёрным хлебом. Откуда он взялся то? Петюня вчера утверждал, что на хлеб как раз денег ему и не хватило. Неужели Галина поутру быстренько смоталась в магазин и прикупила буханку? Ведь не сыночка же послала – тот бы опять водки взял, а про хлеб, естественно, забыл. Но всё равно такая забота была приятна.

Короче, я усиленно работал челюстями, практически отключив голову, но всё-таки одна мысль не давала мне покоя.

Была она пока ещё неясной, но настолько настойчивой, что я, мимоходом поглядывая в экран телевизора, никак не мог сообразить, что же меня так зацепило?

Зацепило, зацепило...

– А как у вас телевизор передачи транслирует, если связи нет? – вдруг спросил я, отвлекая всех от экрана. – Принцип работы у него вообще какой? Я так понимаю, что при отсутствии цифровой сети, он функционировать не должен, но почему то функционирует.

– Так это ещё папка тарелку поставил. Спутник ловит, – радостно возвестил Петюня. – У нас в деревне почти у всех такие.

– Так у вас что, и спутники есть?

– А то! Мы уже и на Луну и на Марс летали. Правда, назад пока ещё никто не вернулся.

А Иван Кузьмич утверждал, что местная ребятня без гаджетов мается. И это при том, что почти у всех есть доступ, ни много, ни мало, к системе орбитальной связи. Это же круче на несколько порядков, чем любая планетарная наземная система. Если, конечно, здешние технологии позволяют охватывать всю земную поверхность своими спутниками.

Ну всё, Галина Андреевна теперь точно что то заподозрит, вон как зыркнула. Только мне уже было плевать.

– Твою мать! – выругался я.

Вот же оно – решение. Я уж было начал подумывать, что земляне настолько дремучи, что ещё даже не вышли в кос-

мос, хотя бы ближний. Так нет, как оказалось, всё ещё не столь печально. Мы ещё побарахтаемся, поскольку сознание, подстёгнутое вновь открывшимися фактами, неожиданно выдало решение, которое сразу могло приблизить меня к заветному результату. Рики, Тики и Тави пусть пока подождут, есть ещё один потенциальный кандидат на сдачу мне в аренду своего интеллекта. Как же сразу о нём не подумал?

А сам то Александр Викторович Протасов, сознание которого сейчас тихо дремало в папке с именем Гилтри, чем не кандидат? Сколько там у него интеллекта?

"Внимание, возможность присоединения интеллекта сущности аватара из банка консервации.

Имя файла – Гилтри, текущий интеллект 140".

Да! Плюсуюем. Ха, старика хватил бы удар, узнав о таком позоре. 140 интеллекта. А Санёк то поумнее многих наших эрудитов будет. Неожиданное открытие.

Итак:

"Аватар: человек землянин, Протасов Александр Викторович, 35 лет, пол мужской, специальность вершитель правосудия, уровень 3.

Симбионт: человек технецианин, Блок Кади Пирст, ??? лет, пол мужской, специальность вершитель правосудия, уровень 8, интеллект 846".

"Внимание, обнаружена возможность подключения к глобальной сети. Сеть доступна.

Подключиться? Да. Нет.

Ну, наконец-то. Для подключения надо сначала уединиться куданибудь, а то надолго зависну, не место и не время сейчас. Жму: "Нет". А ведь ещё есть потенциал в виде трёх неразлучных друзей, но с ними повременим пока, может, получится и их к делу пристроить.

– Спасибо, хозяйка, за трапезу, – сыто откинувшись на спинку стула, довольным голосом произнёс я. Жизнь-то вроде налаживаться начала. – Это было сногосшибательно вкусно. Никогда не ел ничего подобного. Вы просто волшебница.

– Да чего ж тут необычного такого? – удивлённо спросила она. – Просто картошка с салатом. Ну и колбаса, так вы сами её купили. А, понимаю, наверное к разносолам привыкли у себя там, в городе. Здесь у нас всё по простому.

И снова этот город. Ладно, потом с ним разберёмся.

– Не скажите, разносол разносолу рознь, а вот когда не ел уже нормальной пищи чёрт знает сколько времени, то и картошечка, как дар богов.

– Дар богов – венец всему, его единицы лишь достойны, – неожиданно в тему высказалась Галина, прибирая за мной посуду. Ну чисто философ. – Может быть и вы достойны даров, Александр Викторович. Поэтому вам простая пища и кажется манной небесной. Кто-то же проглотит, не глядя что ест, или же, слушая – не услышит, а посмотрев – не увидит. Большинству людей просто некогда обращать внимания на мелочи жизни. А ведь порой из них и состоит что-то великое. Нужно только внимательно приглядеться.

О как завершила, я аж рот раскрыл от удивления. Светлана же Петровна смотрела на Галину как, наверное, её любимые факинаты на кусок пальца своего, сторевшего ради их блага, кумира миллионов. В её проницательном взгляде было прямо обожание какое-то. Что я опять пропустил? Я вечно всё упускаю, а потом меня связывают верёвками, ремнями, пытаются похитить или вообще прибить. Как бы разорвать этот порочный круг, разломать долбаное колесо и выпустить на волю уставшую белку?

– А туалет здесь у вас где? – машинально спросил я, входясь всё ещё под впечатлением от слов Галины.

– Так Петя проводит.

– Да, покажи мне, Петя, дорогу.

– Да чего там показывать? – парень вскочил и почему то двинулся не вглубь дома, а на выход во двор. – Пошли, начальник. Тут недалеко.

– На улицу? – удивился я. – Не в доме?

– Говорю же, вы не в городе, здесь всё по-простому, – улыбнулась Галина Андреевна. – Нет, конечно, есть и у нас на селе туалеты в доме, только не все могут позволить себе подобную роскошь.

– Удивительно, – пробормотала Светлана – Такое слияние с природой. Прямо по факиншую, мне кажется.

Петюня, он же Локи, выйдя из дома, просто ткнул пальцем в сторону неказистого деревянного сооружения, стоящего чуть в стороне от всех остальных строений. То-есть, уже

известной пыточной баньки и небольшого сарая, снабжённого навесом для хранения дров.

– Туда надо идти.

– Ии... как?

– Что?

– Ну, работает это?

– Начальник, тебя, походу, точно мамка в детстве не ругала. Бриться не умеешь, как в туалет ходить – не знаешь. Темнота.

– Так и я не знаю, Петюня. Я такого и не видел то никогда.

– И ты, Локи, тоже тёмный. Что вы вообще знаете? Ну тебя-то я научу, а этому кто покажет? Тоже мне, пришельцы.

– Ладно, разберусь. – буркнул я, направившись в пункт назначения. – Каждая сопля умнее пальца.

Вот тебе и результат, уж не знаю – стоило огорчаться на подобные высказывания или нет, но почему то любой неуч не преминет указать тебе, будь ты хоть трижды профессор, что настоящий мужик должен уметь правильно грызть ногти, пить водку из горла и не мыться хотя бы неделю.

Откуда у меня подобные мысли? Видимо, приплюсованный интеллект Александра давал о себе знать. Другого объяснения пока не было.

Открыв дверь, так называемого, туалета, я тут же до краёв восполнил тот дефицит запахов, которых был лишён многие годы. Это был незабываемый опыт.

"Ты скоро совсем забудешь, что такое запах, мой маль-

чик."

Да, я забыл. Но теперь я вспомнил, старый мудак. Вспомнил...

Глава 10

Удивительная вещь – наука. Насколько я уже успел понять местный уровень жизни, земное человечество успело освоить многие тайны бытия и трансформировать их для своих нужд, создав всевозможные полезные предметы материальной культуры. Электроника, атомная энергетика, мощное оружие и полёты в космос – всё это отличало современных людей от их обезьяноподобных, дремучих предков. Тем то и невдомёк было, что природа создана не для их дерьма, а совсем для других целей.

Постепенно заселяя бескрайние просторы планеты, эти пока ещё почти животные так же целенаправленно загаживали почву. И речь идёт не только о, собственно, дерьме. Но, научившись добывать огонь, а вслед за ним и всевозможные химические элементы, они продолжили экспериментировать с природными дарами, иногда облегчая себе жизнь, но чаще нанося непоправимый вред экологии. Врождённое любопытство и развивающийся разум ставили задачи всё сложнее и, соответственно, вред также становился больше. Однако, достижения науки делали жизнь людей всё легче и комфортней. Блага цивилизации укреплялись и росли век от века, пока не достигли космических высот.

Культура, телевидение и многое ещё из того, что мне предстояло выяснить, говорили о том, насколько далеко в

своём развитии продвинулись земляне. Насколько далеки они от тех перволюдей, не знающих ещё, что такое гигиена и охрана окружающей среды. Разум, зародившийся в единственном из миллионов видов живых существ, познав себя, мир и себя в этом мире, дал огромный толчок развитию прогресса людского сообщества.

И, несмотря на всё это, они банально продолжали срать в яму.

Галина сказала, конечно, что в городе всё совсем не так, да я и сам начал понимать, что люди здесь делятся, по крайней мере, на две категории. Кто живёт похуже и кто лучше. На самом деле – ничего нового. На Технеции было ровно так же, разве что условия проживания отличались разительно. Такого понятия, как деревня или село, попросту не существовало, с лица планеты их стёрли уже очень давно гигантские государственные корпорации, застроив сто процентов доступных земель. Всё население проживало и работало в гигантских мегаполисах и насчитывало десятки миллиардов человек.

Однако, несмотря на это, санитарные нормы соблюдались неукоснительно, отходы жизнедеятельности подвергались жёстко регламентированной химической обработке и, не дай бог, комунибудь удосужилось справить нужду в неположенном месте. Не успеешь закончить своё грязное дело, как уже схвачен и отправлен под суд. Ну а система технецианских наказаний не отличалась особым разнообразием –

штраф, пожизненный срок или казнь. Причём вердикт выносился молниеносно, за всех это делала сама Система, специальные же сотрудники охраны правопорядка выполняли чисто полицейские функции.

Даже утилизация умерших у нас отличалась по безопасности для экологии. Наш способ не отравлял окружающую среду. Хм, зато ещё как отравляло всё остальное. Землянам надо бы задуматься о своём общем доме. Ведь когда нибудь наступит момент истины и уставшая планета либо включит программу самоочистки, этак примерно на сто тысяч лет, либо погибнет вместе со всем своим мусором.

Человек – это такое существо, которое, при необходимости, может приспособиться к чему угодно в кратчайшие сроки, куда уж тут эволюции угнаться за его способностями?

Приспособился и я. Не прошло и двух минут нахождения внутри этого, с позволения сказать, туалета, как у меня перестали слезиться глаза и почти прекратились рвотные позывы. Меня даже не разу не вырвало, хотя предпосылки были зловещими и страшными. Где-то спустя пять минут, я смог, наконец-то, вызвать интерфейс и послать такой долгожданный запрос.

"Внимание. Возможность подключения к глобальной сети.

Подключиться? Да. Нет."

Конечно, да!

"Подключение установлено. Ожидание. Настройка соеди-

нения..."

Дальше всё пошло, как по маслу. Я просто наслаждался, перекачивая в свободные банки своего сознания бездну информации. Потом, когда будет больше свободного времени, конечно придётся избавляться от всякого мусора, противоречивых данных было очень много, но пока любые местные факты надо поскорее усвоить. Анализ и выводы потом.

Законодательство Рустарии, естественные и гуманитарные науки, практические знания во всех значимых областях – я насыщался всем, чем только можно. Навыки повседневного общежития, строительство, ремонт, оказание первой медицинской помощи – не забыл и о навыках управления транспортными средствами, от мопедов до вертолётa. Культурное наследие, мировые религии, новые веяния в свете последних достижений. Загрузил, естественно, так необходимую сейчас картографию, базы данных абонентов мобильных операторов, паспортные сведения, ГИБДД и... Короче, я поглотил всё, до чего смог дотянуться в данный момент и, когда уже пресытился и пришёл в себя, понял, что не чувствую ног.

– Оох. – простонал, вытирая...

Короче, ноги я отсидел напрочь. Кое как натянув штаны, я с минуту постоял, силясь снова не заорать, поскольку от кончиков пальцев до самой задницы меня тыкали иглами мерзкие невидимые твари. Миллионы тварей. В общем, следующий сеанс надо проводить в лежачем положении. И, желая

тельно, на диване.

"Внимание.

Подключение остановлено. Память заполнена на 100%. Требуется удалить ненужные файлы.

Интеллект + 40. Текущее значение – 886.

Получен новый уровень. Текущее значение – 9."

Вот значит как. Интеллект можно прокачивать с получением новой информации, только куда теперь её девать, если память переполнена? С этим придётся подождать, надо срочно выбираться отсюда, будет время – будет и чистка памяти. Возможно, придётся распрощаться со многими технецианскими файлами, что уже давно утратили свою актуальность. Много места занимают слепки сознаний, но это временно, надеюсь. Ещё больше объёма имеют бесконечные виртуальные эксперименты, запротоколированные и аккуратно сложенные разные потайные места. Много же их скопилось за эти века. Тоже в топку.

Так же, судя по всему, растёт и уровень. Я уж было подумал, что это просто счётчик достижений, ведущихся по количеству свершённых деяний, подпадающих под специальность вершителя. Ан нет, прокачался интеллект – поднялся и уровень. Возможно, есть ещё, пока мне неизвестный, некий набор действий, при выполнении которых, я буду расти, как игрок. Что же касается аватара, выводы пока было делать преждевременно. Там два трупа – два уровня и на этом пока всё. Я и так не очень понимал, для чего нужно прока-

чивать аватар. Мне он достался в готовом виде, с уже вполне себе солидным комплектом суперспособностей и как их улучшать, я не имел ни малейшего понятия.

Другое дело – моя собственная система. Я, чаще всего, сам не знаю, по какому принципу вообще работает моё сознание. Ещё в раннем детстве, изучающие меня изверги в медицинских одеяниях установили, что мой мозг, вопреки всем существующим теориям и практикам, представляет собой естественный биокомпьютер. Неизвестный современной науке феномен, который, с течением времени, опять же непонятным образом, выделил моё сознание в отдельную автономную систему, существующую саму по себе. То есть, я мог ненадолго покинуть тело и вселяться в мозг любого технецианина, отсюда, кстати говоря, и умение читать и передавать мысли.

Собственно, это и послужило толчком для Гилтри в его исследованиях. Не сумев разобраться в природе этой аномалии, он сумел-таки разработать процедуру отделения сознания человека для его дальнейшего переноса в аватар. Взяв меня в оборот, он добился, чего хотел. Один единственный случай из миллиардов. И старик воспользовался им по полной программе...

И вот я здесь, благодаря его воле и желаниям. Стою в вонючем сортире, сдерживаюсь, чтобы не заорать, испытывая пытку миллионами острых игл и очень хочу, чтобы все меня оставили в покое. Желательно, навсегда.

Долгое время я размышлял, почему моя телепатия не работала в цифровом мире, но так и не пришёл к однозначным выводам. Но ведь телекинез сработал. Да ещё и развился со временем, доставляя мне истинное наслаждение. Теория имела одна, правда ничем особо не подтверждённая, зато хоть как то объясняющая мою неспособность читать и передавать мысли. Возможно, опять же – только возможно, моё сознание подверглось процедуре переноса не так, как у всех остальных и осталось в неизменённом виде. В то время, как другие аватары получали именно цифровые слепки и, судя по некоторым признакам, имели абсолютно другую природу. Здесь, конечно, был тонкий момент, ведь при переносе на землю, сознание этих людей вновь было готово к считыванию. Может быть дело в самом носителе и живой мозг сам какимто образом очеловечивает его?

На этом все мои предположения заканчивались, зато возникла мечта освоить ещё и телепортацию, но, думаю, это возможно – если вообще возможно, конечно, только по достижению определённого уровня. Спросить было не у кого, не самого же себя спрашивать, поскольку подобного опыта явно больше не было ни у кого.

Всё, пора выходить и сваливать отсюда. Анализ карты Эрзянской области показал моё место жительства по адресу в паспорте. Однако, не факт, что я проживал там в последнее время, поскольку, согласно утверждениям шлюхи Лайе, занялся фермерством, что затруднительно было осуществлять

в самом областном центре. Но зато там можно было обнаружить намёк на фактическое местоположение этого хозяйства. Ну и, соответственно, жены Александра.

Интересно, чем же мог начать заниматься человек с такими специфическими навыками? Надеюсь, не скотобойню открыл. А то я не люблю мучить несчастных животных, прямо как Харитоновский Серёнька. Брр, так и представил себя с окровавленными по локоть руками, огромным тесаком и, заживо свежующим, визжащую дурниной, свинью. Или, реально дятлами торгует? Не зря же система подсказывала этот вариант специальности. Да нет, это уж точно бред, не может такого быть.

Порывшись в местных соцсетях, прошерстив несколько электронных баз данных, я с удивлением обнаружил, что мой господин Протасов, несмотря на всё то, что мне уже было известно об этом человеке, вёл себя, мягко говоря, очень скромно. Практически никаких сведений. Прописка по месту жительства, автомобиль не самой престижной марки, банковская карта на 50 тысяч рублей и всё. Складывалось впечатление, что он, как и я, взялся ниоткуда. Что же это за решала такой? От кого прячется? Хотя, если рассудить здраво, деятель подобного характера, наверное, и должен как следует шифроваться. Во избежание, так сказать. Ладно, попробуем зайти с другой стороны.

Как я уже понял, земное человечество уделяло огромное значение любой информации на бумажных носителях. Тех-

нецианин только усмехнулся бы на этот счёт, не поверив в подобную ерунду. Какая ещё бумага, вы что – с ума сошли? А вот здешние люди, по крайней мере, в Рустарии, до границы я ещё не добрался, имели дома огромный багаж всевозможных справок, свидетельств, доверенностей и дипломов об окончании всего на свете. Даже рождались и умирали через специально оформленную бумажку. Поэтому я особо и не сомневался, что обязательно найду в своей квартире всё, что необходимо. Если, конечно, Александр и здесь не подстраховался и не зарыл все свои документы в землю. Тогда точно кирдык, не будить же его.

Зато Светлана, свет Игоревна блистала в соцсетях во всей своей первозданной красе. Слегка прикрытой узенькими полосками ткани. Я уж было хотел возбудиться, да резко передумал, не дай бог ещё какие нибудь неправильные рефлексывы разовьются, стоя над ямой с дерьмом. Одно с другим уж точно мешать не следует.

Так вот, Света вполне себе вела разнузданный образ жизни, переписка пестрила хвальбой бесконечным подругам о победах над очередным папиком, дорогих подарках и всё вышперечисленное говорило о том, что эта молодая, но уже явно искушённая в любовных интригах, особа, явно не отличалась высоким интеллектом. Грамматика хромала, язык изложения беден до чрезвычайности, а похвальбы настолько безнравственны, что я даже почувствовал некоторое облегчение от того факта, что нечаянно пригрохал не совсем

уж невинного человека. Хотя тут же пристыдил сам себя – неважно, что она за человек, будь хоть сто раз пустоголовая, ветреная девчонка, за это не убивают. Но я и не хотел, так получилось. Да уж, так себе оправдание.

Кстати, анализ данных ГИБДД показал, что за Болотниковой Светланой Игоревной никаких автотранспортных средств не числилось. Вот это новость, так новость. Значит Лайе, до кучи, промышляла также и угонами. Ещё один камень на весы свершённого правосудия. Вот эту точно не жалко. Зато можно спокойно выдохнуть – и эта ниточка, ведущая к нам, оборвалась. Слава Фаланге. Тьфу, блин.

Ладно, на этом стоит пока закруглиться, надо выходить, а то Галине заново придётся стирать мою одежду, настолько я уже пропитался этими... парами.

Только я собрался распахнуть дверь, как услышал громкий стук в ворота. Да не в те, что выходили в огород – они были деревянными, а в выходящие на внешнюю улицу. Звук был как от ударов тупым предметом по металлу, значит и ворота были металлическими.

– Эй, хозяйка, выйди ненадолго, разговор есть, – раздался громкий мужской голос.

Тон, с которым он прозвучал, не оставлял сомнений в том, что его хозяин привык командовать. Кто же пожаловал к Галине Андреевне? Может по нашу душу? Да только откуда кто может знать, что мы здесь? Или Петюня, дуралей, во время своих утренних походов, опять чего набезобразничал?

Так или иначе, но я пока поостерегся покидать своё воюющее пристанище и решил маленько обождать. От греха.

Снова стук.

– Да иду я! Иду! Хватит двери ломать, – а вот голос Галины Андреевны разительно отличался от её обычных интонаций. Мне показалось, или она, действительно, была в сильном раздражении?

Раздался глухой скрежет.

– Чего надо?

– Поговорить бы, хозяйка. Выйди на пару минут.

Мне понадобилось всего несколько мгновений, чтобы обнаружить и оккупировать любопытным глазом небольшую щель между досками. Кого ж там принесло? Галина заслонила своего гостя, потом вообще вышла с ним на улицу, прикрыв за собой воротину. Чувствовал я себя сейчас, как нашкодивший мальчишка, который спрятался от гнева злой мамы и силится понять, можно ему сейчас выйти из укрытия, или же подождать, пока буря утихнет?

Необходимо выяснить, чем угрожает лично нам этот визитёр. Паранойя? Да лучше так, чем непонятное. Теленовости могли чисто для отвода глаз в эфир запустить, мол, расслабятся убийцы, а мы их – опа, и за хобот. Идите-ка сюда, нехристи окаянные. Почто честных граждан жизни лишили?

Или наоборот, сосед за солью зашёл. Какойнибудь, ушибленный сковородкой, местный житель Харитонов, зарезал-таки несчастную свинью, а сало посолить нечем. О,

сколько нового я узнал из сети, образы в голову так и лезли. Короче говоря, любопытство сгубило не только кошку, но и каждого, кто хоть раз совал палец в высоковольтный токо-разрядник. Мазе Факи.

Я осторожно, стараясь не скрипнуть дверью, медленно приоткрыл её и, пригнувшись, чуть ли не на четвереньках засеменял вдоль забора. При моих габаритах это удавалось не очень скрытно, но я постарался не шуметь, когда вплотную приблизился к воротам.

Видимости – ноль. Мне пришлось практически улечься на траву, чтобы улицезреть только четыре ноги. Галину-то я, понятное дело, узнал сразу, а вот две другие нижние конечности, как и голос до этого, явно принадлежали непростому мужчине. По крайней мере, обувь на них была высокого качества и, скорее всего, очень дорогая.

Но не это заставило меня оцепенеть от испуга. Галина Андреевна произнесла такое, что я весь превратился в слух и перестал дышать.

– Я тебе ещё раз повторяю, Медарон, ты должен понимать, что... чёрт. Вот чего ты заявился так не вовремя. Теперь уже поздно. Ладно, давай по сценарию. Вариант "Б", – негромко сказала... уже и не знаю кто. – В моём доме они под защитой. Ты правила знаешь.

– Я знаю правила, Галиендрис, можешь не сомневаться.

– А я вот уже начала, хотя и надеялась на твой здравый смысл. Зачем ты пришёл?

– Он убил моих людей, Верховный рвёт и мечет. Никому и никогда не позволительно убивать киберриан. Иначе я дождался бы его в другом месте.

– Мне нет дела до вашего Верховного. У меня свои подопечные. Впрочем, как и у тебя, а твои выкормыши сами виноваты. Как и ты. Всё никак не уймёшься?

– Ты же знаешь, что нет – это против нашей природы. Наша раса – воины по духу и слово "отступление" нам не ведомо.

– Зато наше слово – думать головой, прежде чем бросаться в огонь.

– Слушай, Галиендрис, этот разговор длится уже слишком много лет. Ну зачем он тебе? Ты ведь в курсе, что моя искра единственный, кто останется в живых. У вас всех против нас нет никаких шансов. Так стоит ли противиться неизбежному?

– Это мы ещё посмотрим.

– Так не на что смотреть, четверо уже у меня, только одного и не хватает. Может всё-таки обойдёмся без разных, ээ.. эксцессов?

– И что же ты хочешь?

– Самую малость. Отдай мне искру и я исчезну из твоей жизни навсегда.

– А если я скажу – нет?

– Хм, ну что ж, это будет твой выбор. Я терпелив, ты знаешь. До определённого предела. Вечно ведь он не сможет

у тебя отсиживаться. Только знай, что когда он достигнет необходимого уровня, то – что можно было бы решить малой кровью, превратится в бойню. И это будет уже на твоей совести.

– Моя совесть чиста, Медарон. Это вы пошли против всех правил.

– Ну, формально мы ничего не нарушили. Все мои четверо гостей живы и здоровы, сидят вот, скучают в ожидании очередного претендента. А то, что не растут в уровнях, так это просто не повезло, с кем не бывает? Кураторы им попались нерасторопные.

– Зато ты слишком расторопный.

– Это да. Так условия и были изначально такие, что победит сильнейший. Все эти ваши Технеции, Либерии, Природии, про остальных и говорить даже не хочется – что вы можете противопоставить Киберии, расе прирождённых воинов?

– Прямой путь не всегда самый верный. В жизни иногда встречаются непреодолимые препятствия, которые лучше обойти.

– О да! Снова твои любимые загадки. Не можешь ты без них. Для нас нет ничего непреодолимого. Ты не поверишь, какие чудеса иногда творит грубая сила.

– Чудеса творит магия, а сила нужна лишь для поднятия тяжестей.

– Ладно, Галиендрис, я тебя услышал. Ни к чему попусту

тратить время, скоро всё закрутится и ты всё равно мне не сможешь помешать. Я подожду. Сутки. А потом пеняй на себя.

– Ты не можешь причинить мне вред.

– Конечно, нет. Но разве я говорю о тебе? Подумай о своих односельчанах, сколько из них успеют пострадать из за твоего упрямства? Слушай, ну зачем вам престол? Живи в своей грязи и радуйся.

– Радости не будет места в этом мире, если ты добьёшься своего, Медарон. Не в твоём случае. Ваша суть – разрушение, и в этом вы идёте против воли самого Первосоздателя.

– Да кто его вообще видел, этого первого? Я нет, а ты? А может быть, Леанорд, или Элений? Не говорю уже о Мгане и Сотили.

– Кто из смертных может его увидеть? Только искра.

– Легенды, сказания давно минувших дней. В них давно уже никто не верит. Состязание слишком затянулось, пора ставить точку в этом споре.

– Всему своё время. Не торопи то, что не в твоей власти.

– Сутки. – ботинки пришли в движение и начали удаляться. – А потом посмотрим, кто из нас прав.

– Постой, есть ещё кое что. – Галина засеменила вслед за ним и голоса перестали быть слышны.

Ну нихера ж себе разворот событий! Это что сейчас такое было? Ноги, ноги надо делать отсюда и как можно быстрее. Что же получается? Все эти сказочки про шестерых и про-

чую белиберду, на самом деле правда? Да как такое вообще возможно? Бред! Форменный бред.

Откляничив задницу, я так же, на карачках, раком попятился прочь от ворот, поскольку беседа, судя по всему, пошла к своему логическому завершению. Галина, или Глие, или уже Галиендрис, каждую минуту могла вернуться во двор и мне необходимо было торопиться. Что то совсем не улыбалось быть застигнутым за, вполне себе, позорным, подслушиванием чужого разговора. Так-то так, но ведь разговор этот касался меня напрямую. Что же это за искра такая?

Если на секунду поверить в рассказ Милие, то картина складывалась совершенно уж фантастическая. У меня не сразу уложилось в голове осознание двух параллельных вселенных – но семь?! Первосоздатель со своими учениками, мифический престол, споры о первенстве и, наконец, пресловутая искра. Которых должно быть минимум шесть. Почему не больше? Почему условия игры настолько идиотские, а центральный мир, внутри которого мы все сейчас находимся, так отстал в развитии от остальных? Это очевидно, даже если судить по одной лишь Технеции. Да и другие пять также преуспели, раз я попал сюда под шестым номером.

Когда я ворвался в дом, Светлана С Петюней всё так же беспечно смотрели телевизор.

– Собирайтесь, мы уходим, – выпалил я и устремился в комнату, где спал сегодня ночью. Надо забрать своё имущество и бумаги.

– Что случилось? – встрепелулась Светлана. – Саша, ты куда?

– Потом всё объясню. – я уже запихивал документы, телефоны и прочую мелочь куда попало. Карманов в куртке много, потом разберёмся. Главное, чтобы это потом наступило.

Девушка уже стояла на пороге и встревоженно смотрела на мои судорожные манипуляции.

– А почему сейчас нельзя?

– Нет времени объяснять. Но происходит что-то очень странное. Такое ощущение, что твой вчерашний рассказ, вдруг начал обретать реальные очертания. Это или бред, или какой-то тупой розыгрыш. Или всё вместе и сразу.

– Александр Викторович, ты опять? – влез так же обеспокоенный Локи-Петюня.

– Что опять?

– Ну это, как это? Нервный срыв у тебя или чё? Ты то смеёшься, как ненормальный, теперь вон вообще куда-то драпать собрался. У папки так же было. Перед смертью.

– Да типун тебе на язык, – показал я знание местного фольклора. – Света, ты чего застыла? Или в халате этом пойдёшь? Где твоя одежда?

– А я не хочу никуда идти, – ответила та и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, с показной медлительностью отправилась обратно.

– Чего? – опешил я. – Это как же понимать то?

Я в некой растерянности проследовал за ней, Петюня с

интересом и этой своей улыбкой недалёкого клоуна, наблюдал за развернувшейся драмой. Весело ему, видите ли. Перепады настроения этого индивида с раздвоенным сознанием не укладывались ни в одну мало-мальски логичную схему. А с Локи впридачу, так и вовсе, судя по всему, скоро с катушек съедет. Хотя, было б с чего съезжать.

Ну да, как же я забыл? Ещё Кузьмич говорил, что с развлечениями у них в деревне негусто, поэтому то и пользуются любой возможностью зубы поскалить.

– Стой, я с тобой не договорил.

– А тут не о чем разговаривать. Я хочу пожить здесь, – спокойно ответила Света, вновь усаживаясь перед телевизором. – У меня такое ощущение, что я уже дома. И Глие с Локи по прежнему рядом. Так что, если хочешь – иди один. А я просто нутром чувствую, что уже пришла. Постараюсь приносить пользу, возможно, смогу как то деньги зарабатывать.

Ты что – совсем свои характеристики не смотрела? Знала бы тогда, какая у тебя профессия и сто раз подумала бы о заработках. Шлюха бестолковая.

– И я останусь. – Петюня тоже развалился на своём стуле. – Я вообще-то уже дома. И Светлана Игоревна пусть с нами живёт, мамка может чуть поругается, но потом перестанет.

– И я. Тут мама. Или просто похожа очень. Здесь вообще хорошо, зачем куда то убегать? Кади, ой..., Александр Викторович, давай здесь жить будем.

Ну всё – сговорились за моей спиной. Предатели. Я столько сил потратил, чтобы вытащить их с той стороны, откуда, вообще то, возврата нет, а они что? И ведь самое главное, как им объяснишь про свои проблемы? Всё, что они знают – лишь малая часть верхушки айсберга, всех подводных подробностей даже я ещё не представляю и не факт, что когда-нибудь представлю.

Судя по заявлению Медарона, если это действительно тот самый, о котором упоминал господин потомственный дворянин, жизнь искры на этой планете не стоила и гроша ломаного. За исключением, конечно, их собственного, с Кибери. Четверо потенциальных кандидатов непонятно на что, уже томились в подвалах киберианского гестапо и я, соответственно, должен был примкнуть к этой невесёлой компании, дабы расчистить дорожку для одного единственного претендента.

Раса воинов. Что бы это значило? Что у себя они поубивали уже всех несогласных, а теперь поле битвы – Земля? Народу-то вон сколько лишнего – херачь, не хочу. Господи, за что мне всё это? Только я обрадовался, что соскочил с поводка Гилтри, и от бабушки ушёл и от дедушки... И вот опять думать, как быть в сложившейся ситуации? Оставаться здесь, конечно, бессмысленно, прав Медарон – сколько я смогу прятаться? Но и как уйти незаметно? И что будет через сутки, какие последствия наступят, если Галина Андреевна не сдаст меня, как стеклотару?

А вдруг, в этот самый момент, уже сдаёт? Что ещё она хотела сказать ему напоследок? Может, передумала и к моей вновьприобретённой тушке уже всю подкрадываются злодеи с цепями? Твою ж мать!

– Ну и хрен с вами! – выпалил я в сердцах, открыл холодильник и схватил палку колбасы. – Один пойду, а это возьми с собой, на дорожку. Голод пока ещё никто не отменял, а у вас полон холодильник этого добра.

Так, с колбасой наперевес, держа её как дубинку, я и столкнулся нос к носу с хозяйкой дома, возникшей на пороге мгновением ранее. Чертыхнулся и невольно попятился назад.

– Тьфу ты, Галина Андреевна, или как вас там, напугали.

– С кем воевать собрался, воин? – с улыбкой спросила та. – Оружие ты себе выбрал не совсем подходящее.

– Да я это... – мне опять стало неловко под её пристальным взглядом и я попытался запихнуть колбасу за пазуху. – Идти надо. Вот.

– Раз надо – иди. Только вижу я, что созрел ты для вопросов. Спрашивай, чего хотел. Но хочу предупредить сразу – если уйдёшь сейчас, да тем более не подготовленный, как следует, история закончится сразу за этими воротами. – она кивнула головой в сторону выхода. – Тебя уже ждут, не дождутся.

Светлана с Петюней недоумённо переглянулись. Происходящее явно не укладывалось в их головах

– Мам, ты чего? – спросил парень. – Кто его ждёт-то?

– Плохие люди, сынок.

– А, ну это не страшно, Галина Андреевна, – встряла Света. – Одних плохих он уже уби...

– Милие, фу! – прорычал я.

– Да, Милие, ты уж будь поосторожней с высказываниями. Это хоть и не Технеция, но язык стоит держать за зубами.

– Г...глие? – у девушки тут же вытянулось лицо и, когда все увидели утвердительный кивок в ответ, раздался дикий вопль:

– Мама! Мамочка, я знал...

И рыдающий Локи, вскочив со стула, повис на матери, приговаривая, как заведённый:

– Это ведь ты? Точно ты?

– Да, сынок.

– А я тогда кто? – спросил уже Петюня.

– Ты мой сын, а Локи твой брат.

– Можно было сразу догадаться, – проговорил я в замешательстве. – Они ж как два сапога-пара, близнецы одной-цевые. Я так понимаю, оба от разных отцов? Тогда почему так похожи? Должны же быть хоть какие-то отличия. Ну, на мой взгляд.

– Отец тоже один. Алексей здесь, там Лекси. Так что мои мальчишки потеряли одного отца на двоих. У меня есть фотографии, я тебе потом покажу папу, Локи, он очень скучал по тебе. И любил тебя, так же, как и твоего брата.

– Чего? – уже в который раз за последние сутки у меня от изумления отвисла челюсть. Как это? Это же невозможно. Может и Петюня с Локи – тоже один человек?

А может у меня после переноса чтонибудь в мозгу нарушилось? Потому что всему этому просто не было, да и, на мой взгляд, не могло быть никаких разумных объяснений. Так нет, вопреки всякой логике, здравому смыслу и прочим понятным и простым правилам восприятия действительности, вот эти трое – живое подтверждение тому, что в этом мире нет никаких правил, могущих доступно объяснить происходящее. И во всех других мирах.

В чем был замысел Первосоздателя? Вряд ли создать что либо настолько нелогичное, что способно было свести с ума разумные творения, населяющие его мир. Либо мир этот изначально не был предназначен для примитивных форм жизни, которая завелась сама по себе, словно зараза, и теперь отравляет, недостижимую её недоразвитым мозгам, материю. К чему городить весь этот огород, что то усложнять, а что то, наоборот – доводить до абсурда?

В любом случае, чтобы понять правила игры, надо искать ответы на вопросы, и уж кто кто, а именно Глие, скорее всего могла бы хоть чтонибудь прояснить. Шутка ли – иметь одно и то же тело в совершенно разных мирах и в разные временные эпохи. Здесь явно кроется тайна. И не одна.

– Всё ты правильно думаешь, Кади, – продолжила тем временем Глие, мягко отстраняя от себя сына, или уже сыно-

вей? – Мальчики, идите ка пока во двор, Милие с собой тоже возьмите, а нам надо поговорить с глазу на глаз. Только не выходите за ворота. Это может быть опасно.

– Хорошо, мама.

– Глие, я так рада тебя снова видеть, – тоже полезла обниматься Светлана. – Вот уж не ожидала, так не ожидала. Слава Фаланге, ты жива. Это надо отметить.

– Обязательно отметим, – улыбнулась женщина. – Сейчас с Кади поговорим, а потом и отметим. И да, прошу тебя, присмотри за Петей с Локи, не выпускай их со двора. Там, рядом с банькой, скамейка есть, можете посидеть пока, я позову вас, когда мы закончим. Если мальчикам вдруг станет скучно, пусть Петя научит Локи рубить дрова, для него это в диковинку.

– Конечно, присмотрю.

– Хотя, знаешь, я передумала, – спохватилась вдруг Галина. – Не надо дров, а то или по ноге вдарит, или топор сломает. Поверь, это уже было. И нога и топор. К сожалению, мой Петюня, творец с отрицательным знаком.

– Как скажешь, но ты же знаешь, я так люблю тайны и секреты? А почему нам нельзя присутствовать? Вроде ж не чужие.

– Всему своё время, Милие, дорогая. Пока же это будет касаться только Кади. Обещаю, с тобой у нас будет ещё много сокровенных бесед. Мы ещё наверстаем долгие годы разлуки.

– Ну ладно, видимо придётся уступить место мужчине, хотя это и не по факиншую. Да и просто бесит, – разочарованно произнесла девушка и с завистью посмотрела на меня.

"Ты же потом мне всё расскажешь? Иначе я просто лопну от любопытства." – считал я её мимолётные мысли и усмехнулся. Женщины неисправимы и, чем старше становятся, тем более охочи до всяких сплетен.

– Ну, мы пошли, – сказала она напоследок и подтолкнула парня к выходу. Тот всё это время стоял с открытой варежкой и силился вникнуть в содержание разговора. Судя по его обалдевшему взгляду, мать свою он узнавал с большим трудом – такая вежливая и даже не ругается.

– А чё мы там будем делать, во дворе-то? – взбрыкнул он было, но новый толчок Светланы вынес его на улицу, как пушинку.

– Пойдём, пойдём, ухажёр, я тебе покажу кое что.

– А, ну ладно тогда. А чё покажешь то, Светлана Игоревна? Неужели си...

Дверь, закрытая Глие, хлопнула и я так и не узнал, о чём мечтал молодой ловелас.

– Так ты Глие?

– Да.

– А Галина Андреевна?

– Тоже я.

– Тогда кто такая Галиендрис?

– Нехорошо подслушивать, Кади. Некрасиво. Иногда

можно узнать что-то такое, с чем будет в дальнейшем слишком сложно жить.

– Так ведь речь обо мне шла. – я чувствовал, что начинал потихоньку заводиться. – Обычно я не страдаю излишним любопытством, но со вчерашнего дня у меня вообще всё наперекосяк. Что происходит? Сдаётся мне, что уж ты то сможешь мне всё объяснить.

– Всё, что в моих силах, не более того.

– Что это значит?

– Только то, что многие ответы тебе придётся находить самому, таковы правила игры. Никто из нас не может повлиять на них ни в малейшей степени.

– Да что это за игра такая?

– Я же давала тебе подсказки – Иеди, Милие. Петя тоже не просто так к тебе прицепился.

– Так это ты подсунула мне эту сказочку про Первосоздателя и прочую ерунду.

– Да. Только не ерунда это. По крайней мере, всё, что мне известно, говорит о том, что мы все вовлечены в эту игру.

– Ладно. – я махнул рукой и, устало усевшись на ближайший стул, залпом выпил чьи-то остатки чая из бокала. – В горле даже пересохло.

– Хм, поняла тебя, улыбнулась Галиендрис. – Ещё чаю?

– Да, пожалуй. Так кто ты на самом деле? Давай начнём с малого.

Женщина поставила чайник на газовую плиту и, присев

напротив, продолжила:

– Всего и не расскажешь, знаю только, что вся правда никому не ведома. Ни мне, ни Медарону...

– Да кто он такой, чёрт побери, Медарон этот?

– Всеми своё время, Александр, давай-ка я буду тебя так называть, а то как-то непривычно видеть не твоё лицо, называя старое имя.

– Да ради бога, мне уже всё равно, я почти привык.

– Вот и славно. Ты слишком нетерпеливый, это вредно для развития.

– Какого развития? О чём ты?

– Любого. Слышал ведь рассказ Светланы?

– Ну и?

– Что сказал Первосоздатель ученикам, когда те представили свои творения на его суд?

– А, помню. Что-то вроде – вы спешили и искры нет у вас, и всё пропало, бла-бла...

– Именно. Поспешешь – людей насмешишь.

– Ага, и генеральный директор строительной корпорации усмехнулся, глядя на дело их рук. Или чем там они свои миры творили недоделанные?

– Да. Только усмешка была горькой. Они так и не поняли всё величие замысла его, поэтому и дал он им новое задание. Второй шанс, ведь терпение его бесконечно. По крайней мере, так гласит легенда.

На самом деле, Медарон прав, никто из нас не видел не

только Первотворца, но даже никого из его учеников. Невозможно увидеть сущность, превосходящую тебя настолько, что уму непостижимо, да ещё находящуюся в недоступном человеку измерении. Простому человеку. Согласно этой же легенде, лишь тот из смертных творений, в ком горит его искра, может быть достоин чести лицезреть его.

– И кто же написал легенду? Если взять во внимание мировой опыт, то абсолютно все сказки и писания – суть плод человеческой фантазии, не более. Доверчивые простаки, которых подавляющее большинство, охотно поверят во что угодно, если преподнести им любое говно в красивой обёртке и сказать, что этим питаются только богачи. Будут жрать и причмокивать от удовольствия, невзирая на вонь.

– Бывают же из правил исключения.

– О да! Есть такие богачи, которые реально говно жрут. Потому что уже всё на свете перепробовали и им скучно.

– Я не про это.

– А про что? Те бумажные листы, которые ты дала Милие на Технеции – разве не человек их написал? Или боги уже книжки печатают? Небесная типография: "Первосоздатель и компания"? Легенда о сотворении мира и шести бестолковых учениках, тираж сто миллиардов экземпляров? Однако что-то мне подсказывает, что тот, кто создаёт вселенные, не пишет сочинений на вольную тему. Не тот уровень.

– Это лишь часть книги, остальное утрачено и никто не знает, где искать недостающие страницы. Возможно то, что

в них прописано, могло бы дать больше объяснений, но что есть – то есть. Я ведь уже говорила тебе, что всей истины никто не знает.

– Естественно. За исключением того, кто заварил всю эту кашу. А что? Вбросил в массы любую тупую идею и сиди себе, балдей, глядя на радостно засуетившихся дебилов. Чем не развлечение? Или написал тупую книгу. А чё такого? Пипл схавает.

– Есть логика в твоих словах. Конечно же есть, но всё же...

– Конечно есть, как ей не быть? Я всю жизнь пытался рассуждать логично, хотя сам – живое воплощение нелогичности и до сих пор никак не могу понять, кто же я такой на самом деле? Или что такое?

– Александр...

– Послушай, Галина, – перебил я её.

– Андреевна. Зови меня так, здесь все меня так называют.

– Это я уже понял. Вот только никак в толк взять не могу – как ты здесь оказалась? Да ещё с мужем. Это же полная... прости-господи, херня. Но такая, что одним махом перечёркивает все мои вышеизложенные рассуждения. Как? Этого же не может быть, но оно есть. У меня два варианта. Либо я сошёл с ума, либо пора уже послушать твою версию происходящего. Я весь – внимание.

Женщина, вздохнув, поднялась со стула, выключила газ под закипевшим чайником и заварила две чашки. Себе и мне.

– Чай из пакетиков, ты уж не обессудь, другого нет. А мы уже к этому привыкли.

– Да всё равно, – отмахнулся я, с опаской наблюдая, как кипяток льётся дымной струёй и невольно поёжился. Ошпаренная кожа, хоть и не так сильно, как в начале, но ещё давала о себе знать.

– Рассказ долгий, но тебе необходимо меня выслушать. Ты ешь вот варенье-то. Вкусное, из черешни. Петя любит.

– Спасибо, – я взял небольшую ложку, зацепил пару ягодок и обратился в слух.

– Началось это много лет назад. Очень много...

Глава 11

Детство моё было безоблачным, полным красок и гармонии со всем миром. Тогда Технеция не несла ещё в себе и тени той тревожной атмосферы всеобщего отчаяния и встречи с неизбежностью. Небо было чистым, а природа радовала глаз своей зеленью, чистотой и многообразием.

Я была единственным ребёнком в обеспеченной семье, уже тогда правительство начало устанавливать ограничение на рождаемость, поэтому один ребёнок – это считалось нормой. Больше и не надо, учитывая угрожающую тенденцию к росту населения на планете.

Северная Коламбика стремительно пустела из-за своего пролива, с экологией там творилось что-то непонятное, поэтому миллионы беженцев хлынули во все части света, забивая и без того густонаселённые материки. Корпорации ещё только начинали свою экспансию мирового пространства, так что многим желающим сменить место жительства позволяли осваивать бескрайние пустующие земли вплоть до полярного круга. Благо потепление климата сделало эти, ранее непригодные для проживания, территории, вполне доступными для освоения.

Меня, конечно же, не касались все эти процессы, как я уже сказала, отец с мамой имели хороший достаток, жили мы в своём доме и я, согласно желанию родителей, никогда

не посещала школу. Хорошим тоном считалось заниматься с наёмным учебным персоналом, который приходил к нам домой за отдельную плату и обучал меня всему тому, что требовала стандартная программа среднего образования. И не только.

Был один преподаватель, в чьи обязанности входило разъяснение мне сущности всего на свете. Станный предмет. До сих пор не знаю, откуда родители его взяли, но пришли в восторг, когда увидели его рекомендации. Для общего развития, как они мне сказали. Лишним не станет, если их девочка начнёт лучше ориентироваться в окружающем мире, истории, географии, да и во всех науках, нужных для получения аттестата.

Те люди, которые писали ему рекомендательные письма, мало того, что поголовно были достаточно известны в различных кругах, так и просто рассыпались в дифирамбах, расхваливая его таланты. Мол, их дети, после общения с учителем, становились на порядок умнее и более разносторонне развиты. Ну чисто волшебник. Причём за довольно скромную оплату его непонятного труда.

Этот учитель был очень старый и звали его Галиендрис.

– Стоп, – не выдержал я. – Как ты сказала?

– Да, ты правильно услышал, – ответила Галина. – Это имя было таким же странным, как и его предмет. Да и одежда его выглядела, как из другой эпохи.

– Но ведь ты...

– Опять ты спешишь, Александр.

– Ладно, молчу, скажи только, сколько лет прошло с тех пор?

– Почти восемьсот.

– Чего? – я уже, наверное, скоро челюсть вывихну от подобных заявлений. – Шутишь, да? Конечно, шутишь. Выглядишь как ягодка опять – на сорок пять, не больше.

– Хм, спасибо на добром слове. – улыбнулась та, но тут же вновь посерьёзнела. – Но какие уж тут могут быть шутки? Ты даже не представляешь, каково это – жить столетие за столетием, хороня своих мужей, сыновей и дочерей. А их у меня, поверь, было немало. Женщине нелегко одной выживать что в этом мире, что в том, поэтому приходилось вертеться, как волчок, чтобы продолжать выполнять свою миссию. И мужей было много и детей, а сколько мест проживания я поменяла, даже считать страшно.

– Извини. – я опять смутился. – А как же Петюнин с Локи отец? Ты сказала, что это один и тот же человек.

– Вот пусть они так и думают. Достаточно того, что мне пришлось перед ними раскрыться. А Алексей и правда очень похож на Лекси, я потом покажу фотографии.

– А я то думал, что читал тебя как открытую книгу. Выходит, твои мысли мне всегда были недоступны.

– Таково свойство ключа.

– Что ещё за ключ?

– Давай всё по порядку. Я расскажу тебе всё, что могу.

– Хорошо, извини, продолжай, пожалуйста.

Галина пригубила уже начавший остывать чай, съела ложку варенья, снова пригубила и с удовольствием облизнулась.

– В общем, Галиендрис и был ключом до меня. Не перебивай, – предостерегла она, заметив, что я вновь пытаюсь раскрыть рот. Нет, правда надо учиться слушать людей. А то люди просто перестанут со мной разговаривать. Кому интересно вести беседу с тупорылым бараном, раз за разом вставляющим своё бесполезное бляение в разговор? – Лучше послушай до конца.

Я просто молча кивнул, вот вообще не уверенный в себе. Дурацкая натура.

– Сколько веков он бродил по свету в поисках искры, он уже и сам не помнил. Но я немного забежала вперёд. В общем, когда он первый раз появился на занятиях, сказать, что я была удивлена – это не сказать ничего. Он весь день молча присутствовал на всех моих уроках, просто молчал и слушал, недовольных этим фактом, преподавателей и, собственно, мои ответы на их вопросы.

Когда же занятия закончились, он так же молча встал и ушёл. Я спросила у родителей, зачем этот странный дед? Ведь от него совсем никакого толка. Причём двое учителей, прямо при мне заявили отцу, что они не намерены терпеть постороннего, на вид бездомного бродягу, в то время, когда они заняты моим обучением. Мол, этим самым нарушается весь процесс и за его результаты они не собираются нести

никакой ответственности.

Отец, конечно, попросил их потерпеть ещё день, но, когда Галиендрис вновь заявился на их уроки следующим утром, оба тут же попросили расчёт и ушли из нашего дома. Остальные же трое, вроде не имели ничего против, но радости также не проявляли от такого общества.

В общем, к концу недели, дед остался в одиночестве. И вот тут-то настоящее обучение и началось. Ты не представляешь, Александр, что он говорил мне. Вернее, как он объяснял любой предмет. Куда там профессорам. Любые дисциплины, науки стали настолько понятны и легки в усвоении, что все те знания, которые я получила от него, помогли мне в дальнейшем с лёгкостью поступить в академию и достичь степени магистра

Его я не видела двадцать лет, думала, он уже давно умер, возраст как-никак.

– Ну и что? – снова не выдержал я. – Прости, Галина Андреевна, но я пока не вижу самой сути. Это, конечно очень увлекательная история, с некоторой натяжкой, но где кульминация? У меня самого история не менее увлекательная, ну ты же знаешь, кому я говорю-то?

– А ты всё тот же нетерпеливый мальчик. Добрый и ужасно любопытный, может поэтому и подался в учёные. Я же видела твой потенциал с самого твоего рождения, уже тогда знала кем ты вырастешь. Пей чаёк то, остыл уж поди.

– Спасибо, – ошарашенно поблагодарил я. – То есть, как

с рождения? Может, ты и родителей моих знала? А может... ты и есть...

Вот тут реально, наверное, давление поднялось, а воздуха что-то стало не хватать и я задышал с удвоенной силой. Это волнение передалось рукам и они будто сами по себе, синхронно принялись зачем-то бултыхать чайной ложечкой по почти пустому бокалу и вытирать отчего-то сразу вспотевшее лицо. Со стороны выглядело, скорее всего, по-идиотски. Я сидел на стуле, как приклеенный, хотя хотелось вскочить на ноги и, как Локи совсем недавно, заорать во всё горло:

"Мама! Мамочка! Как же долго я тебя искал!"

– Успокойся, Саша. – Галина Андреевна встала, отобрала ложку и бросила её в маленький тазик для грязной посуды. – Я не знала твоих родителей. И никто никогда не знал. Искру создаёт сам мир. В этом и состоит главное условие Первосоздателя.

Ну всё, приплыли! Да это же полный финиш, впору: "караул!" кричать. Если взять за правду рассказ Галины, то теперь стало понятно, почему Система, созданная людьми, так и не смогла определить, кто мои отец и мать. Для неё их просто не существовало. И как это вообще может быть правдой? Да она просто прикалывается надо мной, эта Галина, мать её, Глие Андреевна. Но ведь как складно всё выходит.

С ошарашенным видом я просидел ещё некоторое время, мысленно обжёвывая только что сказанные слова. Я скоро, наверное зубы в порошок сотру от этой, набившей оскомину,

процедуры. Ни один стоматолог не спасёт.

– И что же я такое, а? – спросил я, наконец, ни к кому не обращаясь.

– В первую очередь, ты человек. – тут же отозвалась Галина. – Из плоти и крови. Ты живой, ведь ты чувствуешь боль и ласку, силу или слабость, радость или злость.

– Но это не мои плоть и кровь. И чувства не мои. Я просто грёбанный компьютер. Я аномалия, которой не должно быть, потому что не должно быть никогда.

– Дослушай мой рассказ до конца, а потом уж можешь сполна упиться своим юношеским разочарованием. Кстати, это тоже очень даже свойственно человеческой природе. Если весь мир не жалеет, то надо пожалеть себя самому. Только, пожалуйста, оставь жалость для убогих. И, кстати, это вовсе не прикованная к коляске Милие, к примеру, она была тем ещё бойцом. Десятилетиями жила наедине со своим недугом и хоть бы кому пожаловалась. И уж поверь мне, ей было особенно нелегко.

Когда всё случилось, она проходила стажировку в отряде спасателей, молодая совсем девчонка, хотела приносить людям пользу, а в спасатели, сам знаешь, никто особо не рвался никогда. Работа опасная, а баллов начисляют мало.

Страховочный трос оборвался, бывают и такие мелочи в жизни. Когда рвётся резинка, рождается новый человек, а вот когда страховка – тут уж как повезёт. Даже и не знаю, повезло ей, или нет, но она осталась жива после падения с

большой высоты, хотя полноценной жизнью это уже не назовёшь.

Зато сопливо-слюнявое ничтожество, готовое биться в истерике из-за прыща на жирной заднице – это оно самое, достойное жалости дерьмо.

Ну, ты готов? Дать платок, может высморкаешься, наконец? Развёл тут сырость, понимаешь.

Галина совершенно по детски щёлкнула меня по носу и подмигнула.

– Да не унывай ты, воин. Просто представь, что схватку выиграют киборги. Тогда точно всему живому несладко придётся. И это ещё мягко сказано. В каждом из шести миров искры возникли в строгом соответствии с планом их создателей. И у каждого своя история. У тебя вот своя, так что ты не один такой. Хотя... – она усмехнулась. – У Первосоздателя свои планы. И согласно им – остаться должен всё таки один. Так...

– Да, помню. Так гласит легенда. Но почему именно я?

– Тот же вопрос я задала старику учителю, когда тот неожиданно снова возник в моей жизни.

– Галиендрис?

– Да, он. Я тогда давно уже жила своей семьёй и у меня был хороший муж, любимая дочь, высокооплачиваемая, престижная работа. Я состоялась как личность и совершенно ничего не собиралась менять в своей жизни. Родители были ещё вполне в силе, частенько, по выходным дням, мы соби-

рались в нашем старом доме и вместе проводили время. Пока возле моей многоэтажки не появился Галиендрис.

– И что же ему вновь понадобилось?

Галина нахмурилась, поправила причёску и хотела уже было продолжить, как я снова перебил её, поразившись мелькнувшей мгновение назад мысли:

– Стоп! Я всё могу понять, ну... при правильном подходе, конечно, но как тебе удалось отрастить волосы? Технециане все же безволосые поголовно.

– Думаешь, поймал, да? – усмехнулась она. – Я брила голову налысо, чтобы не выделяться среди других. Когда я родилась, люди почти не отличались от землян и у меня всегда была коса толщиной с руку. Правда с веками становилась всё тоньше, но когда вокруг все стали лысые, пришлось тоже соответствовать. Знал бы ты, как я обрадовалась, когда оказалась здесь.

– Кстати, да – как ты здесь оказалась?

– Не торопись, скоро всё узнаешь. Так вот, старик дождался меня возле входа в здание, где я жила со своей семьёй. Просто возник из ниоткуда и загородил собой дорогу. Я не сразу узнала его, так он изменился, успела и испугаться и удивиться, потом даже обрадовалась, но, впрочем, радость длилась недолго.

– Что так?

– А ты был бы счастлив, если бы тебе сходу сказали, что старая, размеренная и вполне спокойная жизнь закончилась

и начинается миссия длиной в тысячу лет? Возможно опасная, очень трудная и ответственная. Что ты должен будешь фактически целое тысячелетие служить одной единственной цели – ждать искру Первосоздателя, которая то ли объявится, а то ли нет.

– Звучит, как бред сумасшедшего.

– Так я ему и ответила. Ну, примерно. Разругалась в пух и прах, наорала на него, пообещала вызвать службу охраны правопорядка, если он не отстанет.

– Отстал?

– Я попросту сбежала от него тогда. Хлопнула дверью, вся в слезах добралась до наших апартаментов и долго думала – рассказывать мужу, или нет? Потом постепенно успокоилась и решила, что не стоит его нервировать, у мужа накопилось отгулов, они с дочкой тогда как раз поехали к его родителям и вернуться должны были на следующий день. Так что ничего не мешало мне выпить и, уже почти совершенно успокоившейся, лечь спать.

– Как я понимаю, на этом ничего не закончилось.

– Хуже. В ту ночь я увидела первый сон. Хотя трудно назвать сном буквально живое воплощение Галиендриса, которое вещало мне на протяжении всей ночи о важности миссии, о том, что я единственная на данный момент, кто имеет необходимый набор параметров для её исполнения. И что от меня зависит судьба всего нашего мира. Что отказ от своего предназначения нарушит некий порядок вещей и от этого

сначала пострадают мои близкие, потом знакомые и, в конце концов, всё очень плохо закончится для меня самой.

Утром, совершенно разбитая, с большой головой, я кое-как встала с постели и сообщила руководству своей кампании, что на работу сегодня прийти не смогу, придумала какую-то ахинею про падение с лестницы, ушибленную ногу и внезапную хромоту. Меня, конечно, официально пожалели, пожелали скорейшего выздоровления и возвращения на работу в нормальном виде.

– Вот сейчас угадаю, – сказал я. – А в это время дед уже ломился в твою дверь, нецензурно ругался и угрожал.

– На самом деле, это было совсем не весело. Я весь день просидела дома, ежеминутно дёргаясь. Ты не слышал его речей, Александр, он и в самом деле обладал невероятной силой слова. И когда мне позвонили из травматологического госпиталя, я чуть с ума не сошла. Муж с дочерью попали в аварию, когда возвращались домой. Муж погиб, моя девочка в реанимации.

– Совпадение, – пробормотал я. – Это бывает сплошь и рядом, ничего необычного. Сочувствую, конечно, но...

– Мне было не до того, чтобы рассуждать о природе катастрофы. Всё рухнуло настолько стремительно, что я даже не запомнила деталей своей поездки в клинику. Так, просто калейдоскоп несвязных картинок. Только когда я добралась до места, дочь к тому времени тоже скончалась, не приходя в сознание.

Это была первая ступень посвящения, как потом объяснял мне Галиендрис. Так что, для того чтобы стать ключом, мне пришлось расстаться с самыми близкими людьми.

– Всё равно не вяжется, – возразил я. – Чтобы стать ключом – отдай близких. И если не захочешь стать – то же самое. Получается, в любом случае кранты. А где твоя-то выгода?

– Да, ты сейчас смотришь в самую суть, а вот я тогда не обладала и половиной твоего интеллекта. В общем, как оказалось впоследствии, ключ – это с одной стороны и многие возможности, но, с другой – сущее проклятье. Чтобы жить, нужны были чужие жертвы. Годы, украденные у людей, с которыми я связывала свою судьбу, давали мне время для продолжения миссии. Все мои последующие мужья и дети не доживали не то что до старости, но ... Самому старшему моему ребёнку сейчас целых двадцать пять лет.

– Петюня? – опешил я.

– И Локи. Твоё появление позволило ему жить так долго, а я наконец то начала стареть. Правда временно, здесь всё возобновилось.

– Звучит как фантастика. Или триллер.

– Это моя жизнь. Видимо, надо было дожидаться тебя. – вздохнула Галина. – Но теперь моя миссия практически завершена, поэтому я и хотела, чтобы ты приглядел за моими мальчиками. Они всё, что у меня осталось.

– Слушай, Галина...

– Андреевна.

– Да. Но ведь ты бы могла, к примеру, покончить с собой, глядишь, всё и остановилось бы. Разорвать, так сказать, порочный круг.

– А ты думаешь, я не пыталась? Первый раз в тот же день. Когда вернулась домой, наглоталась таблеток. Только всё зря.

– Почему это?

– Жертвы. Весь урон они принимали на себя. Им-то уже всё равно, поэтому что я только ни делала с собой, пока не надоело. Во-первых это больно, а во-вторых полностью бессмысленно. Я даже сознание не теряла ни разу, тело срасталось и я чувствовала дикую боль каждой её клеточкой. И с каждым разом эта попытка становилась всё сильнее, словно кто-то предостерегал меня от подобных экспериментов.

И каждый раз – новый сон и новый кошмар, только уже без Галиендриса, он умер сразу после моего посвящения. Двух ключей быть не может. В конце концов, я всё-таки сдалась, невозможно терпеть подобное слишком долго. Тебе не понять.

– Интересное свойство. Хотя бред, конечно.

– Я тебе не вру. Всё так и было.

– Ну, допустим. Так взяла бы и не выходила замуж вовсе. Как говорится, нет жертв – нет и долгих лет жизни, а то ты прямо богиней стала какой-то.

– И это было тоже. – Галина усмехнулась и устало облокотилась о край стола, начала передвигать чашки, тарелоч-

ки, корзиночку с хлебом, корочке, принялась совершать кучу ненужных действий. Так происходит, когда не знаешь, что делать дальше – и наболело и сказать стыдно.

– Жить понравилось? – спросил я. – В этом всё дело?

– После первой сотни лет, то, что казалось ужасным, стало простой обыденностью. – наконец произнесла она. – В самом начале я не хотела, потом смирилась, привыкла и, наконец, даже вошла во вкус. Мужчины приклеивались ко мне с пугающей регулярностью и вся суть моей с ними связи была в том, чтобы родить ребёнка, вырастить до совершеннолетия и... На этом их путь заканчивался, а мой, соответственно, продолжался. Такая вот странная судьба.

– Даже страшная, я бы сказал. Только как ты так долго продержалась здесь? Помотало тебя, наверное? Да и Петюня уже давно перешагнул совершеннолетие, что же его не прибрало-то в небытие вместе мужем Лёшей?

– И это самое странное.

– Почему?

– Я миссию выполнила, ну, так я думала тогда, когда нашла тебя. Но ни сны никуда не делись, ни Петя с Локи не погибли в свои восемнадцать лет. У меня нет объяснения. Сколько прошло с момента гибели Технеции?

– Почти пятьсот лет.

– Вот именно. Но до двадцати пяти дотянули только двое. Один сейчас, другой пять веков назад.

– Может и они имеют какую-нибудь миссию? – я даже ух-

мыльнулся от такого предположения.

– Петя и Локи? – усмехнулась Галина. – Даже не смешно. Ты же видел их. Я намеренно сходилась с обычными, заурядными мужчинами, выбирая и попроще и не слишком умных. Так меньше выделяешься. Ну и дети, соответственно, рождались далеко не гении. Смерть крестьянина гораздо меньше подозрений вызывает, чем, к примеру, помещичьего сына. Это сейчас всё стало более-менее цивилизовано, а лет так двести, триста назад – такое дремучее общество ты никогда не видел. Зверьё, а не люди.

Почему вы так медлили? Технически и интеллектуально самая развитая раса из всех, а экспансию начали последними. Даже недалёкие природиане и то опередили вас на сто лет. А киберы так вообще здесь лет триста, если не больше. Орудуют в Северной Америке, но щупальца протягивают уже по всему миру.

– Вот вообще не ко мне вопрос, – замахал я руками, откешиваясь от всевозможных обвинений. – С этими претензиями к Гилтри. Он у нас мозг операции, а я так – мимо шёл, да вот поймали, связали, в машину сунули – и вот я здесь.

– Гилтри – пустая бездарность.

– Чего? – я даже сразу не въехал в смысл произнесённого только что. – То есть ты хочешь сказать, что величайший учёный, как бы я к нему ни относился, создатель процедуры переноса, спаситель части человечества – бездарность? Ничего не пропустил?

– Он такой же винтик в этой сложной конструкции, что и я. Только непомерные амбиции и мания величия сыграли с ним злую шутку. Вместо того, чтобы созидать на благо нашей расы, этот павлин раздул своё самомнение до размеров чёрной дыры.

– А вот отсюда чуть подробнее, – я даже вскочил со стула. – Я правильно понял, что наш Автор тоже действовал не сам по себе, а выполнял, по указанию потустороннего разума, какую-то свою собственную, несомненно очень важную, миссию?

– Ну, можно и так сказать. Только облажался, старый маразматик. Или намеренно затягивал с переносом, что вернее всего. Ты должен был появиться на Земле уже вскоре вслед за мной, тогда успех был бы нам гарантирован, но теперь...

– Что теперь?

– Я не знаю. Искра киберриан здесь уже двести пятьдесят лет. Можно представить, до какого уровня он добрался. Хотя здесь тоже есть свои нюансы.

– Какие же?

– Раса воинов с Киберии традиционно прокачивает силу. Мышление у них развито только в плане построения стратегий и тактик боевых действий. То есть образно и логически они мыслят с большим трудом, все их действия подчиняются давным давно заданным алгоритмам. Тела же приходится постоянно менять, ведь они стареют, как и обычные люди. Их бойцы как на подбор – сплошь молодые и чрезвычайно

развиты физически. Настоящие орки.

– Да, я тут видел парочку недавно, – я снова уселся на стул и призадумался. – Те ещё зверюги.

– Я знаю, – отозвалась Галина и в её голосе мне вдруг почувдились истерические нотки. – Медарон злой как чёрт, ха-ха, нарушил все правила, ко мне заявился, это ему ещё аукнется, кстати. Правила нельзя нарушать.

– Что за правила? У меня складывается такое ощущение, что все вокруг в курсе всего на свете, один я, как болван, кланяюсь во все стороны, нихрена не понимаю и вообще – сплю, наверное. Иначе как объяснить весь этот абсурд?

– Да их немного, на самом деле. Только главное – одно. Все шесть искр должны собраться вместе и каким то образом выяснить, кто из них достоин венца.

– Это что – драться, что ли?

– А вот этого как раз опять никто не знает. Все установки и инструкции я получаю через сны. Могу и сама передавать небольшие сообщения.

– Петюню ты до жути напугала?

– Кто же ещё? Правда голос изменила, но ведь надо было его хоть немного подготовить к грядущим событиям.

– А откуда же ты могла знать, что Локи станет жить с ним по соседству, а не вытеснит нахрен из головы?

– Попросила.

– Кого?

– Кого надо.

– А. – понял я. – Сны, значит, у тебя двухсторонние. Диалог с покровителями, так сказать. И о чём же ты ещё их просила?

– Не их. Его.

– Кого – его?

– Не могу сказать. Это тебя уже не касается.

Блин, Санька, что ли включить ненадолго? Пусть развяжет язык моей старой знакомой. Почему так получается, что все лучшие люди, с которыми меня свела судьба в моей жизни, оказываются вдруг не теми, за кого себя выдавали? Гилтри, Глие, может и три старых приятских друга тоже из этой команды? Даже думать не хотелось об этом, но ведь мысли сами в голову лезут.

– Александр, я знаю о чём ты думаешь, – прервала мои внутренние терзания Галина. – Такое уж свойство ключа.

– Ладно, – я уселся поудобнее, потёр ладонями вспотевшее лицо и с шумом выдохнул воздух. – Пойдём с самого начала. Ты мне рассказала много чего, но никакой конкретики я так и не услышал.

– Что же тебя интересует?

– Вопросов полным полно. Давай так, я просто буду спрашивать, а ты отвечать. Такой стиль беседы не противоречит правилам?

– Зависит от вопроса.

– Идёт. Давай с того, почему тебя выбрал Галиендрис.

– Я вроде вскользь уже упомянула, что есть необходимый

набор параметров. Каких – не знаю, мне рано ещё искать преемника, да уже и незачем. Старик говорил, что ему было видение, наверное, тоже через сны. Точно не знаю.

– Хорошо, проехали. Как происходило посвящение? Про первый этап я уже слышал, а что было потом? Только не говори, что тебе надо было убить сто человек, объявить их какой-нибудь радужной сотней и развесить кишки на дорожных столбах для всеобщего обозрения.

– Всё было гораздо проще. Я, как всегда, заснула, потом получила нужные инструкции и всё. Для игры я стала Галиендрис – это переходящий титул. С тех пор и играла свою роль, как могла, думала дожить до глубокой старости, так и не дождавшись искры, но дождалась и нашла тебя.

– Как ты поняла, что я и есть эта самая пресловутая искра? Тьфу, даже произносить это смешно.

– Хочешь верь, хочешь не верь, но всё, что происходило, происходит и будет происходить – всё это сны. Я обнаружила тебя там, где мне было указано, отнесла домой и две недели кормила тебя своим молоком. Так что в чём то я даже немного заменила тебе мать.

– Зачем же отдала в приют? Даже обидно.

– Могли возникнуть ненужные вопросы у тех, кому всегда до всего есть дело. То есть у соседей. Ты был на редкость тихим ребёнком, но с каждым днём активность твоя росла, поэтому я и отнесла тебя к приютскому порогу. А сама устроилась туда, чтобы следить за твоим ростом и развитием.

– Прямо как в инкубаторе, – поморщился я. – Хорошо, но как ты перенеслась на Землю, да ещё в своём собственном теле? Стоп, не говори, сам угадаю – во сне?

– Ты всегда был смышлёным мальчиком. Просто запомни одну вещь – все причастные отыгрывают свои прописанные роли, неважно, какими способностями или возможностями они обладают. И только искра может вести себя как ей заблагорассудится, поэтому вас и назвали истинными игроками, остальные же просто статисты.

Эта игра сделана только ради вас шестерых, но как бы то ни было, идёт она уже многие тысячи лет, а с момента вашей активации прошли практически мгновения. Поэтому не все статисты рады вашему появлению, поскольку финал близок и никто не знает, что будет в конце.

– Да уж, печальная песня. Пилишь, пилишь лес, а потом приходит медведь и, обосравшись, ставит крест на всех твоих благих начинаниях.

– Ты это про что?

– Не важно. Так почему тебя называют ключом?

– Ну, с помощью ключа открывают замок. Чтобы тот, кто заперт, вышел наружу.

– Да ладно? Никогда бы не догадался. Кстати, а Гилтри тоже сны смотрел? Как он получал инструкции?

– Этого я не знаю. Я ключ, а он проводник, у них свои правила.

– Точно. – осенило меня. – Эти его долбаные медитации,

ну, если, конечно, это они были. Раз в неделю запирался и, не дай бог, кто-нибудь сунулся бы к нему в башню по любому поводу. А Лайе говорила, что он занимался со своими бойцами в это время и начал перенос добровольцев уже сто тридцать лет назад. Тоже в эти дни.

– Говорю же – бездарность. Столько провозиться с процедурой, даже не сумев как следует воспользоваться точными инструкциями – надо быть круглым идиотом. Только и может языком чесать, а время уже упущено.

– Но почему он ничего не сказал мне? Ведь с самого начала был в курсе, кто я на самом деле?

– Естественно, он всё знал, у твоего учителя тоже был предшественник, передавший ему эстафетную палочку. Только вот набор необходимых параметров – это одно, а сволочной характер – совсем другое.

– Это здесь при чём? Если уж ему надо было отыгрывать свою роль, что же он действовал так топорно? Зачем было силой принуждать меня к тому, к чему я, возможно, при надлежащем подходе, пришёл бы добровольно? Будь он трижды сволочь, но сволочь-то разумная.

– О, ты даже не представляешь, насколько. Объяснение у меня ровно одно – он тебе попросту завидовал.

– Завидовал? Мне? – удивился я. – Да я, по сравнению с его авторитетом, просто маленькая букашка.

– Опять же скажу – это только мои домыслы. Ты не знал своего истинного предназначения, а Гилтри никак не мог

осознать тот факт, что кто-то, кроме него самого может быть более значимой фигурой в этой игре. Он явно тешил себя надеждой, что сможет найти способ завладеть искрой, каким-то образом отобрать её у тебя. Но, после веков безрезультатных попыток, просто выместил на тебе свою злобу и разочарование. Старый хрен банально обиделся, как девчонка. Возможно, я и ошибаюсь, только, зная его непомерные амбиции, вывод напрашивается сам собой. Такая вот гипотеза.

– Звучит, конечно, логично. Только всё равно ерунда какая-то получается. Выходит, самая продвинутая в интеллекте раса, повела себя настолько по-идиотски, что возникают сомнения в её этой самой продвинутости. А как же рациональность мышления, общественное выше личного и так далее?

– Нашла коса на камень, – улыbnулась Галина. – Хотя, думаю, что и у других рас подобные проблемы имели место. Как я уже говорила, статистов много и не все из них любят родину больше, чем себя. Каждый имеет свой шкурный интерес.

– А ты? – спросил я и вновь попытался забраться ей в голову. – Ты имеешь?

– Все имеют, – туманно ответила она и отвернулась. – Только не читай мои мысли, всё равно не получится.

– Откуда ты знаешь, что у меня получится, а что нет? Сама же говорила, что только искра может вести себя, как ей за-

благорассудится и как попало. Если я и есть она, то рано или поздно смогу вскрыть твоё сознание. Как ключ ты уже утратила свою значимость, глядишь и способности пропадут.

– Ну это мы ещё посмотрим, – Галина, так же не глядя мне в глаза, поднялась и молча вышла из столовой.

Вот те раз! Галина то Андреевна с потайным дном у нас, оказывается. Лелеет ещё мечту о продолжении своего и так уже долгого существования. Нет, я и сам прожил уже целую кучу лет, хотя виртуальную жизнь трудно назвать счастливым временем. Но мне, по крайней мере, не упрекнуть себя в том, что для её продолжения пришлось жертвовать целой кучей ближайших родственников. Тут впору было бы остановиться. Не знаю как Галина, но я лично просто не смог бы нормально себя чувствовать с таким гигантским грузом на плечах. Как она справляется? Или это тоже свойство ключа?

Как ей вообще удаётся обманывать местных жителей, ведь если учесть, что Петюне уже двадцать пять, а ей лет на двадцать больше, стало быть в двадцать она и должна была родить его. Как же люди не заметили, что она не стареет? Где были Лёшины глаза, когда сорокапятилетнюю тётку принял за молодуху? Да и у всех остальных? Опять это пресловутое свойство? Что это – отвод глаз или ещё какая магия? Кто же этот таинственный кукловод, который с лёгкостью дёргает за нитки, а все причастные с разной степенью готовности взбрыкивают своими конечностями?

Гилтри вот пытался вести свою игру, так и он не преуспел.

Хочешь, не хочешь, а отправил таки искру на Землю. Правда и здесь не удержался, чтобы не нагадить напоследок, но против собственной природы не попрёшь.

А ведь, судя по некоторым косвенным намёкам, к Галине неровно дышит местный участковый Степан Георгиевич. Очередная жертва? А почему бы и нет? Миссия запланирована была на тысячу, а лет прошло только около восьмисот. Лет двести ещё можно цвести и пахнуть. Она сказала, что начала стареть, когда меня обнаружила, потом, по прибытии сюда, процесс остановился.

А всё ли договаривает любезная Галиендрис? Может всё-таки знает что-то такое, о чём лучше не распространяться, особенно всяким дотошным искрам? И старения никакого не было и в помине? Если рассудить здраво, то получается, что нам шестерым в этом мире никто и не рад. Почему тогда Глие, когда меня обнаружила и поняла, что её путешествие подходит к концу, не придушила предвестника своей скорой смерти, а заботливо выкормила и сдала на государственное обеспечение?

– Искру может убить только другая искра, – услышал я за спиной её голос и резко повернулся.

Галина стояла в дверном проёме и лицо её не выражало абсолютно ничего. Бесстрастная маска. Да, вероятно, чтобы стать ключом, нужно иметь стальные нервы и не иметь души. Ну или продать её.

– Что ты ещё мне не сказала, Галиендрис? – другими име-

нами её назвать у меня уже язык не поворачивался. – Ты ведь лицемерила тогда, в приюте, когда всячески окружала меня своей заботой?

– Поживи с моё в этом аду. Многое станет казаться не тем, чем кажется.

– А как же Петюня с Локи? Мне почудилось, что ты искренне обеспокоена их судьбой, просила присмотреть за ними. Тоже лицемерие?

– Эти мальчики – моя страховка, инвестиции в будущее. С их помощью я надеюсь прожить ещё много лет. Они не лучше и не хуже десятков других моих погибших или умерших от болезней детей. У большинства из них я уже ни лиц, ни имён не помню.

– Да ты чудовище.

– А ты сам? – вдруг взорвалась она и, резко метнувшись ко мне, неумело ударила ладонью по совсем ещё недавно ошпаренному плечу.

– Твою мать! – взвыл я. – Больно же! Что сам то?

– Ты во всём виноват! Это всё из за тебя! – Галина попыталась снова ударить меня, но я перехватил её руку и лёгким тычком усадил на стул. Ткнул вроде не сильно, но и этого ей хватило для того, чтобы на несколько секунд выключиться из беседы и заткнуть фонтан своих, возможно, справедливых обвинений.

– Отдышалась? – участливо спросил я.

– Да пошёл ты! Жила себе, не тужила, думала уже всё, этот

придурок Гилтри так и не решится тебя прислать, так нет, роль пришлось отыграть до конца. Нам всем приходится.

– Что же сразу мне не открылась? Тоже хотела соскочить?

– Хотела. А ты бы не захотел на моём месте? Так этот мудак Медарон припёрся и всё испортил. Я не сразу поняла, что ты подслушиваешь наш разговор, а потом уже было поздно. Пришлось и мне выполнять предназначение. Ключ должен ввести искру в игру, открыть ей первую дверь. Ну а дальше уже сам, на этом моя служба заканчивается.

– А ты не хочешь этого, конечно.

– Конечно нет. Знаешь, как то уже привыкла к долгой жизни и ко многим привилегиям, к ней прилагаемым.

– Должен тебя несколько огорчить, – я тоже уселся на соседний стул и закинул ногу на ногу. – Всё кончается рано или поздно. В твоём случае, видимо, поздно. На самом деле, мне тебя искренне жаль. Да да, даже не спорь, я осознал свою вину и всё такое. Из-за меня у тебя с жизнью произошла полная задница, только не я всё это затеял, мне лично это приключение вот вообще нахрен не нужно было.

Скажи мне только одно – что ты задумала по поводу пацанов? Локи с Петюней. Кстати, что-то его, тьфу, их, совсем не слышно.

Действительно, слишком тихо стало во дворе дома. Поначалу радостный бубнёж доносился до моих ушей, потом стал привычным фоном, а сейчас голоса почему-то пропали.

– Какое тебе дело до моих детей? – всё еще массируя

ушибленную грудь, прошипела Галина, уже несколько не похожая на ту милую женщину, Глие с Технеции. – Своих заведи, а потом их воспитывай.

– Может и заведу, если жизнь сложится. Или не заведу, поскольку хрен знает теперь, чего ожидать. Кругом засада. У меня вообще складывается впечатление, что самый нормальный человек из всех кого я встретил за последние сутки – это Петюня. Плюс Локи. Хотя вот совсем не удивлюсь, что и с ними не всё в порядке.

– А тут со всеми не всё в порядке.

– И с тобой?

– Да хоть и с тобой. Рассуждаешь, как человек, которому не в чем себя упрекнуть, а на деле что?

– И что?

– Локи подставил вместо себя, Петю использовал, хотя какое имел право? Ведь ты ж защитник угнетённых, вершитель правосудия. Да, я всё знаю.

– А, ну да, свойство ключа. Что же ты ещё знаешь? И что ещё мне не рассказала?

– Всё, что хотела сказать, я уже сказала. А до остального мне дела нет.

Я, практически не мигая, смотрел ей в глаза. Как, оказывается, можно ошибаться в людях. С этой минуты ни за что не буду верить тому, кто с радостной улыбкой предложит мне свою помощь, да ещё безвозмездно. Эти, похоже на то – самые опасные, куда уж там откровенным врагам и недру-

гам. Тех хотя бы сразу видно, а вот от таких сердобольных доброжелателей спасение только одно – бежать без оглядки.

Опять паранойя? Кто знает, может это и так, но, как показывает практика, стоит только ненадолго отвернуться, как лучший твой друг уже тащит камень из-за пазухи. И не факт, что успеешь увернуться от дружеского удара по затылку. Только что же мне с ней делать теперь? Память ещё хранила ту Глие из прошлой жизни, которая практически заменила мать маленькому одинокому мальчугану, Кади, и являлась единственным светом в целом океане тьмы. Злоба на неё боролась с тёплыми воспоминаниями. Тьма и свет. Какому же из чувств отдать своё предпочтение?

Я даже слегка вздрогнул, когда со двора донёсся громкий стук в ворота.

– Кто это? – спросил Галину и поднялся со стула.

– Откуда ж мне знать?

– Петюня откроет.

– Хм, это вряд ли, – усмехнулась она и тоже поднялась с явным намерением выйти из дома.

– Стой, – я схватил её за руку и развернул к себе. – Почему вряд ли?

– Отпусти, – вырвалась она и сбежала по ступеням во двор.

Что оставалось делать? Да то же самое, только со всей осторожностью. И почему не слышно голосов Светланы и ребят?

Когда я выглянул из-за двери, картина открылась не слишком радостная. Галина стояла спиной ко мне, чуть приоткрыв воротину, вновь загораживая очередного гостя, а сбоку от неё лежала на мягкой травке моя, так называемая, сестрёнка. Признаков жизни она не подавала и мне отчего то стало так тоскливо и печально на душе, что захотелось подбежать и открутить этой двуличной Галиендрис её лживую башку к чёртовой матери.

Петюни нигде видно не было. Два и два сложилось в понятный и простой результат – мать в очередной раз отдала своих детей на заклятие ради нескольких лишних лет жизни. Вот только как она собиралась это повернуть, предстояло ещё выяснить. И желательно поскорее. Если уж родной матери не нужны её сыновья, то я как то успел уже к ним привязаться и хрен кому позволю причинить им не то, что смерть, но и малейшие страдания. Кто ж там припёрся-то?

– Сегодня я занята. Приходите завтра, – донёсся до меня голос Галины.

– А ч-что случ-чилось, Галя?

– Ничего особенного, просто неважно себя чувствую.

О как! Да это ж знакомый персонаж. Доблестный участковый Степан как его там Георгиевич. Интересно, тарантайка его на ходу или нет? Что то треска двигателя слышно совсем не было. Ладно, опять экспромт – новый план. Посмотрим, что получится, на другой времени всё равно нет. Только для начала попробую слегка подстраховаться. Не уверен,

что работает, но попытаться стоило, мысль промелькнула, как всегда, неожиданно.

"Вызов интерфейса. Так... Оперативная память. Свойства. Блокировка передачи данных".

Вот теперь посмотрим, злая тётка, как ты узнаешь, о чём я думаю. Всё, пора.

– О, Степан Георгиевич, заходите, заходите, – заорал я, подбегая к воротам и распахнул их настежь, чуть не добавив лежащей Светлане новых тумачков. – Что же вы в дверях встали, проходите, почувствуйте себя как дома.

Надо было видеть вытянувшееся лицо этого влюблённого служителя закона, когда я внезапно появился из-за плеча Галины во всей красе своей слегка недовыбритой хари. А широкая усмешка во весь рот добавили ему красной краски. Ну прямо варёный рак при исполнении.

– П-понятно, – наконец выдохнул он.

– Что ты делаешь? – зашипела Галина, но я только отмахнулся и отодвинул её вглубь двора, освобождая проход.

– Дело есть, гражданин начальник.

– К-какое дело?

Заглянув ему в глаза, я нащупал сознание и мысленно произнёс:

"Слушай меня внимательно..."

Глава 12

– Как ты это сделал? Как? Что происходит?

Галиендрис, она же Глие, она же Галина Андреевна была не на шутку перепугана. Попробуй тут не испугаться, когда мысли подопечного, годами читаемые, словно по бумаге, вдруг оказались недоступны в мгновение ока. С гарантией.

– А ты что, думала, я просто так свой интеллект прокачивал? И это ещё не предел.

– Но как? Этого просто не может быть, – твердила она, как заведённая, вмиг превратившись из многовековой, продуманной супервыживалки в обыкновенную плаксивую бабу.

– Может, – злорадно оскалился я, сидя на лавочке возле бани.

Мне доставляло немалое удовольствие наблюдать за её истеричными метаниями. Участковый дисциплинированно сидел рядом, но, казалось, был абсолютно безучастен к происходящему. Пусть радуется, я ему ведь жизнь спасал, не специально, конечно, но по воле случая. А то женят его, используют и поминай, как звали.

– Где Петюня? – спросил я Галину. – Кто прибил Светлану? Твоё счастье, что она жива, иначе я с тобой по-другому бы разговаривал.

Девушку я заботливо отнёс в дом, протестировал все жиз-

ненные параметры, добавил немного живительной энергии и, убедившись, что здоровью ничего не угрожает, погрузил в глубокий сон. Чтобы избежать несвоевременных вопросов, а также ненужных сейчас чересчур любопытных глаз.

На затылке у неё красовалась большая шишка, крови было мало, кожу лишь слегка содрало. Видимо негодяи застали Свету врасплох и, зажав рот, чтобы не вскрикнула, вырубил тупым, тяжёлым предметом. Только почему Петюню не было слышно? Неужели просто стоял и, бестоково открыв рот, смотрел как бьют по голове объект их с Локи вздыханий? Или и его тоже по голове саданули? Сколько же было похитителей и почему мы, находясь совсем рядом, вообще ничего не услышали? Опять что-то не сходиться. Ненавижу это состояние, когда чего-то недопонимаю, сразу охота врубить мозги на полную катушку и найти правильное решение. Ну, или чтобы кто-нибудь мне его сам подсказал. Так проще.

– Какой смысл мне отвечать? – спросила Галина, застыв на месте, видимо, уже выдохлась слегка. – В чём тут моя польза?

– Польза огромная. Как ты думаешь, если я смог заблокировать от тебя свои мысли, почему бы мне не попробовать просто тебя грохнуть? Вдруг получится? Может искра единственный человек, которому это позволено?

– Ладно, не кипятись, – Галина заметно побледнела, видимо в подобном ракурсе рассуждать ей ещё не доводилось. Наверное, как-то страшно вдруг осознать, что стоишь рядом

со своей потенциальной смертью. – А что ты сделал со Степаном?

– Степан Георгиевич в трансе, переживать не стоит. За него, по крайней мере. Ты лучше о себе подумай. Ничего на ум не приходит?

– Что именно?

– Ладно, давай по-порядку. Детей ты сдала кому-то, кто обещал тебе... Что?

– Годы жизни, что же ещё. Никто не знает, как изменятся способности ключей с появлением последней искры. По легенде, истинная игра начинается после того, как все шестеро окажутся в одном месте. Я до последнего надеялась, что ты не объявишься ещё очень долго, но месяц назад Лайе проговорила Гридоебову, что Гилтри собирается отправить тебя на Землю. А Иннокентий передал это Медарону. Ну а тот уже сказал мне.

– Значит ты с Медароном заодно? Хотя, зачем я спрашиваю, это и так очевидно. Сговорились, сволочи? А как же правила? Предназначение?

– Какие уж тут правила, когда жизнь на кону? Понятное дело, что кое-что нарушить невозможно, лишнего всё равно не скажешь, будешь только мычать, но ведь любую гору можно обойти при долгом терпении.

– Короче, тут ты всполошилась.

– А кто бы не всполошился? Единственное, чего я не знала – кто был выбран для тебя аватаром, Лайе так и не сказала.

– Почему же?

– Да всё из-за этого недоумка Гридоебова. Он, как твоё имя услышал, так и обезумел просто. Оказывается, ты всегда был его кумиром ещё при настоящей жизни. Он почему-то вбил себе в голову, что с твоей помощью сможет сменить тело и спокойно продолжить портить воздух.

– И что?

– Да то, что он тут же предложил Лайе обмануть Гилтри, отдать тебя ему, даже деньги предлагал за помощь.

– И, естественно, был послан.

– Не то слово, старая шлюха пришла в дикую ярость, ведь всем известна её слепая преданность своему приёмному папаше.

– Ага, всем, кроме меня. Правда, до вчерашнего дня только, – я невольно потёр шею в том месте, где получил разряд электрошокером. – А она не знала, что искра – это именно я?

– Нет, конечно, до вступления в игру истинное имя искры может быть известно только посвящённым.

– То-есть это ключ, проводник и...

– И всё. Долбаная дилемма – нам было известно, кого пришлют, но что ты и есть искра, я не могла сказать никому.

– Да, припоминаю, когда Гилтри отправлял меня сюда, говорил советникам, что имя аватара им знать необязательно, так что с этой стороны не было утечки. А вот Лайе точно знала, она же его сама готовила. Но вам, соответственно, сообщить отказалась.

– Поэтому проверяли всех, кто перенёлся за это время из дворца. А их за месяц было не меньше ста человек.

– Но Кеша то назвал моё имя. Как он смог узнать, что Протасов Александр – это именно я?

– Так он всех проверяемых им называл. Поэтому так и обрадовался. Тем более Лайе себя сама выдала, когда возилась с тобой, как с писаной торбой. Все сначала думали, что она просто так с женатиком путается, это, знаешь, очень в её стиле – семью развалить. Только когда уже почти месяц прошёл, начали подозревать, что дело нечисто. Не в её привычках было так долго мужика окучивать.

– Ладно, это понятно, в принципе, я просто повёлся на развод, сам дурак. Только как же они находили пришельцев, если Лайе так разобиделась, что перестала поставлять информацию дедуле?

– У киберианской искры есть такое свойство – чует врагов на расстоянии. Раса воинов интеллектом не отличается, но самые продвинутые обладают неким инстинктивным ощущением опасности. Ну а Лободрот у них, что естественно, самый раскочанный.

– Лободрот?

– Так их искру зовут.

– И что же, он так сразу меня не обнаружил? Если такой уж крутой перец?

– В том то и дело, что Медарон зачем то отозвал его на время и охоту продолжили без него простые ищейки. Само

собой, не такие способные. Представляю, какой шок у них случился, когда они, неожиданно для себя, обнаружили искру в совершенно рядовой командировке.

Грибоебов еле уговорил Медарона выделить ему этих людей на твои поиски, в ногах валялся, клялся в вечной любви, а сам всегда работал на разные стороны, но больше всего на самого себя – он был слишком ненадёжен. Поэтому и пошло всё наперекосяк. Медарон сам уже хотел его прибить, жаловался, что дед совсем с катушек съехал.

– Старик тут проговорился, что вы просто убивали людей без разбора.

– И что? – удивлённо спросила Галина. – Жить захочешь, не так раскорячишься. Кибериане испокон веков в живых никого не оставляли. Да и кто их считает, этих людей то? Сколько ни убей, меньше не становится.

– А себя-то жалко, да?

– Естественно. Как же иначе?

– И что же ты Медарону этому не сказала, кто я?

– Говорю же, не могла, пока ты не появишься. Это просто безумие какое-то, а не правила, кто их придумал? Даже не представляешь себе, как это бесит – рот открываешь, а сказать не можешь. Или ручка не пишет, или руки не действуют. Что мы только не пробовали – и палкой на земле, и печатать на любом устройстве – всё бестолку. Любая закрытая информация до поры, до времени остаётся закрытой для непосвящённых. Поэтому, как только ты здесь объявил-

ся, тут же хотела позвонить, так связь не работает, как назло.

– Да ты сама её и вырубил, – засмеялся я.

– Как это?

– Петюня, как голос в башке услышал, так вышку вашу и повредил. Ха-ха! Всё то у вас через жопу, господ. А интернетом не пыталась воспользоваться? У вас же спутниковая тарелка для чего-то торчит на крыше?

– Так я и воспользовалась, правда вспомнила про неё не сразу, на другой день только.

– Про это я и говорю. И чего же так долго наш главнокомандующий добирался?

– А он сегодня прилетел, да ещё ко мне домой заявился, гад. Пришлось импровизировать.

– А, помню, – кивнул я. – Вариант "Б".

– Он меня просто врасплох застал. Ты его имя услышал, да ещё от меня. Твою мать! – она опустила на корточки и, облокотившись на колени, закрыла руками лицо. – Ну почему так всё бездарно получилось?

– А потому что вы привыкли чувствовать себя и умнее и важнее остальных. Вот и совершали одну глупость за другой. Настолько идиотской организации я что-то даже не припомню. Ты спрашиваешь, почему бездарно всё у вас вышло? Я скажу. Есть такая басня про лебедя, рака и щуку. Местная. Если не читала, почитай, в базе данных она есть. Там эти три абсолютно разных пассажира решили вместе впрячься в телегу, чтобы сдвинуть её с места.

– И что? Знаю я эту басню.

– Так вот Гридоебов ваш – лебедь, всё вверх тянулся, за недостижимой мечтой, Медарон, конечно же, щука, этому, скорее всего, как хищнику, надо было всё к себе в закрома уволочь. Да поглубже.

– А я, значит, рак?

– Ага, тебя от прошлого никак не оторвать. И падалью питаешься, живёшь за счёт трупов близких людей.

– Да ты философ.

– А ты дура. И Медарон твой такой же кретин. Вы зачем людей убивали?

– Да дались они тебе! – подняла она на меня глаза. – Сигналка их хвалёная не срабатывала ни разу, поэтому на всякий случай делали каждому в голову контрольный выстрел. Искру может убить только искра, я же говорила тебе, поэтому истинный игрок бы в любом случае выжил. А на тебе вот сработала, а ты взял и сам всех убил – впервые за всю историю. Поэтому Верховный то и взбеленился. Он у них проводник, что-то вроде кибериаанского Гилтри.

– А что за сигналка такая?

– Да я даже не представляю, по какому принципу она действует, но Медарон рассказывал, что они тестировали её на своей искре и на всех остальных четверых она тоже сработала.

– Выходит, этот кибер подмял под себя уже всех, кроме меня. Ты не в счёт – я так понимаю, что ты и так уже давно

стоишь раком в состоянии полной готовности.

– Это закон жизни, – криво усмехнулась Галина. – Землю жрёт трава, траву жрёт скот, а его уже жрёт хищник. Ну а хищника убивает охотник. Всегда есть тот, кто сверху.

– Ага, – согласился я. – А в итоге земля пожирает их всех. Круговорот, мать его. Где Петюня, сука ты конченная?

– Старый стекольный завод в лесу, Медарон там со всей своей свитой. Искры тоже, вас ведь вместе собрать надо, а Петя с Локи – это моя награда, он знает, как продлить мне жизнь с их помощью, по крайней мере, так он мне сказал.

– И что же конкретно он поведал?

– Что путём долгих исследований и экспериментов их Верховный создал некую процедуру, благодаря которой и проводник и ключ могут жить неограниченное количество лет. Только жертв нужно больше. Намного, но разве это может остановить нас?

Почему именно эти мои сыновья не умерли в восемнадцать? Ведь до этого всё хорошо складывалось, как по часам. Я уже всю голову сломала, но объяснения так и не нашла. Наверное, всё-таки ты виноват. Да и чёрт с ними, пусть послужат для любимой мамки хоть раз во благо, глядишь, и ругаться не буду.

Она попыталась улыбнуться, но я, сам того не ожидая, в порыве гнева, приподнялся и со всей дури пробил пинком по этой жалкой попытке.

– Ик! – вырвалось из её окровавленного рта и Галина Ан-

древна с расквашенным лицом брякнулась на спину и за-
тихла. Глубокий нокаут. Посмотрим, как ты после удара ис-
кры восстановишься, тварь. Похоже, злоба окончательно вы-
теснила все хорошие воспоминания моего детства.

– Почему они не умерли? – спросил я распростёртое тело,
но ответа, само собой, не последовало. – Потому что кому
то это было нужно и теперь мне самому предстоит это выяс-
нить.

На лавке начал ёрзать задом по доске Степан Георгиевич,
видимо чувство профессионального долга принялось цара-
паться внутри запертого сознания, видя подобное отноше-
ние к даме сердца. Ну ничего, недолго ей осталось, как толь-
ко потом Петюне с Локи объяснить, куда их мамка пропала?

На самом деле, убивать мне её очень не хотелось, всё та-
ки по природе я, скорее, созидатель, а не совсем наоборот.
Но почему за эти два дня мне повстречалось столько откро-
венных мразей, после общения с которыми так и хочется от-
крутить им голову? Этак я совсем скачусь до уровня того же
Санька Шпрота, который, судя по отзывам, решал проблемы
босса отнюдь не пустыми уговорами. Не хотелось бы стать
таким.

– Эта женщина – преступница. – сказал я участковому
и ткнул пальцем в неподвижное тело. Юбка задралась и я
стыдливо прикрыл Галине обнажившиеся бёдра, надо ска-
зать, весьма аппетитные на вид. Степан Георгиевич судорож-
но сглотнул и достал наручники. Ах да, я забыл совсем, он

ведь из за этих бёдер сюда и припёрся. Не судьба, да и опасно это – волочиться за восьмисотлетней ведьмой, которая и в огне не горит, и электричкой не плющится.

Ну а что, всё официально. Вот власть, а вот виновная во всех сотнях смертей сволочуга.

Попробовать залезть к ней... да не под юбку, в сознание. Может, пока в отключке, удастся хоть что то увидеть?

"Идентификация. Ожидание...

Внимание. Файл повреждён. Файл повреждён. Файл повреждён...

Требуется перезагрузка системы. Необходимы права администратора высшего уровня.

Внимание. Уровня интеллекта недостаточно для выполнения процедуры".

Вот значит как. Повреждённые файлы. Всего я насчитал порядка сотни. Получается, что у Галины не только душа деформирована, если она вообще есть, но и всё сознание целиком. Интересно, кто же у нас администратор то? Значит, узнать что-либо у неё не получится, для этого нужно стать самым крутым администратором. Интересно, это вообще возможно? Ведь та сущность, которая наделила Галину подобными свойствами, должна оперировать данными на такой недостижимой высоте, что лучше и не пытаться задирать голову к небесам.

– Неси её в дом и пристегни к чемунибудь, да понадежнее, чтобы не сбежала.

Степан Георгиевич с каменным лицом молча кивнул, вздохнул и принялся за выполнение служебных обязанностей. Видимо, внутри него всё-таки шла некая борьба с моими установками. Человек, привыкший к тому, чтобы слушали его, сам с большим трудом слушает других, а чаще всего – вообще не слушает. Вот только слабоват твой интеллект против моего, гражданин начальник, тут уж не обессудь.

– Вот, сюда цепляй, – сказал я ему и указал пальцем на газовую трубу, торчащую из стены. – Пусть посидит пока. А мы с тобой доедем до одного места.

Проследив, чтобы моё указание было выполнено в точности, я метнулся за средством гения от химии Лайе. Надо закрепить результат, пока Галина пускает кровавые пузыри во сне. Кажется, я ей не только зубы выбил, но и нос сломал. Больно, наверное, будет, когда в себя придёт. Ну так и зелья надо добавить, чтоб ещё и затошнило. Интересно, а есть у них в доме слабительное?

– Давай, девочка, глотай, – приговаривал я, пока вливал отраву, пальцами надавив на щёки. – Поверь, мне очень не хочется этого делать, но вы, суки, раз за разом не оставляете мне никакого выбора. Точнее, выбор почему то всегда только один.

– Знаешь, где стекольный завод? – спросил я участкового, закрывая флакон и пряча его в карман.

– Знаю. В восьми километрах отсюда, вокруг заросли, само здание не уцелело, остались только подвалы, да и те в ава-

рийном состоянии.

Ух ты, заикаться перестал. Может, помочь ему расстаться с недугом окончательно? Но потом, всё потом, я и так слишком задержался здесь. Вдруг этот непонятный Медарон уже приморил Петюню с Локи? Нельзя этого допустить, а то я так в конец себе карму испорчу. Надо на несколько злодеяний сделать хоть одно доброе дело, может где и зачтётся. А может и нет, кто знает?

Иногда лучше делать, чем думать. Особенно когда цена долгих раздумий слишком высока. Хотя это пресловутая палка о двух концах, ведь пока башку из окопа не высунешь – не увидишь врага, а высунешь, кто знает, обрадует ли тебя подобное знание? Поэтому я целиком и полностью всегда за третий вариант – перископ.

Только вот не в данном случае, поскольку я именно вознамерился высунуть башку из окопа. Возможно, этого от меня и ждут, и Петюня просто банальная приманка, только с чего они решили, что я на неё клюну? Или опять кто то толкает меня в нужную сторону, используя все имеющиеся ресурсы в своём распоряжении? Честно говоря, мне надоело уже это выяснять, надо просто рубануть с плеча и наконец-то расхерачить этот чёртов узел.

Тупость? Конечно, кто же спорит? Но какой из меня вершитель правосудия, если я буду постоянно избегать сложных ситуаций? Никто комфортного существования и не обещал. Правда, я никогда не подозревал, что оно окажется настоль-

ко некомфортно.

– Заводи своего скакуна и подъезжай к воротам, а мне надо немного подготовиться.

– Бензина мало, заправиться надо бы.

– В чём проблема?

– Надо в участок заехать, там у меня канистра.

– Заедем, – пообещал я. – Ступай.

Степан Георгиевич вздохнул снова, мельком взглянув на ноги Галины и печально удалился. Что ж, я его понимаю, мужику где-то полтинник уже, живёт бобылём, а тут такая бабёнка пропадает. Сын, правда, придурок, так это не проблема, сбегать всегда можно куда-нибудь. Да хоть за угон трактора посадить. А глядишь, наоборот, при должном мужском пригляде за ум возьмётся. Хотя ума там...

Я быстро проинспектировал свои боевые трофеи, сгрёб всё в кучу и, немного порыскав по кухонным шкафам, добыл большой пластиковый пакет. Надо это добро припрятать пока, кто знает, вернусь я за ним, или нет, но с собой всё это барахло таскать точно не стоило.

Затем снова проверил Светлану, убедился, что хотя бы с ней, в отличии от других, порядок, только вот гематома на голове выглядела, мягко говоря, устрашающе. Ну ничего, до свадьбы заживёт, главное, сознание не пострадало. Пусть поспит пока.

Выбежав во двор, направился к навесу с дровами. Пока выслушивал бредни Галины, успел заприметить небольшой

топорик, мирно валяющийся между поленьями. Рукоять, как и положено, деревянная, а лезвие, что удивительно, было кем-то остро отточено. Неужели Петюня всё-таки успевал между похождениями ещё и мужскими делами заниматься? Что-то сомнительно, хотя я и представить не мог картину, где Галина Андреевна наяривает топор оселком или напильником. А, понял, это, скорее всего участковый постарался. А может и ещё кто. Мало ли ухажёров может быть у одинокой вдовы?

За воротами раздался рёв подъехавшего трёхколёсного транспорта. Карета подана, ваше высочество, позвольте проехать к месту казни. Хм, а мы вот пободаемся ещё. Меньше двух суток я провёл на Земле, а впечатлений целый вагон. Ничего так экскурсия, элитное сопровождение за особую плату. Гарантии, что всё закончится благополучно, не прилагаются.

Окинув двор ещё раз взглядом, я вдруг увидел около пролома в заборе, который сам вчера организовал, ранее не замеченный камень размером с мой кулак. А вот и орудие преступления, судя по всему. Подошёл к нему и, нагнувшись, внимательно осмотрел. Ну точно, вот прилипшие тёмные волосинки с головы Светланы и капли, не подсохшей ещё до конца, крови. Гады! Возьму-ка я его с собой, надо бы хозяйню вернуть, нехорошо оставлять свои вещи в гостях.

Теперь всё. Пора в путь. Я, как древний Факи, на пути к своему токоразряднику, только вот вопрос, смогу ли

обойтись без самопожертвования, найдя нужный выход, или опять будет как всегда? Перехитрить жрецов. Та ещё задачка и сдаётся мне, что придётся попотеть для её решения. Вот только как же тогда воспринимать слова Галины о том, что когда все искры соберутся вместе, истинная игра только начнётся. Охренеть не встать! Что же это за игра такая, что может закончиться, едва начавшись? Какому кукловоду понравится тот факт, что после всех его любовных приготовлений, привязывания ниточек к своим избранным человечкам, одного за другим одетых в заботливо вышитые одёжки вдруг погрызёт твоя тупорылая, нихера не понимающая в искусстве, собака? Ей же тоже хочется поиграть. А то, что всё представление коту под хвост, так туда ему и дорога. И вообще, пусть все коты сдохнут в одночасье.

Степен Георгиевич ждал меня, сидя на своём мотоцикле, выхлопные газы нещадно травили воздух и уносились дымными облаками прямо в небеса. Ждите, люди, скоро у вас все облака станут отравленными. А также вода, земля, да и вас самих сия чаша накормит самым непотребным образом. Впрочем, всё может закончиться гораздо быстрее, ведь никому и невдомёк, что ваша планета выбрана в качестве игровой площадки отнюдь не для детских игр. И последствия этой моей безрассудной поездки совсем уж непредсказуемы.

Может зря я впутываю участкового в эту авантюру? Хоть и представитель закона, но что он сможет сделать с толпой спятивших иноземных организмов, из всего вооружения

имея только свисток и фуражку? А у того же Медарона явно немалое количество вооружённых бойцов, только и ждущих пустить в ход свои пушки. Нет, не буду я втягивать человека в чуждые ему разборки – довезёт до места назначения и пусть катит по своим земным делам. Только не забыть чуть-чуть память ему подкорректировать. Да ещё надо отвадить его от дома добрейшей гражданки Пупковой, чтобы стороной за километр обходил. Хватит ей уже плодиться и размножаться, пора и на пожизненную пенсию валить. Где-нибудь в небытие её давно заждались все те, кто долгие годы страдал ради долголетия этой старой ведьмы.

– Ну что, поехали? – спросил я, забираясь в седло позади Степана Георгиевича. Приходилось орать, чтобы хоть как-то быть услышанным.

– Да, только шлем наденьте, в коляске, под накидкой лежит, – тот так же надрывался в голос. – В целях безопасности.

– Да уж, шлем – это как раз то, что мне сейчас нужно. А бронежилета нет?

– В участке есть. Сейчас за бензином заедем и возьмём.

– Хорошо, – беспечно отозвался я, если так можно назвать мой дикий вопль. – Хоть что-то успокаивает.

– На войну собрались? Или дрова рубить? Топор зачем вам?

– Так кто же знает, что может в лесу пригодиться?

– Тоже верно, – заметил участковый, выруливая на грун-

товку, ведущую прочь от подворья Галины. – Только незаконная вырубка лесных насаждений преследуется по закону. Должен предупредить. Во избежание, так сказать.

– Ни одно дерево не пострадает, – поспешил я успокоить бдительного законника. – Надеюсь...

Дальше двигались молча и, пока ехали к участку, я отбил всю задницу, подпрыгивая каждый раз, когда мой случайный мототаксист, объезжая очередную яму, колёсами проваливался в другую. Незабываемое впечатление, достойное для экстремального туризма, куда там всяким Тайландам, судя по тоннам загруженной рекламы. В земных сетях скопилось столько всякого мусора, что диву даёшься, как люди, среди тонн бесполезной фигни, умудряются раскапывать что-то действительно достойное внимания. Зато всякого говна хоть отбавляй.

По пути встречались редкие прохожие, которые почтительно приветствовали главу местной полиции и недоумённо тарасились на его пассажира, то бишь на меня. Наверное, не привыкли, что власть подрабатывает извозчиком. Да ещё не пойми для кого.

Ну, не в этом суть. Главное, что добрались мы практически невредимыми и, пока участковый бегал за резервной канистрой, заправляя бензобак, я ещё раз прокрутил в голове возможные варианты развития событий. На самом деле их было всего два.

Первый – это тот, согласно которому, судя по всему, ре-

шил действовать Медарон. То есть, с помощью своего истинного игрока, убрать всех конкурентов и единолично править этим миром. Если и правда они нашли способ не умирать после появления всех искр на Земле, то такой исход вполне жизнеспособен. А если он блефовал? Запудрил мозги доверчивой бабе и таким образом хотел заманить меня в ловушку.

Но тогда получается конец игры и конец всем этим ключам и проводникам. Не может поступить иначе? Правила игры не позволяют? О, бедная моя голова! Как же осознать этот странный замысел? Слишком мало времени мне отвели на то, чтобы разобраться во всех хитросплетениях, наворотах и прочих неудобоваримых нюансах этой долбаной игры. У всех моих конкурентов было огромное количество лет, чтобы продумать свои действия и разложить всё по полочкам. Наверняка они уже выяснили что-то такое, до чего мне как до солнца на трамвае. Слишком неравные условия.

Отсюда и второй вариант. Более предпочтительный, но менее вероятный. Как я уже рассуждал по этому поводу, игра может закончиться, даже не начавшись, если один, самый продвинутый и раскачанный игрок, ухандокает всех остальных, едва они соберутся вместе. Понравится ли такой расклад организаторам? Буду надеяться, что нет и они каким то образом вмешаются в явное нарушение их сценария. Иначе этот фарс будет выглядеть как пятиминутный фильм, где сразу после названия "Жестокое убийство" кроваво заваливают главного героя, затем тут же врубают финальные титры

и глумливую надпись "Конец".

– Готово, можно ехать.

Я отвлёкся от невесёлых мыслей и взял в руки протянутый мне Степаном Георгиевичем новенький броник. Видимо, ещё ни разу не использованный, что и неудивительно, от кого тут защищаться-то, в этой забытой богом глуши? Разве что от Павловны, да и то проще удрать, запрыгнув на своё трёхколёсное чудовище.

– А скажи-ка мне, Степан Георгиевич, Дмитрич не заявлял тебе об угоне трактора?

– А что толку заявлять? Спросить то уже не с кого. Бандиты сами друг друга порешили. Те, которые угнали.

– Это я видел в новостях. А разве не Петюня трактор увёл в очередной раз?

– Сначала Дмитрич так и подумал, орал на всю деревню, но потом что-то стих и заявил, что претензий не имеет и, вообще, Петюня здесь ни при чём. Якобы, ему видение было, а потом и настоящих угонщиков обнаружили. Те ещё придурки, вы бы видели эту картину, прямо скульптура, только лёжа. Следак долго смеялся, когда место преступления описывал. Да и я поржал немного. Потому как оба были при пушках, а у одного нож в глазу, а у другого в голове лопатка сапёрная торчала. Как это объяснить – непонятно, тем более, что первый вообще не стрелял, а второй потратил все патроны, под конец, видимо, с досады, что не может попасть в напарника, взял и прострелил себе ногу. Нахрена – неясно со-

всем, может просто дебилы?

– Скорее всего.

– Точно. Только вот зачем перед этим технику подожгли? Там ведь кроме трактора ещё и другая машина была, тоже в угоне числилась, ни пальчиков, ни других следов – всё сгорело.

– Бывает. И что, вообще ничего не нашли больше? Может отпечатки обуви сообщников?

– Да были следы, только мало ли их в лесу? Грибников развелось, что блох на собаке. Плюнуть некуда, в туриста попадёшь. У нас во всей деревне столько людей не наберётся, сколько отдыхающих. Зато зимой красота – никого нету.

– Понятно, ладно, поехали. Довезёшь меня до стекольного завода и свободен.

– Понял.

Степан Георгиевич вздохнул и вновь завёл мотор, а я поморщился от мысли, что вновь нужно лезть на это орудие пыток. Восемь километров пути к цели вполне себе были способны превратить мою задницу в отбивную.

Отмелькали придорожные дома, загустел постепенно лес по обе стороны от обочин. И попадались участки, когда казалось, что узкая полоса дорожного полотна уходит прямоком в густые заросли сосен и берёз, оставляющие небо почти без просвета. Хорошо хоть покрытие было асфальтированное, трясло не так, как в деревне, но по прибытии к месту высадки, я всё-таки не смог сдержать стона, ступая, наконец,

ногами на твёрдую почву.

– Как вы тут живёте? – спросил участкового, не ожидая ответа.

– Нормально живём. Другой жизни всё равно не будет, значит, надо как-то к этой приспособливаться.

– Да уж. Приспособление – основной закон эволюции. Но иногда находятся идиоты, которые идут ему наперекор. Сидели бы в окопе, глядишь и уцелели бы, так нет, надо в лобовую, да бегом.

– Про что это вы?

– Кто про что, а я про себя.

– Вон тропинка, – ткнул он пальцем в сторону. – По ней прямо к развалинам и выйдете. Шлем себе оставьте, потом занесёте при случае, а то там в подвалах можно и кирпич какой макушкой словить.

– Спасибо, добрый человек. За заботу и за то, что подвёз, тебе пора.

Подойдя вплотную к Степану Георгиевичу, я посмотрел ему в глаза и принялся снимать старые установки, добавляя новых. Пора уже ему домой возвращаться, не его это война. Или игра, что суть одно и то же. Пусть забудет и меня и ненаглядную Галину с такими крепкими, соблазнительными ляжками, да продолжит свою тихую, мирную жизнь. Надеюсь, долгую.

– Ну, я поехал. Дела не ждут, – кивнул он мне на прощание и, с натугой, руками развернул свою колымагу в обрат-

ном направлении.

Как и обещал, больше не заикается. Я не стал ждать, когда он скроется из вида, ступил на едва заметную в зелени тропу и пошёл навстречу развязки своей, такой короткой земной истории.

Идти оказалось довольно прилично, километра два где-то, примерно, но я и не спешил. Если Петюня с Локи ещё дышат, значит в планы злодеев не входила их быстрая кончина, так что и опаздывать некуда. А если нет – то и в спешке нет никакого смысла. Я, конечно, надеялся на первое, а о втором даже думать не хотелось.

Надеюсь, никто не ожидает, что я сейчас заявлюсь во всей красе, Галина надёжно прикована к газовой трубе и сообщить вряд ли сможет, если уже очухалась. Хотя зелье Лайе должно действовать ещё довольно долго. Если, конечно, жертвы Галиендрис не приняли на себя этот удар. Тогда уже, наверное, сидит и воет на полу, размазывая кровь по разбитому лицу. Это всё в теории, а на практике, вполне возможно, что весь этот спектакль был заранее отрепетирован и я, как баран, прусь в заботливо раскрытый загон для тупой скотины.

Как бы то ни было, но, несмотря на жару, бронежилет я под куртку всё-таки надел и теперь обливался потом, а вот шлем снял и положил под приметное, кривое дерево, забросав листвой. Слишком уж он мешал обзору окрестностей, мне же жизненно необходимо было заметить неприятеля.

теля первым, а не наоборот.

Вот и развалины. Ни за что не скажешь, что здесь когда-то было здание завода по производству стекла. Порывшись в памяти, я выудил и историю и план подземных коммуникаций, на моё счастье, они оказались в числе скачанных файлов, посвящённых областным достопримечательностям.

То, что это сооружение принадлежало местной помещице тьма её знает каких годов, на меня не произвело никакого впечатления, а вот схематичное изображение подвальных помещений вызвало неподдельный интерес. Понятно, что не всё сохранило свою первоизданную целостность, но ведь что-то осталось. Не зря же Медарон разместил здесь свой временный лагерь.

Так вот же оно – помещица эта приходилась двоюродной сестрой незабвенного Кеши Гридоебова, стало быть, по прибытии из-за океана, наш пенсионер успел наложить свои лапки и на это имущество. Нахрена ему эти развалины? Может в них клад зарыт, или в тайном месте спрятан рецепт какого-нибудь эксклюзивного стекла? Само-собой, Иннокентий Афанасьевич любезно предложил дорогим гостям свои самые лучшие апартаменты, которые оказались поблизости от места событий. То-то заморские туристы обрадовались, когда пришлось делать штаб квартиру посреди леса, зарывшись под землю, словно кроты.

Всё, пора включать Александра, еле слышные голоса уже доносились со стороны, в которую я направлялся. Я свернул

с тропинки и, стараясь не шуметь, принялся дугой огибать место возможного нахождения противника. Сколько их, интересно и все ли действующие лица находятся на поверхности? Хорошо бы, если только пехота, а сами главные шишки, как сказал бы Кузьмич, сидели в своей норе.

Итак, я добрался до более менее сносной позиции и затаился, разглядывая сквозь кустарник троицу камуфлированных персонажей, вольготно расположившихся на раскладных стульчиках и о чём-то вяло переговаривающихся друг с другом. Тоже мне военные, совсем расслабились на природе, оружие составлено возле груды старых, поросших мхом, кирпичей. А как же суровая армейская бдительность? Трибунал по вам плачет. Где ваше хвалёное чувство опасности? Хорошо хоть воду пьют, а не водку, хотя кто знает, что у них там в этих больших бутылках за пойло налито?

Чуть поотдаль были запаркованы два внедорожника и один микроавтобус с наглухо затонированными стёклами. Засада? Будь это так, я бы, точнее, Санёк, расположил пару снайперов неподалёку, замаскированных под пеньки и поросшие густой травой кочки. А также ещё пару бойцов в микроавтобусе для подстраховки, если вдруг что-то пойдёт не так.

Только вот если и ждали меня, то вряд ли думали, что я смогу повторить вчерашний подвиг, да ещё и безоружный. Столько везения не бывает, а то, что они подумали, будто мне именно повезло, напрашивалось само собой. Только ве-

зение везением, а осторожность не мешает. Выглянув из окопа, я увидел своего врага, но не факт, что враг спокойно дремлет, рассчитывая на свои превосходящие силы. Беспечность и самоуверенность до добра не доводила ещё никого – это я знал абсолютно точно.

Попробовать форсировать ситуацию? Сколько времени ещё придётся вот так лежать и дожидаться неизвестно чего? Что у них там за оружие? Издалека похожи на "Вихрь", для ближнего боя как раз сгодится, да ещё и с глушителями – самое оно.

Переключение управления на себя, время побаловаться телекинезом. Я достал камень, подобранный во дворе и отправил его в недолгий полёт, слегка подкорректировав траекторию. Пора возвращать забытое врагами имущество. Троица дисциплинированно повскакивала со своих мест и дружно уставилась в сторону, противоположную от меня, громкий стук булыжника, ударившего по раздобанной кирпичной кладке явно указал им на непрошенных гостей. Или гостя.

Да, так бывает, когда хоть один раздобай в семье всегда находится, поскольку двое схватили свои автоматы, а третий, посчитав, что должен же кто-то за прилавком остаться, вновь уселся и наблюдал за действиями своих товарищей с весёлыми подбадривающими выкриками в стиле:

– Убейте эту крысу, чуваки! Билли, обходи её слева! Только смотрите не перестреляйте друг друга, отважные парни!

Даже не вооружился, придурок, ну так мне же легче. Автомат жизнерадостного лентяя прилетел со скоростью ветра, интеллект, подросток больше чем на двести единиц, позволял творить уже подлинные чудеса. И, если всё получится, попробую задрать его ещё выше. Вновь включаю Саньку, давай, брат, не подведи, сейчас только на тебя надежда. Наспех проверил оружие, дослал патрон. Оптика присутствовала, поэтому мне не составило труда прицелиться в спину беспечного говоруна и выстрелить. Наконец-то заткнулся, вражина.

Оставшиеся вдвоём сразу и не поняли, что их приятель уже не с ними, а напрямик на пути в ад. Их очередь подошла на удивление быстро, не то что в какой-нибудь районной поликлинике – я видел статистику жалоб на медобслуживание, это просто неслыханный позор для властей. Короче говоря, Саньку понадобилась ещё пара секунд, чтобы уложить и этих. И опять я в деле.

"Идентификация."

Я не стал вникать в подробности личных данных этих горе-воителей, не до того было, главное, что параметры киберриан стали теперь доступны. То ли это от уровня интеллекта зависело, а может и от того, что сознание их начало угасать, но моя система на этот раз не подвела и выдала их характеристики. Ну да, как и ожидалось, сила раскачана до небес, а вот с интеллектом совсем беда – сто двадцать на троих. Неважно, берём всё. Можно, конечно, попробовать и силы добавить, только вот у меня изначально уклон был в другую

сторону, поэтому много отщипнуть не получится. Но, как показывает практика, много силы не бывает, бывает мало.

Итого:

"Аватар: человек землянин, Протасов Александр Викторович, 35 лет, пол мужской, специальность вершитель правосудия, уровень 6, сила 250.

Симбионт: человек технецианин, Блок Кади Пирст, ??? лет, пол мужской, специальность вершитель правосудия, уровень 12, интеллект 1006."

О как. Силу, значит Санёк себе забирает, плюс ещё по три уровня за убиенных накапало. А интеллекта столько, что я прямо монстром теперь каким-то стал, даже представить страшно, что сулило это повышение. Насколько я знал, уровень интеллекта самого Гилтри до тысячи так и не добрался, поэтому трудно судить о том, чего ещё никогда не было в мировой истории.

Интересно, этот их Лободрот уже засёк меня или нет? Чего-то он медлит. Или из-под земли его знаменитая чуйка не достаёт до потенциального противника?

"Внимание. Открыта способность телепортации. Дальность до пятидесяти метров по горизонтали, до двадцати метров по вертикали. Включить? Да. Нет."

Ох, ты ж моя прелесть! Конечно включить. Жму "Да" и тут же задаюсь вопросом – сколько ресурсов теперь это открытие будет мне стоить? Не получится ли так, что я в трудный момент отпрыгну куда следует и тут же свалюсь от

упадка сил? Ладно, оставляю эту вишенку на потом, не стоит сейчас рисковать с проверкой новой способности. Однако, стоит заметить, что нечто подобное я подозревал. Телекинез появился после пятисотого уровня интеллекта, значит можно было рассчитывать, что на тысячном произойдёт следующий шаг по ступеням вверх.

– Ну что, господин Пирст Протасов, тореадор, смелее в бой, – вполголоса проговорил я. – Не скажу, что всю жизнь мечтал, но кто ж меня спрашивает? Посмотрим, что там за медведь в этой берлоге.

Поднявшись на ноги, я переметнулся к припаркованным машинам и попытался заглянуть внутрь микроавтобуса. Конечно же, безуспешно. Затонированные стёкла отражали только мою перекошенную физиономию и свои секреты выдавать категорически не желали. Зато изнутри доносились неясные звуки и лёгкие толчки.

– Твою мать, – прошептал я. – Не видно ни хрена. Может не заперто?

Дёрнул за ручку и, о чудо, дверка и открылась. Петюня, с куском тряпки во рту и обвязанный верёвками до такой степени, что потяжелел, наверное, вдвое, вытарашенными глазами пялился прямо на меня и снова что-то мычал. Прямо как вчера, во время нашей первой встречи.

– Тихо, только не ори, – предупредил я его и, дождавшись утвердительного кивка, выдернул кляп изо рта.

– А-а-а! – тут же заорал тот, отчего пришлось зажать ему

пасть ладонью и злобно зашипеть:

– Сказал же – не ори, придурок.

– Гего не гя, гего Гоги, – тут же отмазался тот, силясь говорить членораздельно, но с закрытым ртом выходило не очень.

– Короче, повторяю для особо одарённых – орать запрещено. Или, если нас тут сейчас не положат, я вас сам положу. Ибо так будет проще всего. Ясно?

– Угу, угу, – закивал тот головой и преданно округлил глаза.

– Надеюсь.

Я медленно раскрыл ему рот и Петюня, вкупе с Локи, смогли наконец задышать полной грудью. Слава богу, хоть орать перестали и то хорошо.

– Так, сейчас быстро, но тихо сматываемся отсюда, – начал я их инструктировать, отложив автомат в сторону и топориком стараясь перерезать крепкую на вид верёвку.

– Да, да, мы поняли, Александр Викторович.

– Как вас поймали-то?

– Так мы со Светланой Игоревной в прятки стали играть, скучно просто так сидеть было. Тем более, она нам и не показала-то почти ничего. Подумаешь, сись...

Снова я не успел узнать, что там показала Света этим похотливым юнцам, поскольку уже в который раз сзади раздался голос, оборвавший настолько увлекательную историю:

– Так, так. Господин Протасов. А мы уже вас заждались

тут, чай распивая.

Я резко обернулся, Петюня же продолжил распутывать надрезанную верёвку и громко сопел от напряжения.

– Медарон?

Шагах в двенадцати от нас стояли четверо. Владелец дорогих ботинок в светлом летнем костюме, двухметровая горилла, чуть позади него и двое поменьше. Эти были в таких же камуфляжах, что и троица убиенных, окропивших красненьким лужайку подле помещичьих развалин.

– Значит, снова киберриан убиваешь? – злобно спросил Медарон.

– Кто-то же должен, – усмехнулся я, рукой пытаюсь нашарить автомат, но он почему-то не находился.

Опять врасплох застали, суки. Это всё чёртов Локи! Надо было их с Петюней сначала вырубить, а потом уж спасать.

– Да как ты посмел, негодяй, – мужик аж покраснел от гнева.

– Смотри, от натуги не лопни. Ну или воздух не испорти. Так бывает, когда злишься и перестаёшь себя контролировать.

– Что?!

А ничего. Как всегда, в минуты опасности или крайнего раздражения меня тупо понесло. Я ещё и не такого мог бы наговорить, только времени, похоже, совсем уже не оставалось, поскольку Медарон обернулся и, указав пальцем на меня, приказал двухметровому монстру:

– Убей его. Исполни своё предназначение.

– Да, сэр, – радостно оскалился тот, хрустнул костяшками пальцев, размял шею и шагнул ко мне.

– Ну вот мы и встретились, – доложил он мне совершенно очевидный факт.

– И чё?

– Я долго готовился, раскачивал силу, раз за разом, с каждым новым телом в течении двухсот пятидесяти лет.

– Поздравляю. Вопрос тот же – и чё?

– Смотри, чего я достиг, ожидая своего последнего врага. Лободрот подошёл как раз к куску старой кирпичной кладки, по самым скромным подсчётам, весом примерно в двести килограмм. Ухватился за него своими клешнями и почти без натуги поднял, удерживая на уровне груди полусогнутыми руками. Радостно ощерился и победно спросил:

– Видал? А ты так можешь?

– Так нет.

Телекинез. Я со всем возможным усилием надавил на этот кусок древней стены сверху и неожиданно результат превзошёл все мои ожидания. Видимо интеллект вырос настолько для этого умения, что камень в руках супермена Лободрота в мгновение ока потяжелел, наверное, раз в пять.

– А! А! А!

Каждый раз выкрикивая первую алфавитную букву, это двухметровое чудовище подпрыгивало на единственной оставшейся здоровой ноге, двумя руками мёртвой хваткой

уцепившись за то месиво, которое осталось от второй. Аж глаза из орбит вылезли, так ему было больно.

Медарон с открытым ртом непонимающе смотрел на этот спектакль и мне вдруг стало странно весело. Гулять, так гулять. Тореадор, смелее в бой!

Телепорт десять метров. В глазах на мгновение затуманилось, свистнуло в ушах и вот уже двое, очумевших от удивления, бодигардов незадачливого ключа киберрианцев, у меня прямо как на ладони. Александр, теперь твой выход. Два смазанных движения и, отделённые топориком головы, покатились, словно бусины, прямо под ноги прыгающей искре.

Конечно же, он наступил на одну из них, взлетел в воздух, отпустил наконец изуродованную ногу и замахал руками, словно петух. Правда летал он недолго, петухи ведь не летают. Рухнул плашмя на траву, шеей приложившись прямо об кусок кирпичной кладки, которую показывал мне несколько секунд назад.

– Не надо! – заорал Медарон, когда я, присев рядом с его подопечным, принялся с задумчивым видом разглядывать окровавленный топор.

– Почему? – спросил я. – Всё по честному было.

– Пощади его, прошу тебя.

– Да зачем он тебе нужен? Ты же и так теперь можешь жить сколько захочешь, то есть вечно, другими словами. Или Галиендрис соврала мне?

– Не совсем. – у него забегали глаза, ведь явно, сука, что

то скрыть хочет.

– Ну?!

– Я могу жить, пока живёт искра.

– Значит всё таки обманул старушку? – рассмеялся я. – А она то так надеялась.

– Здесь, в игре, каждый за себя.

– Поэтому повторю свой вопрос – почему я должен его оставить в живых? На тебя мне плевать, да и на остальных тоже – я их даже не знаю. И ты прав – каждый сам за себя.

Медленно занося топор над головой Лободрота, я пристально смотрел в глаза Медарону и кожей ощущал его страх и ненависть, которые росли с каждым мгновением. Причём страх явно преобладал в этом дуэте. Но это только сейчас, ещё минуту назад передо мной стоял самоуверенный павлин, убеждённый в своём заокеанском величии.

А может и правда всё закончить? Прямо здесь и сейчас. И не будет больше никакой игры, никаких ключей с проводниками, ни этого непонятного противостояния искр из разных вселенных, зачем-то собранных сегодня на этой лесной поляне. Ведь оставшаяся четвёрка наверняка где-то поблизости, пойти и убить их всех, пока они не способны оказать сопротивление. Ведь такой план был у Медарона? Почему бы мне самому им не воспользоваться?

– Не так быстро, Кади.

– Петюня? – удивлённо спросил, резко обернувшись.

– Нет.

– Локи?

– Тоже нет. Они сейчас спят.

– Тогда кто же ты?

– Тот, кто любит поиграть. Только игра ещё не закончилась. Это только начало.